

Дей Кин

Будь моей и умри

Глава 1

В телефонной трубке голос молодого любовника не казался мне ни романтичным, ни соблазнительным. Я выслушал сбивчивую речь, произнесенную почти взхлеб, и уставился в ночное окно. Дождь с такой силой бил по стеклам, что вибрировали жалюзи. Я поспешил к телефонному звонку в прихожую, даже не надев тапочек, и здесь, стоя на голом холодном полу, задавал себя вопрос, почему, черт возьми, я должен слушать какой-то бред Стива Миллета и студить себе ноги.

– Послушай, Стив, – наконец вклинился я, – позвони-ка мне позже, когда протрезвешь.

– Но пойми же, Слэгл! – истерически заорал он в телефонную трубку. – Я попал в неприятную историю! Очень неприятную. Ты должен приехать немедленно.

Было уже четыре часа утра. Я задержал дыхание, пытаюсь одновременно оторвать обе ноги от пола. Ничего не получилось. Наконец мне удалось стянуть пальцами ног пижаму так низко, чтобы встать на нее пятками.

– Прошу тебя, Джонни!

Штанина вырвалась из-под ноги, а пол был холодным. Я хотел было повесить трубку, но все-таки не сделал этого, удержало обращение: "Прошу тебя". До сих пор в его словаре таких слов не было.

Телефонный аппарат стоял на краю буфета, рядом с занавеской, отделяющей прихожую от столовой. Я подпрыгнул и использовал буфет в качестве насеста. Правда, ногам от этого не стало теплее.

– Неужели твое дело не может еще немного подождать? – раздраженно спросил я.

– Разумеется, не может! – воскликнул Миллет. Он закашлялся, а я использовал эту паузу, чтобы задрапировать ноги в занавеску. – Мне кажется, что я кого-то убил. Но я же не могу сообщать тебе об этом по телефону.

Скользкая занавеска сползла с моих ног, и к тому же бархат оказался почти таким же холодным, как и мраморные плиты пола.

– Где ты сейчас?

– На ранчо... Я – на ранчо... Слэгл... Джонни, прошу тебя...

– Ладно, сейчас приеду, – буркнул я и повесил трубку.

Сейчас бы мне с гораздо большим удовольствием хотелось лететь на Марс, чем ехать на

ранчо Миллета, находившееся в долине Сан-Фернандо.

Ноги успели так замерзнуть, что стать более холодными, вероятно, не могли бы. Я поплелся на кухню и зажег свет. Пока я подогревал воду для кофе, прислушивался к шуму дождя, стоя то на одной ноге, то на другой.

Размышлять о деле Миллета не имело смысла. Следовало ждать, пока он не расскажет о своей истории подробно. Если он действительно пьян и его слова – лишь игра воображения, то он наверняка испытает на своей шкуре силу моих кулаков.

Наконец кофеварка зашипела, и я в десятый раз подумал, что четыре часа утра слишком поганое время, чтобы думать о чем-либо, кроме горячего грога.

Но я выпил черного кофе и поплелся в спальню.

Салли не спала.

– Если ты думаешь, что сможешь согреть об меня свои холодные ноги, то жестоко ошибаешься.

Я зажег свет у туалетного столика и стал размышлять, надо ли надевать старые носки. Наконец решил надеть свежие.

– Только не веди себя так таинственно, – сказала Салли. – Кто это звонил?

– Стив Миллет.

– О-о!

Я достал из шкафа носки, сел на край кровати и растер ноги.

– Надеюсь, ничего страшного? – спросила она.

– Пока не знаю. – Под простыней ее формы выглядели так заманчиво, словно были облиты тяжелым шелком. Салли лежала на боку, подложив руку под щеку, и наблюдала за мной. А у меня появилось желание снова забраться в кровать, запустить руки в ее длинные светлые волосы и заснуть. А может быть, и...

Но Салли улыбнулась, показав свои белоснежные зубы в обрамлении ярко-красных, не тронутых помадой, губ.

– Ты куда?

– Он хочет поговорить со мной.

Улыбка исчезла. Салли отвернулась.

– Это обязательно?

– Это – моя работа, дорогая.

Для такой погоды больше был пригоден костюм из грубой пряжи, я надел также рубашку и коричневый галстук, который позже, при дневном свете, оказался голубым. Затем я надел самые старые сапоги. Оглянувшись через плечо, увидел, как Салли подергивает пальцами нитки на стенном ковре. От меня не ускользнуло также, что лоб ее нахмурен, но что я мог поделаться?

Мой плащ был мокр еще от вчерашнего дождя, но я все-таки надел его. Напоследок отыскал

мягкую серую фетровую шляпу и нахлобучил себе на голову.

Полностью облаченный, я снова присел на кровать к Салли, и мы посмотрели друг на друга.

– О'кей! – сказала она. – Только возвращайся поскорее.

– Конечно, – ответил я.

Она подставила мне свои губы, а я запустил свои пальцы в ее волосы. Последовавший за этим поцелуй нельзя было назвать родительским. Салли откинулась на подушку, торжественно подмигнула и спрятала свое лицо.

Я выключил свет и отправился в гараж. Уже с первых шагов я понял, что сделал ошибку, надев не те сапоги. На улице воды было по щиколотку. Дождь как начался вчера днем, так и не кончился до сих пор.

На холмистых местах машина шла хорошо, но в долинах из-под колес выбивались фонтаны воды. Дважды я чуть было не наткнулся на застрявшие грузовики, а немного позже лишь чудом избежал столкновения с машиной, которая неожиданно вынырнула из-за поворота, потому что из-за мутной пелены дождя видимость была лишь на несколько десятков ярдов. И я был чертовски рад, когда наконец увидел широко раскрытые и ярко освещенные ворота ранчо Стива Миллета.

По эвкалиптовой аллее я проехал к дому и остановился впритирку к темной шестицилиндровой машине Миллета – спортивной машине иностранного производства, специально оборудованной согласно желанию знаменитого заказчика.

Само ранчо было под стать машине – и то, и другое стоило огромных денег, но ранчо было, конечно, делом более прибыльным. Миллет вложил большую часть своих денег, полученных им за три фильма, в землю, скупив огромные пространства плодородных земель в долине. Он называл свое приобретение "страховкой в старости". Но, по моему мнению, если он будет жить так же, как и раньше, то к старости у него вообще ничего не останется. Для меня оставалось загадкой, как он вообще до сих пор оставался в живых. Я знал людей, которые предпочитали бы присутствовать на его похоронах сегодня, нежели завтра, и если бы даже захотел пересчитать их по пальцам, мне бы пришлось нанять для этого еще с полдюжины рук.

Ранчо было отличным, но, насколько я знаю – и вряд ли кто знал об этом лучше меня, – Миллет за последние десять лет не вырастил тут ничего, кроме греха. Урожай он собирал только в виде большеглазых молодых девушек.

Я затормозил, но продолжал сидеть в машине, душой оставаясь еще у себя дома. Закурил сигарету, задумался о том, какие неприятности на этот раз заработал себе наш "милый друг". Если они были действительно серьезными, было бы совсем неплохо так и оставить его в этом дерьме, вместо того чтобы вытаскивать из беды, вытирать его наманикюрные пальцы, прочищать его классический нос, похлопывать по широкой мужской спине и подстрекать тем самым на новые подлости. И вдобавок ко всему давать советы, учитывая интересы киностудии.

Дождь теперь дружелюбно, почти интимно постукивал по крыше машины. Я докурил сигарету, но не вылезал из машины. Мелькнула мысль вернуться домой, позвонить Стиву и послать ко всем чертям. Правда, тогда студия порвет со мной договор, – ну и черт с ними. Я ведь в любой момент могу возвратиться на прежнюю работу в уголовную полицию. В полиции уже одно было хорошо: там нет сложностей. Бродяга там считается бродягой, которого сажали за решетку, едва появлялась возможность поймать его.

Из машины я видел сквозь стекла освещенный холл. Вечеринка, которые постоянно устраивал Миллет в свойственном ему духе, была в полном разгаре. За оконными стеклами, залитыми дождем, двигалось с полдюжины хорошеньких "звезд", более или менее одетых. Увидел я и Пола Глэда, и еще трех или четырех мужчин, которых я не знал.

У Глэда, владельца игорного клуба, сидела на коленях брюнетка с пышными формами, она уже довольно крепко напилась, чтобы участвовать в игре "нажмем на все звоночки". Но как бы интенсивно Глэд ни занимался этой брюнеткой, его лицо игрока в покер все равно ничего не выражало и оставалось непроницаемым, как обычно.

Может быть, Стив задолжал Полу Глэду? Но ради этого он не стал бы будить меня в четыре часа утра. Кроме того, голос Миллета звучал тревожно, похоже, он действительно был на грани истерики. Может быть, кто-то всерьез пригрозил ему расправиться?

Загасив сигарету в пепельнице, я внезапно увидел темное негритянское лицо, которое уставилось на меня сквозь лобовое стекло машины. Поняв, что я его наконец увидел, он открыл дверцу.

– Вы что, хотите просидеть здесь до утра, Слэгл?

– А разве это запрещено?

В ответе негра прозвучал упрек:

– Нет, но ведь хлещет дождь, и я уже промок насквозь.

Тогда я открыл дверцу и вышел.

– Можете встать под крышу, – буркнул я ему. – Или вы считаете, что мне придется платить за ваши страдания?

Жесткие мускулистые пальцы тут же вцепились в мою руку.

– Я его держу! – крикнул негр.

Я посмотрел на его пальцы.

– А теперь быстренько меня отпустите. Впрочем, может быть, ваши зубы застрахованы на большую сумму?

В его горле раздался какой-то звук, похожий на визг. Я стряхнул дождевую воду с полей шляпы и еще раз внимательно посмотрел на этого негра. И узнал, наконец, одного из телохранителей Пола Глэда. Насколько я помнил, его звали Фрэнк.

В этот момент к машине подскочил второй – коренастый и тоже промокший. Шляпа этого парня была глубоко посажена на лоб, руки засунуты в карманы, словно он там сжимал пару пистолетов.

– Что, собственно, все это значит? – поинтересовался я. – Грабеж?

В таком случае, Пол сейчас наставит на ваших задницах такие мозоли, что вы две недели не сможете сидеть.

Негр, схвативший мою руку, снова издал какой-то нечленораздельный звук. У него было лицо полудиота, которое беспрерывно улыбалось. Да и руки его были вряд ли короче ног. А теперь он еще и сдавил мою руку.

– Это не грабеж! Пойдемте с нами!

Его тон мне совсем не понравился. Я быстренько развернулся и вырвался из его клешей.

– Кто-нибудь из вас двоих все-таки объяснит мне, что вам нужно? Фрэнк провел влажной ладонью по своему лицу.

– Пол хочет поговорить с вами.

– Ладно, – согласился я. – В таком случае, пойдём поговорим с Полом. – И я направился к дому, но негр снова схватил меня за руку.

– Нет, не в доме. Вы туда не войдете, пока не поговорите с Полом.

– Плевать мне на него! – бросил я и шагнул к дому.

Но Фрэнк с такой силой рванул за руку, что у меня слетела шляпа.

– Я же предупреждал вас, – пришлось всадить свой кулак в его брюшную полость. Голова Фрэнка стукнулась о крыло моей машины, и он растянулся на земле во всю длину.

Я перевел дыхание и поднял шляпу. В тот же момент на меня сзади набросился коренастый. Он ухватил кисти моих рук и резко вывернул их за спину: это было чертовски больно. Я ударил его ногой, но промахнулся. Попытался перебросить через плечо – тоже не удалось. Его позиция была лучше.

Фрэнк тяжело поднялся на ноги. На его лице вновь играла глупая, но опасная улыбка. А когда он заговорил, голос прозвучал ровно и глухо, скорее удовлетворенно, чем сердито.

– Вы не должны были этого делать, Слэгл. – Он сделал шаг вперед и нанес мне сильнейший удар в челюсть.

Я не мог ничего предпринять, так как коренастый крепко держал мои руки сзади. Перед глазами поплыли красные круги. Но я как-то автоматически отметил, что за окном первого этажа пьяная блондинка стояла на голове, прислонив ноги к бару. А молодой человек, которого я прежде никогда не встречал, с энтузиазмом ей аплодировал. Глэд продолжал игру "нажмем на все звоночки", и рот брюнетки был широко раскрыт, словно она тем самым выражала свое восхищение. Потом мимо них прошел Стив Миллет, держа в руках по бокалу. Для меня все происходило словно в немом кино. Кроме шума дождя, барабанившего по крыше моей машины, и тяжелого дыхания двух людей я не слышал ничего.

– Почему вы не хотите быть послушным, Слэгл? – спросил коренастый, державший меня сзади. И тут я неожиданно ударил его локтями. Он издал звук, похожий на хрюканье, и выпустил меня. А я с разворота ударил его в челюсть. Потом быстро обернулся к Фрэнку. Тот с ухмылкой приближался ко мне. Я попытался увернуться, но коренастый ухитрился сделать мне подножку, и я чуть было не растянулся во весь рост.

– Перестаньте разыгрывать супермена, – прокряхтел он. – Пол приказал нам привести вас к нему. И мы выполним этот приказ любым способом.

Фрэнк, нагнувшись, приближался ко мне, но его напарнику, видимо, было уже достаточно. Он оттолкнул Фрэнка в сторону.

– Перестань! Дай я с ним сам потолкую!

Я увидел тускло сверкнувшее дуло пистолета.

– Хватит, Слэгл, – кивнул коренастый. – Идите вдоль изгороди к павильону. Быстро!

– А если я не слушаюсь?

– Я вас пристрелю.

– Это вам тоже приказал Пол?

– Нет, – сознался он. – Эта мысль только что пришла мне в голову. Ну, быстро!

И тогда я пошел вдоль изгороди к павильону. Позади слышалось тяжелое дыхание Фрэнка и шлепанье его ног по лужам. Обернувшись, я увидел, что он по-прежнему улыбается.

Глава 2

Павильон для гостей на ранчо Миллета был таким же большим, как и главное здание, но размещался он среди акаций за плавательным бассейном и теннисным кортом. Дождевая вода с низкого желоба бурно стекала на размытую цветочную грядку.

– У нас нет ключа, – сказал коренастый и ткнул дулом револьвера мне в спину. – Пол нам его не дал.

Но Фрэнк ударил ногой в дверь, и она тотчас распахнулась.

– Зачем тебе ключ?

Коренастый ткнул меня посильнее:

– Входите, Слэгл!

В павильоне было сухо и тепло. И к тому же – после шума дождя – в нем, казалось, царил мертвая тишина.

– Садитесь! – приказал коренастый и подтолкнул меня к какой-то черной массе. Вероятно, это было кресло. Я обошел его сбоку и внезапным броском вырвал револьвер из руки коренастого.

– Собака! – взвыл он. – Проклятая собака!

Но револьвер-то был уже у меня. Правда, Фрэнк тут же влепил мне по почкам, отчего я грохнулся на пол, но револьвер не выпустил. Стрелять или нет?

– У него револьвер! – заорал Фрэнк. Судя по всему, страх смыл наконец улыбку с его лица.

– Как вы догадливы! – процедил я сквозь зубы. – И да будет вам известно: теперь я сумею им воспользоваться! Только сперва услышу от вас, идиотов, чего вам от меня надо. Считаю до трех и стреляю!

– Он не шутит, – прошептал Фрэнк. – Он действительно не шутит. – Теперь его голос прозвучал совсем иначе.

– А вы не так глупы! – бросил я.

Внезапно со стороны двери раздались поспешные шаги.

– Подождите, Слэгл! – раздался голос Пола Глэда.

Я облокотился на спинку кресла, беспечно помахивая револьвером. Щелкнул выключатель, и в помещении стало светло. Глэд оглядел сперва меня, потом своих висельников.

– Что здесь происходит? – сухо поинтересовался он.

– Ваши мальчики на побегушках захотели познакомиться с моими почками, – ответил я. – Ну, хватит вопросов! Один из вас троих должен объяснить мне, что тут происходит.

Я направил пистолет на Глэда, но это его не испугало. Он стоял передо мной неподвижно, и можно легко было видеть, как работают его мозги. В обычно сонных глазах Глэда сверкнула искорка, и эту искорку наверняка зажег я.

– Сами знаете, Слэгл, – наконец ответил он. – Мне надоело ваше постоянное разнюхивание. Я им сыт по горло.

Оружие в моей руке явно прибавляло мне храбрости.

– Как грустно! – бросил я.

Я ни разу не видел, чтобы одежда у Глэда была не синего цвета. Этот его синий цвет мог иметь разные оттенки, но он всегда был синим и только ботинки – черными. Вот и сейчас на нем был синий габардиновый костюм, белоснежная рубашка с голубыми узорами и голубой же галстук. На груди висела платиновая цепочка, поддерживая иглу для галстука, на которой сверкал изумруд, величиной с ноготь моего большого пальца. По непонятной мне причине зелень изумруда хорошо гармонировала с сине-голубой одеждой.

– Ну, говорите! – поторопил я. – Сегодня вы меня совершенно не интересовали. Но что же происходит? Два ваших слабоумных пса набрасываются на меня...

– Это вполне могло быть, – буркнул он. – Но ведь вы приехали сюда не по своим личным делам. Вот я и приказал моим мальчикам привести вас ко мне. А бить вас я не приказывал.

Последняя фраза, кажется, была больше похожа на извинение, чем все предыдущие. Да и вообще я еще как-то не слышал извинений из уст Пола Глэда.

– Нет ничего на свете, чего нельзя было бы исправить, – согласился я. – Но в следующий раз оба ваши парня познакомятся со мной поближе.

Глаза Фрэнка потемнели и увлажнились. Но Пол Глэд умел заставить считаться с собой. И для этого у него были все данные. В его бизнесе приходилось быть и добрым, и ловким. А вообще-то он был суровым и расчетливым игроком, хитрым и честолюбивым. Правда, он никогда не выставлял напоказ эти качества. И всегда трезво смотрел на вещи, словом, был Полом Глэдом.

– Вам позвонил Стив, не так ли? Поэтому вы и приехали?

– Угадали, – кивнул я.

– Не угадал, а знал. Слышал, как он говорил с вами по телефону. И поэтому приказал своим мальчикам привести вас сперва ко мне.

– Это очень осмотрительно с вашей стороны!

Глэд не обратил внимания на мое замечание.

– И Миллет, значит, плакался вам в жилет, не так ли? Слушайте меня внимательно, Слэгл, и можете даже рассказать это своим работодателям, если захотите. Я никому не позволю

вмешиваться в свои дела! Ни вы, ни "Консолидейтед Пикчерз" не помешают возвратить мои деньги, которые задолжал мне Стив Миллет.

Я закурил сигарету.

– А кто вам мешает это сделать? Я, кстати, понятия не имел", что Стив Миллет вам должен деньги. Правда, сознаюсь, такая мысль приходила мне в голову, когда я сидел в машине.

– Вы лжете, – сказал Глэд.

Фрэнк осторожно кашлянул.

Глэд даже не взглянул на него, только на лбу появились две вертикальные морщинки: он слишком хорошо знал, что я никогда не лгал.

– Так зачем же вам звонил этот дамский угодник? – поинтересовался он.

Я открыл рот, но снова его закрыл. Это его не касалось.

– Расскажите, Слэгл, – буркнул Глэд. Его правая рука медленно сжалась в кулак. Это не был угрожающий жест, а просто подтверждение приказа.

Я все еще стоял за креслом, покачивая револьвером. Сделал последнюю затяжку и загасил сигарету об пол.

– Вы считаете, что это вас касается?

– Во всяком случае, я сделаю так, чтобы это меня касалось.

– Въезжаю в ворота Миллета, – спокойно начал я, – и останавливаю машину. Он хотел срочно поговорить со мной, и дело, видимо, достаточно важное, иначе он не стал бы вытаскивать меня из кровати в четыре часа утра. Он даже употребил слово "прошу". Но откуда же мне знать, что случилось? Не успел я выйти из машины, как на меня набрасываются ваши слабоумные шимпанзе и избивают до полусмерти. И все это только по той причине, что вы выразили желание поговорить со мной до того, как я встречу со Стивом Миллетом! Вы считаете, что можете проделывать со мной такие штучки?

– Да, считаю, – кивнул Глэд. – А зачем он вам звонил?

Я обошел кресло и сел в него, откинувшись на спинку.

– Между нами говоря: убирайтесь ко всем чертям!

Его глаза приняли скучающее и сонное выражение.

– Значит, вы хотите, чтобы вами занялись мои мальчишки?

– Вы забываете, что у меня в руке револьвер.

– Вы не решитесь им воспользоваться.

– Вы так считаете?

– Хотя... Да, вы сможете это сделать, – согласился он.

– О'кей! Ну, а после того как мы с вами пришли к единому знаменателю...

– Я не думаю, что вас заинтересовали бы несколько сотен долларов.

– Вы совершенно правы.

Выражение лица Глэда нисколько не изменилось.

– Ведите себя разумно, Слэгл. Возможно, все это – лишь случайное недоразумение, но я хотел бы все знать. Как я вам уже говорил, моим мальчикам не было дано приказа напасть на вас. Я только хотел побеседовать с вами до вашей встречи с Миллетом. – Второй раз за несколько минут он проявлял слабость. – Можно исправить положение, если я скажу вам: мне очень жаль, что все так получилось?

Я улыбнулся в мокрый рукав моего плаща. Глэд пожал плечами.

– Хорошо! Но ведь и у вас не всегда будет в руках револьвер, Слэгл. А я – неприятный противник, вы же знаете.

– Еще как! – усмехнулся я.

– Так зачем вам звонил Миллет?

Я мог бы, конечно, сказать, какого я о нем мнения. Но мне приходилось жить и работать в Лос-Анджелесе. И следовало подумать о Салли. Стив не стоил того, чтобы я ради него получил удар по затылку в каком-нибудь темном переулке. Я поднялся и сунул револьвер в карман плаща.

– Миллет сказал, что у него какие-то крупные неприятности. Но, насколько я понимаю, это не имеет ничего общего с карточными и прочими долгами.

– И это все?

– Большого я не знаю. Я ведь еще не разговаривал с ним.

– Наш "Казанова" не упоминал моего имени?

– Нет.

Глэд вытянул губы и дважды кивнул.

– Я вам верю.

Коренастый вытянул руку.

– Могу я теперь получить свой пистолет, Слэгл?

Я взглянул сперва на него, потом – на Фрэнка. На губах этого бульдога играла детская улыбка, а глаза блестели, как влажные черные шары. С Фрэнком у меня наверняка будут неприятности.

Моя шляпа валялась на полу. Я нагнулся, нахлобучив ее на голову, и вышел под дождь. Тонкие крылья носа Пола Глэда затрепыхались, но ни он, ни его телохранители не отважились меня задержать.

Дождь усилился, хотя, казалось, сильнее он уже и не мог быть. Я прошел по газону к своей машине и, усевшись в нее, закурил. Стоит ли вообще разговаривать со Стивом Миллетом или нет? Я отлично знал, чего мне хотелось больше всего – поехать домой. Вероятно, Салли сейчас не спит, смотрит в потолок и думает, думает, думает.

Вечеринка на первом этаже, судя по всему, достигла своей кульминации с точки зрения истерики и попойки. Казалось, уже никто не соображал, что он делал и с кем он делал. Пол

Глэд снова вернулся к тому же занятию, от которого его оторвали. Но мысли его, видимо, были заняты не брюнеткой. Время от времени он посматривал на кого-то, сидевшего в той стороне помещения, которое я не мог видеть. Ни Фрэнка, ни коренастого видно не было.

Я вытащил из кармана серебряный доллар и, подбросив его, прихлопнул ладонью другой руки. Если "орел", то я иду к Стиву, если же нет, еду домой. Выпал не "орел". Я потянулся за ключом зажигания, но на крыльцо вышел Миллет – крупный, красивый негодник, выглядевший моложе своих сорока лет, в серых фланелевых брюках и светлой спортивной рубашке, с переброшенным через плечо свитером. Волосы его были в живописном беспорядке. Он вытянул шею и узнал меня. Я опустил стекло.

– Как я рад, что ты наконец здесь! – воскликнул он. – Где тебя так долго носило? Я видел твою машину, но тебя найти не мог. И тем не менее ты ведь был где-то здесь?

– Все очень логично, – сказал я. – Но если поднять меня в четыре утра было лишь твоей шуткой... – Я не довел свою угрозу до конца.

Стив натянул на себя свитер. Он показался мне довольно трезвым, но по нему всегда было трудно определить, в какой стадии опьянения он находится. Даже если эта великая звезда накачивалась как сапожник, она тем не менее все равно довольно твердо держалась на ногах.

Стив Миллет просунул голову в машину.

– Это не шутка, клянусь тебе, Джонни!

Я попытался его немного подразнить:

– А в чем дело? Ты кого-нибудь убил?

Он судорожно сглотнул слюну.

– Я действительно так думаю, Джонни. У меня неприятности... Боюсь, что очень крупные.

– Но ты ведь уже должен привыкнуть к неприятностям, – парировал я.

– Все так, но на этот раз дело намного серьезнее.

Я закурил.

– О'кей! Слушаю тебя.

– Это случилось приблизительно в три часа. То есть полтора часа тому назад. Я заметил, что в доме почти не осталось спиртного, и потому...

Прежде чем он заговорил снова, на крыльце дома появилось нечто маленькое и рыжеволосое. Девушка выглядела так, словно только что пришла из церковного хора. Но это касалось лишь ее лица. У нее, похоже, были какие-то неприятности с глубоким вырезом вечернего платья, и она неуверенно посмотрела в сторону машины.

– Это ты, Бенни?

Стив не расслышал слов девушки – шел слишком сильный дождь. Она подождала, а потом подхватила свое длинное платье и приподняла его выше колен. С выражением пьяной решимости на лице выставила вперед ногу. И тотчас же почти по щиколотку погрузилась в воду. После чего быстро вернулась под крышу.

– К тебе кто-то желает пробраться, – сказал я.

У куколки был довольно звучный голос.

– Бенни! – выкрикнула она снова. – Почему ты не отвечаешь?

Миллет полуобернулся, послал ей ослепительную "звездную" улыбку.

– В чем дело, дорогая?

– Бенни! – Должно быть, она окрестила Стива таким именем. – Почему ты стоишь там под дождем?

Стив Миллет был человеком терпеливым.

– Подожди минутку, дорогая.

– Но ведь ты весь мокрый!

Казалось, что терпению Миллета нет границ.

– Будь умной девочкой и возвращайся к гостям. Мне надо поговорить по делу.

Она наморщила свой лобик и недоверчиво уставилась на него.

– В половине пятого утра?

Стив схватился за ручку дверцы так крепко, что у него побелели костяшки пальцев, но улыбка тем не менее не исчезла.

– Беги в зал, дорогая! – повторил он. – И приготовь мне что-нибудь выпить. Или для нас двоих. Я сейчас вернусь.

Девушка тоже улыбнулась. Но потом улыбка ее исчезла, и она неторопливо отправилась обратно в зал. С вырезом ее платья все еще было неладно.

В машине было сухо и даже тепло, но Стив упорно стоял, наклонившись, перед дверцей, и дождь мочил его все больше и больше. Его волнистые волосы слиплись и стали похожи на пучок мокрой травы. Странно, но теперь сразу же изменилась и вся его внешность: он выглядел как простой смертный.

– Ну, что у тебя там, наконец, стряслось? – поинтересовался я. – Что-нибудь связанное с Полом Глэдом?

Миллет вытер лицо.

– С Полом Глэдом? – переспросил он совершенно отсутствующим голосом.

– Да. С Полом Глэдом.

– Почему ты решил, что у меня могут быть с ним неприятности?

– На эту мысль меня наводят мои отбитые почки, – ответил я. – Пол подслушал твой телефонный разговор со мной, и когда я сюда приехал, его обезьяны уже поджидали. Судя по всему, он хотел выудить из меня сведения до того, как мы с тобой встретимся...

Миллет еще крепче вцепился в ручку машины.

– И ты выболтал ему наш разговор? Ну, то, что я думаю, будто кого-то убил?

Я отрицательно покачал головой.

– Спасибо, Джонни.

– По моему разумению, его это совершенно не касается. Я просто сказал ему, что у тебя неприятности. И все. Но если ты крупно играл и опять ему задолжал, тебе пора напомнить об указаниях студии: еще один подобный шаг, и ты вылетаешь со студии.

– Ты был бы, конечно, этому рад? Или нет?

– Да, я был бы этому только рад, – кивнул я. – Но теперь давай наконец твою историю. Что ты подразумеваешь под словами: тебе кажется, будто кого-то убил?

Историю, которую он мне рассказал, можно было назвать какой угодно, но только не красивой. Она была типична именно для Миллета. В Голливуде много порядочных людей: девять из десяти "звезд", а также менее известные актеры – настоящие леди и джентльмены. Они исправно платят свои налоги, женятся, рожают детей. Но Миллет не принадлежал к этой категории. Не добившись успеха в качестве актера, он стал бы гангстером. Имея при этом отличную фигуру, классический профиль и способности к декламации, он считал, что застрахован в этом мире от любой ошибки.

Видимо, ему порядком надоела сегодняшняя вечеринка, а так как ко всему прочему и запасы спиртного подходили к концу, он уселся в машину и помчался к торговцу, как это уже не раз у него случалось.

– Ты один поехал? – поинтересовался я.

Он провел рукой по волосам, с удивлением заметив, что они мокрые, и попытался вытереть их собственным свитером. Судя по всему, он был не так уж трезв.

– Да, я ехал один.

– И ты ехал слишком быстро, – догадался я. – Как обычно.

Миллет устало улыбнулся.

– Думаю, что да. А у канала в Сепульведа... – Он замолчал и снова провел рукой по лицу.

– Дальше! – приказал я.

– Клянусь тебе, Джонни, – покачал головой Миллет, – я действительно ничего не видел, пока не стало слишком поздно.

– А что ты должен был увидеть?

– Эту девочку и ее собачку. – Голос его охрип, едва он представил себе ту картину. – Я попытался затормозить, но было такое чувство, что у машины и тормозов-то нет. Все время я мчался по воде. И машина продолжала скользить, пока, насколько я понимаю, не сбила девушку и ее собаку. Во всяком случае, я слышал крик.

– И ты, естественно, поехал дальше, – сказал я.

Он жалобно заскулил, пытаясь вызвать у меня сочувствие.

– У меня просто не хватило смелости остановиться, Джонни. Я был нетрезв, а на моей карточке и без того дважды стоит число "502".

Эти цифры в округе Лос-Анджелеса означают: был пьяным за рулем. "Великая звезда" испугалась.

– И кроме того, если я попаду еще раз в какую-нибудь историю, "Консолидейтед Пикчерз" не продлит со мной контракта. А старый кончается в следующем месяце. – Он дыхнул на меня хорошим дорогим виски. – Что мне делать? Посоветуй, Джонни.

Ну, для меня-то дело было абсолютно ясным. Ведь не даром же две крупнейшие голливудские студии выплачивают мне щедрые гонорары за то, что я охраняю их злых мальчиков и девочек от всяких неприятностей и защищаю их, конечно, по мере возможности, от закона. Но на этот раз дело касалось не какого-то мелкого нарушения. Своим бегством Миллет превратил несчастный случай в преступление. А имея в своей карточке дважды число "502", он был, как говорится, "готов" для тюрьмы. Конечно, если дело дойдет до суда. Студия платила мне за помощь, но я отлично знал, как на этот раз будет реагировать общественность.

– Свидетели были?

– Не знаю.

Я посмотрел на Миллета, и он тоже каким-то застывшим взглядом уставился на меня. У него были глаза испуганной собаки. Видно, начинал сказываться возраст.

– Боюсь, на этот раз тебе не избежать наказания, – сказал я.

– Прошу тебя, не говори этого, Джонни!

– А что ты хотел услышать? Считаешь, что я должен похлопать тебя по спине и сказать: "Пустяки, старый бродяга! Подумаешь, всего лишь мертвая девушка!"

– Мы же не знаем, действительно ли она мертва.

– Да, пока не знаем, – согласился я. Потом показал на его спортивную машину. – Ты катался на этой ракете?

Он кивнул.

Я вышел из машины и тоже очутился под дождем, как и он. Капот был не поврежден, но на правом переднем крыле имелась вмятина. Я показал ему:

– Этого раньше не было?

Он покачал головой:

– Не было.

Потом я заметил, что на правой сигнальной фаре отсутствовало стекло.

– Судя по всему, им удастся прижать тебя к стенке, – сказал я. – С вмятиной на крыле еще можно как-то отделаться, но полиция наверняка найдет там осколки разбитой фары. Могу посоветовать одно: расскажи все по-честному полиции. И чем дольше ты протянешь с этим делом, тем хуже для тебя. Никому не дано безнаказанно задавить человека и скрыться. Даже любимцу женщин.

– Только не будь таким злым, – простонал Стив Миллет.

– Злым? – усмехнулся я. – Это только констатация факта.

Похоже, он был слишком потрясен, чтобы как-то разумно ответить. Я подтолкнул его на крыльцо, под крышу. Он тупо уставился на меня.

– Что же делать?

Я вынул доллар и сунул в карман его свитера.

– Можешь продать мне порцию чистого бурбона. А пока ты будешь его нести, я позвоню по телефону.

Его щеки покраснели. Он вытащил из кармана долларовую бумажку и скомкал ее. А я распахнул ногой дверь и прошел через холл в комнату Миллета, чтобы позвонить Саулу Блисссу. Пол Глэд видел меня и проводил задумчивым, оценивающим взглядом. Все остальные гости были или слишком пьяны, или слишком заняты собой, чтобы воспринимать в своей среде совершенно трезвого человека.

Комната Миллета была немного меньше, чем зал ожидания на вокзале. Потолок сводчатый; такие бывают обычно в соборах. Я буквально проплыл по толстому мягкому ковру к телефону и набрал номер Саула.

Внезапно позади меня раздался голос – женский и сравнительно трезвый:

– Джонни Слэгл! Вот так неожиданность!

Я вернул трубку на прежнее место и обернулся. Это была Джоан. Я не видел ее с тех пор, как она развелась с Миллетом. Джоан и сейчас выглядела блестяще. Экстравагантная, полногрудая блондинка в плотно облегающем ее фигуру вечернем платье. Декольте было таким глубоким, что глубже, пожалуй, невозможно представить. Словом, она выглядела такой же сексапильной, как и прежде.

– Джонни, дорогой!

Джоан подплыла ко мне, чтобы я ее поцеловал. Она нисколько не изменилась. Но, когда я ее поцеловал, мне показалось, что я целую жидкий динамит.

– Хэлло, Джоан! Давно не виделись.

Она придвинулась еще ближе.

– Слишком давно.

Я скользнул ладонью по ее спине.

– Я теперь женатый человек. Ты не забыла?

Она отстранилась на пару дюймов.

– А как поживает Салли?

– Тебе действительно это интересно?

Она сморщила носик.

– Нет.

– Я так и думал. Но, к твоему сведению, чувствует она себя блестяще, и мы очень-очень счастливы.

Джоан провела кончиком языка по губам. У нее были чудесные губы.

– Как мило.

В прошлом Джоан тоже была актрисой, но ей не удалось выбиться в первые ряды голливудской знати. Так и не став "звездой", она потратила слишком много времени и энергии, чтобы стать ею. Она жила хорошо, одевалась тоже хорошо, ездила в хорошей машине и все это умудрялась делать, не имея видимого источника доходов. Ходили слухи, что она пыталась возобновить ту оргию, которую Стив Миллет называл брачной жизнью.

В жизни Джоан было очень много мужчин. Короткое время я ее тоже довольно близко знал. Это была одна из тех связей, которые кажутся прекрасными, пока длятся, но о которых совсем не сожалеешь, когда они кончаются.

Джоан не отважилась поцеловать меня вторично.

– Какой ты сегодня чудесный, Джонни! Такой высокий, сильный, мужественный! – Она провела ладонью по моей щеке. – И как всегда небритый.

– Тебя тоже противной не назовешь, – ухмыльнулся я.

Джоан мое замечание показалось забавным. Но, возможно, все дело здесь было в алкоголе. У нее один вид пробки уже вызывал жажду. Жажду любви. Вот и сейчас, похоже, стала вспоминать то, что лучше всего было оставить в тени прошлого, и тяжело задышала.

– Может быть, пойдем куда-нибудь, Джонни, и поговорим?

Возле двери что-то шевельнулось, и я обернулся. Это был Пол Глэд. Глаза его больше не были задумчивыми и оценивающими, они прямо-таки сверкали злобой. Может быть, он имел какие-нибудь виды на Джоан? Но если это так, то почему он ничего не предпринимал? Ведь ему достаточно было сделать ей знак из "кадиллака", и его знак не остался бы незамеченным.

Какое-то время Пол смотрел на нас, а потом исчез в холле.

А мне уже стали противны позы Джоан. Меня подняли из мягкой теплой постели, оторвали от любимой жены, потом избили, а теперь что же еще?

– Ты что-нибудь значишь для Пола Глэда, Джоан? – спросил я. – Или, точнее, он для тебя что-нибудь значит?

– Давай говорить только о нас, – промурлыкала она. Потом сорвала с моей головы шляпу и запустила руки в мои волосы.

– Я серьезно спрашиваю, – сказал я.

– А я серьезно ответила! – Она прижала свои губы к моим. – Не веди себя, как лягушка, Джонни! Ты цены себе не знаешь. Немногие голливудские "звезды" выглядят так же хорошо, как ты.

– А как насчет продюсеров? – поинтересовался я.

– Не дерзи! – прошептала Джоан и начала покусывать мочки моих ушей.

– Осторожнее, – предупредил я ее. – Вдруг войдет Бель Ами? Мне намекнули, что ты вновь пытаешься надеть позолоченное медное кольцо.

– Бель Ами! – сказала она с презрением, однако слухи подтвердила, бросив быстрый взгляд через плечо. Потом снова поцеловала меня, но уже без прежнего пыла. – Может быть, как-нибудь в другой раз, Джонни, – прошептала она. – В ближайшем будущем.

– Может быть, – кивнул я. – Только я очень сомневаюсь.

Джоан направилась в холл. При этом даже не обернулась, бросив мне через плечо:

– Только не веди себя таким неприступным. Возможно, ты еще изменишь свое мнение.

– У тебя в руке осталась моя шляпа, – ответил я. – Кинь-ка мне ее!

Она поморщилась и швырнула шляпу через гостиную. Я поймал ее, не сдвинувшись с места. Потом снова снял телефонную трубку, но тут же мне в голову пришла более удачная мысль. Ведь меня вполне могла подслушать и Джоан, да и у Пола Глэда уши были как у лисицы. Целесообразнее переговорить с Саулом Блиссом с глазу на глаз.

Когда я снова проходил через холл, Пол Глэд на несколько секунд перестал щупать свою брнетку и, наморщив лоб, посмотрел мне вслед.

У выхода стояла рыжеволосая девушка, держа в каждой руке по бокалу с коктейлем и уставясь глазами в дождливую тьму. Сейчас она показалась мне еще привлекательнее, чем раньше. Она была свеженькой, как сама невинность. И если она сказала Миллету, что ей уже восемнадцать, то она солгала.

– А почему Бенни не идет? – спросила девушка меня. – Ведь там все время дождь...

– Не знаю, – ответил я, пожимая плечами. – Может быть, он слишком глуп.

Ее голубые глаза превратились в щелки.

– Не говорите такого о Бенни.

Я прошел мимо. Стив Миллет уже успел забраться в мою машину и сидел на переднем сиденье.

– Я решил лично поговорить с Блиссом, – сказал я. – Кстати, мне нужно осмотреть место происшествия, прежде чем отправиться в полицию.

Казалось, мои слова его немного взбодрили.

– Может быть, все это мне только показалось, – заметил он. – Может быть, и не было никакого несчастного случая.

Если бы Миллет сам внимательно осмотрел крыло своей машины, он не говорил бы этого. Сейчас на нем были темные брюки, свежая рубашка и спортивная куртка. Он вытащил из кармана куртки неоткупоренную бутылку виски.

– Вот тебе выпивка!

Я соскоблил лак вокруг завинчивающейся пробки и выпил ровно на доллар. Виски мне понравилось.

Глава 3

Стив Миллет хотел сам вести свою машину, но, пока он приводил мысли в порядок, я успел сесть за руль.

– Но ведь я не пьян, – обиделся он.

Я ничего не ответил. Гонорар, выплачиваемый студией, не обязывал меня ездить в одной машине с сумасшедшим. Машина у Стива была хорошая, вот только тормоза никуда не годились. Каждый раз, когда в них попадала вода, они отказывали – все четыре. Я спросил Миллета, сколько он отдал за машину.

– Тридцать две тысячи долларов, – буркнул Стив.

Если мне когда-нибудь удастся заработать бешеные деньги, я все равно остановлю свой выбор на американской машине. За тридцать две тысячи я смогу приобрести себе восемь "кадиллаков". А уж у "кадиллаков", если нажимаешь на тормоза, то они срабатывают.

– Сколько ты должен Глэду?

Он потряс бутылкой виски, открыл ее и отпил глоток.

– Несколько долларов, – ответил он. – А почему ты спрашиваешь? Или студия запретила мне и в карты играть?

Я хотел ответить, что киностудии совершенно наплевать, чем он занимается. А если они не продлят с ним контракта, то им вообще будет наплевать на него. Но я промолчал, считая, что в данный момент у Миллета и без того довольно неприятностей.

– Откуда я знаю, – пожал я плечами. – Просто Глэд заявил, что ты ему должен деньги, вот я и поинтересовался.

– Всего несколько долларов, – ответил Стив и снова приложился к бутылке.

Я отобрал у него виски, завинтил пробку и положил между нами на сиденье.

– Оставь виски в покое. Или ты считаешь, что твои дела и без того недостаточно плохие?

"Казанова" закокетничал.

– Могли бы быть и хуже. Строго между нами: на последней неделе я подписал новый договор. И Блосс пробьет его за известную сумму, разумеется. Так что меня ценят.

– Понятно, – кивнул я. Более подробно я не хотел с ним обсуждать эту тему, пока не переговорю с Блоссом. Плата за услуги не была чем-то новым в кинобизнесе. Такое явление наблюдалось еще с тех пор, как Гриффит снимал свой фильм "Рождение нации". Но вот то, что Блосс испытывал денежные затруднения, я не знал. Будучи главным адвокатом "Консолидейтед Пикчерз", он слыл богатым человеком. Правда, дела у всей кинопромышленности уже были не так хороши, как прежде.

Я немного снизил скорость. Дорога просматривалась не более чем в двадцать футов. Во всем районе шел холодный, пронизывающий дождь, а тучи были грязно-бурого цвета. На дорогах практически прекратилось всякое движение. Начинало светать.

Я спросил Миллета, имеется ли отопление в его машине. Он кивнул и нажал кнопку. Отопление работало исправно – у меня быстро согрелись ноги.

– Как поживает Салли? – спросил Миллет.

– Оставь Салли в покое, – буркнул я. Мы как раз въезжали в ворота Саула Блосса.

Блосс называл свой дом Ранчо Комплето. Здесь, за пределами города, почти у каждого было ранчо. У Блосса имелось пять тысяч квадратных ярдов земли, окруженных плотным

проволочным забором, по которому вились розовые кусты. Когда я вышел из машины, терпкий аромат роз ударил меня буквально наотмашь.

Миллет спросил, может ли он пойти со мной. Я ответил, что будет лучше, если он останется в машине. Позвонив в дверь, я вспомнил о бутылке, но было уже слишком поздно. За время моего разговора с Блоссом Стив успеет напиться как следует.

Дверь открыл сам Саул Блосс. На нем был черно-зеленый утренний халат. В мешках под глазами смог бы уместиться весь пищевой запас небольшого магазина продовольственных товаров.

– О, это вы! – сказал он. – Чертова погода. Входите!

Я ступил на довольно дорогой ковер. С меня струилась вода. Саул вытянул из переполненной пепельницы потухшую сигару и снова ее раскурил.

– Ну, кого забрали за курение марихуаны? И в чьих апартаментах? И куда их всех заперла полиция?

– На этот раз дело много хуже, Саул, – сказал я.

Несмотря на то что Саул Блосс был маленький и кругленький, как головка сыра, он всегда выглядел весьма импозантно, когда был одет соответствующим образом. А носить красивые костюмы он умел. Его глаза смотрели в мир испытующе и строго, и брился он всегда со щепетильной аккуратностью. Но сейчас его вид был не такой уж респектабельный. Маленькие свинячьи глазки тонули в серо-синих мешках, скулы были покрыты серой растительностью. Несколько волосков, которые остались на голове, могли бы лежать в лучшем порядке. На Блоссе не было ни носок, ни домашних туфель, и пальцы его ног сразу же поползли вверх, едва он ступил с ковра. Судя по всему, когда я позвонил к нему, он не был в кровати.

Я прошел за ним на кухню, где как раз начала закипать вода для кофе.

– Значит, плохие новости, – буркнул он. Но прежде чем говорить дальше, приготовил две чашки кофе, протянул одну мне, а свою сразу выпил почти до половины. – Мой язык словно сухая доска. Мои две язвы все время напоминают о себе. Жена моя лежит в клинике и собирается делать операцию, которая ей нужна так же, как мне дыра в затылке. Моя дочь развелась с мужем, и сама не знает, кто из них виноват. – Он обхватил чашку обеими ладонями, согревая их. – Уже двое суток идет этот проклятый дождь. А теперь еще являетесь вы с плохими новостями. – Блосс хмуро посмотрел на меня и кивнул: – О'кей! Рассказывайте, Джонни! К чему затягивать.

Я рассказал все, что мне было известно. Морщины на его лице заметно углубились. А когда я закончил, он попытался улыбнуться.

– Да-а, могло быть и хуже... Если бы это чертово наводнение смыло киностудию...

– Я хотел бы знать об отношениях Миллета со студией.

Блосс вздохнул.

– В любом случае ему самому придется расхлебывать эту кашу. Разумеется, он получил от нас полагающуюся в таких случаях юридическую поддержку. Но, прежде чем вы убедите его заявить в полицию, я бы на вашем месте сам проверил, действительно ли он кого-то задавил.

– К этому я уже пришел без вашей помощи, – кивнул я. Потом открыл было рот, чтобы

упомянуть о договоре, который Миллет заключил с Блиссом, но в последний момент решил этого не делать. Все в свое время.

А Блисс продолжал, словно обращаясь к самому себе.

– Миллет все еще пользуется успехом у определенной категории зрителей. У юных школьниц, домашних хозяек, оставленных мужьями. Все они мечтают стать фаворитками Миллета. А тот, если считать всех его приятельниц и знакомых, уже добрался до вершины. Но мы, конечно, решим, что сможет сделать для него студия. Старый договор с ним кончается через две недели... А вас, Джонни, я попрошу: сделайте все, что в ваших силах. И если он не задавил никакую женщину, это будет много лучше для репутации всей нашей кинопромышленности.

– Разумеется, я сделаю все, что в моих силах, – поддакнул я. Я попытался хоть что-нибудь прочесть в его глазах, но моя попытка не увенчалась успехом. – И прошу меня простить, что вытащил вас из кровати, Саул.

– Я не был в кровати.

– Я еще дам о себе знать.

– Хорошо. – Он кивнул в сторону двери. – До встречи.

Запах роз стал еще более резким. Я пробежал под дождем к машине, подумав при этом о тайном договоре между Блиссом и Миллетом. Что они придумали? Или Блисс просто осторожен? В надежде, что разорвет договор, едва возникнут какие-нибудь неприятности?

Миллет даже не поинтересовался, что сказал Саул Блисс. Он мог прочесть это по моим глазам. А я не хотел отказывать себе в удовольствии немножко поугадать его.

– Блисс считает, что со стороны студии тебе будет оказана юридическая помощь. Но он не думает, что студия пойдет на что-нибудь большее.

– И это после того как я принес им бешеные прибыли! – возмутился Миллет.

Больше я ничего не сказал. Взгляд упал на бутылку с виски: Стив действительно был обеспокоен – он к ней даже не притронулся.

Над холмами вставал рассвет, когда мы добрались до района Сепульведы. По шоссе еще можно было проехать, но канал превратился в бурлящий поток.

Я приблизился к бордюру и остановил машину, заехав двумя колесами на узкий тротуар. Полицейских машин не было видно. И на это могли указывать три причины:

1. Труп, или раненая, еще не были обнаружены.
2. Их обнаружили и уже увезли.
3. Миллет лишь слегка задел девушку, и она добралась до дома без посторонней помощи.

Смущало меня совсем другое: на кой черт девчонке понадобилось гулять со своей собачонкой ночью под проливным дождем?

Вот что никак не укладывалось в моем сознании.

– Ты уверен, что беда произошла именно здесь?

– Совершенно уверен.

Я вышел из машины и огляделся. Дождь, разумеется, смыл все следы торможения, если таковые вообще имелись. По собственному опыту я знал, что тормоза у этой спортивной машины довольно специфические.

Сколько я ни смотрел, не смог обнаружить ни трупа, ни вообще каких-либо следов несчастного случая. Правда, не исключалось, что Миллет налетел на девушку с такой силой, что отбросил ее прямо в канал. В этом случае понадобится несколько дней, чтобы обнаружить труп.

Я снова вернулся к машине.

– В котором часу это произошло, Стив?

– Примерно за пятнадцать минут до того, как я позвонил тебе.

Значит, в четыре. А сейчас было шесть.

– С какой скоростью ты ехал?

– Ну, скажем, сто тридцать.

На такой скорости – а Миллет наверняка ехал еще быстрее – девушку могло отбросить до самого Сан-Диего.

Мимо нас прогромыхал грузовик, веером разбрасывая воду во все стороны. Я совсем промок. На подстилке для ног в машине тоже хлюпала вода. Я со злостью захлопнул дверцу и медленно поехал к каналу. Теперь уже стало так светло, что я сразу обнаружил безжизненное тело собачонки – черно-белого терьера. Труп лежал наполовину в воде. Плетеный поводок, прикрепленный к зеленому ошейнику, запутался в кустах, и это помешало оттащить собачонку на глубину. И поводок, и ошейник были изготовлены из дешевого материала.

Я подошел к машине, сел за руль и развернулся.

– Если с собачкой была и девушка, то ты ее точно сшиб. Какая-то собака еще лежит на берегу. Как выглядела твоя?

– Маленький терьер. Черно-белый.

Я слегка нажал на газ, и машина резво взяла с места. Это имело свои преимущества.

– Куда мы едем? – спросил Стив.

– В полицейский участок. В отдел регистрации несчастных случаев.

Протеста с его стороны не последовало. Он только кивнул, а потом достал расческу и причесал свои знаменитые миллетские волосы.

С утра дежурил лейтенант Кинли. Коренастый, с полным лицом и угрюмыми глазами – он выглядел как настоящий детектив из кинофильмов. Руки у Кинли были маленькими, угловатыми и хорошо ухоженными. Когда он говорил, губы его двигались, как рот куклы, без всякого выражения и совершенно одинаково, какой бы слог он ни произносил. Пальцем он постоянно ковырял в ухе, словно там было полно серы. Через несколько лет ему, наверное, придется пользоваться слуховым аппаратом. Особым расположением Миллет у него не пользовался.

Я рассказал все, что следовало рассказать, и он тотчас послал на место происшествия

патрульную машину. А я был рад, что Миллету удалось взять себя в руки. История, которую он повторил в полиции, точно соответствовала тому, что уже знал я. Правда, сейчас он упомянул новую деталь: после наезда он остановился и внимательно осмотрел местность.

– Я просто не знал, что мне делать, – добавил он. – Поэтому и позвонил Слэглу. Он установил, что на берегу канала лежит черно-белая собачка. И вот я здесь.

Пожалуй, Кинли не совсем хорошо соображал, как ему следует вести себя в данной ситуации. Миллет выглядел вполне трезвым. А если ты давишь собаку, то об этом вовсе не обязательно бежать сообщать в полицию. Тем не менее Миллет сам явился, как того требовали обстоятельства.

Кинли все еще размышлял, когда его вызвала патрульная машина. Они тоже нашли собаку, но человеческого трупа в том районе не оказалось.

К Миллету быстро возвращалась самоуверенность. Он даже самодовольно улыбнулся мне.

– Вы сознались, что небрежно вели машину, – сказал Кинли, не повышая голоса. – И что касается этого, то тут все ясно. Вы хотите оставить залог или будете ждать следователя по несчастным случаям?

Я сразу понял, к чему он клонил. Если труп девушки будет найден, Кинли, видимо, сможет выписать ордер на арест за бегство с места происшествия или, по меньшей мере, предъявить обвинения в небрежной езде.

Миллет сказал, что предпочитает оставить залог, и действительно вынул свой пухлый бумажник.

– Буду рад, – сказал Кинли, обращаясь ко мне, – если вы заскочите ко мне еще раз.

– Само собой, Эл, – ответил я и пошел вместе с Миллетом к машине. На этот раз "звезда" сама села за руль. А когда мы отъехали от полиции ярдов на сто. Стив облегченно вздохнул:

– Ну вот, все это уже позади.

– Возможно, – кивнул я.

Он ехал со слишком большой скоростью.

– Даже если они обнаружат труп девушки, они все равно ни в чем не смогут меня обвинить.

Я промолчал, прислушиваясь к шуму дождя.

А Миллет настойчиво твердил:

– Ведь это был только несчастный случай, больше ничего. Мне повезло.

– Да, – снова кивнул я. – Тебе повезло.

Выло уже совсем светло. Дождь поутих, но ветер стал сильнее, чем раньше. Боковая дорога, которая вела на ранчо Миллета, была усеяна лепестками апельсиновых деревьев.

Миллет принадлежал к числу тех неприятных водителей машины, которые обязательно оборачиваются к спутнику во время разговора. Я предпочел бы, чтобы он смотрел не на меня, а на дорогу. Но он этого не делал. Теперь его темой была рыжеволосая малышка, которая называла его Бенни.

– Что ты о ней думаешь, Джонни?

Я ответил, что она довольно миленькая.

– Мы поженимся, – сказал он самому себе. – И немедленно. Может быть, уже сегодня утром.

Меня это мало трогало. Но, чтобы дать маленькой рыжеволосой плутовке погулять еще немного на свободе, я напомнил Миллету о калифорнийском законе, по которому брак регистрируют только через три дня после подачи заявления. Вероятно, чтобы проверить серьезность намерений молодоженов.

Едва мы отъехали от здания полиции, он снова стал прикладываться к виски.

– Чепуха! – отмахнулся он. – Закон всегда можно обойти.

Моя машина все еще стояла под дождем. Миллет объехал "кадиллак" и остановился перед входом. Свет в доме еще горел, повсюду стояли пустые рюмки и бутылки, грязные переполненные пепельницы. Пол Глэд и другие гости разошлись. Не было видно даже статисточек.

Только маленькая златоглавка находилась еще здесь.

Она свернулась в клубочек на красной кушетке, стоявшей у окна, и спала. Спала с улыбкой на полуоткрытых устах.

Миллет облизал губы.

– Какая милашка!

– Запомни, Стив, рано или поздно я разобью твою рожу, – крикнул я. – И расплющу твой классический нос.

Но мои кровожадные инстинкты, оказалось, совсем его не трогали.

– Да-да, конечно! – быстро согласился он. – Еще по рюмочке, прежде чем ты уйдешь, Джонни?

Пить я не стал. Я просто сел в свою машину и поехал. Все это дело уже стояло у меня поперек глотки. И Миллет – тоже. Я не хотел больше ничего слышать о нем. Представляете себе, какой я был в тот момент оптимист: сунул свой нос в целую серию убийств и даже не догадывался об этом.

Глава 4

Когда я проезжал мимо ранчо Саула Блисса, тот помахал мне лопатой.

Я тут же затормозил и улыбнулся ему:

– Опять взяли за старые привычки?

Он подошел по мокрой траве.

– У юристов всегда должна быть лопата в руке.

Рядом со своей подъездной дорогой Блисс вырыл узкую длинную канаву, которая отводила воду к дороге. Через его сад протекал прелестный ручеек, но сама дорога была сухой. В

данный момент дождь почти не шел, но темные тучи недвусмысленно напоминали, что следует ожидать нового ливня.

На Блиссе был дорогой серый костюм, а сапоги покрыты илом. Но это его, видимо, мало трогало. Он опирался на лопату.

– Ну, как?

– Свежий воздух, кажется, идет вам на пользу, – подмигнул я. – Возможно, я и ошибаюсь, но мне кажется, я вижу красные пятна у вас на щеках. Это не может быть вызвано туберкулезными палочками?

– Вы не ответили на мой вопрос...

Но я решил подразнить его еще немного.

– Да и плащ в такую погоду вам бы не помешал...

– Труп... я спрашиваю, что с трупом?

В ответ я лишь покачал головой. Серый костюм Блисса под новым приступом морозящего дождя становился все темнее и набухал на плечах. Вскоре Саул был ни чуточку не лучше, чем в своем утреннем халате: словно футбольный мяч на ходулях.

– Ничего не нашли, – наконец ответил я. – Пока не нашли. – И рассказал о собаке. – Но наш герой – в добром здравии и в хорошем настроении. Отлично все выдержал.

Блисс провел пухлой ладонью по лысине, оставив грязную мокрую полосу.

– Дерьмо поганое! – И после небольшой паузы он добавил: – Я позвонил Бигу, после того как вы были здесь. Пришлось вытащить его из кровати.

Я сунул себе в рот сигарету.

– Хотите?

Блисс покачал головой.

– Нет, спасибо. Врач запретил мне курить.

– И что он сказал вам, мистер Биг?

– Со Стивом Миллетом покончено. Даже если бы не было этого несчастного случая. Они все уже давно вычислили с помощью статистики. На смену приходят несколько молодых актеров. Двое из них уже сейчас дают такие же кассовые сборы, как и Миллет. Очевидно, любовь к нему уменьшилась пропорционально уменьшению волос на голове. – Он вырыл маленькую ямку, которая тотчас наполнилась водой. – Странно, я думал, он еще потянет на три-четыре фильма.

Он испытующе посмотрел на меня, видимо, пытаясь прочесть в моих глазах, известно ли мне что-либо о его тайном договоре с Миллетом. Я старался разыграть бесстрастного Будду, и Блисс бросил это дело.

– Ну, хорошо! Я рад, что трупа не нашли. Тем не менее, вы должны сделать все, что в ваших силах, и по возможности смягчить эту историю. Ради всей кинопромышленности.

– Сделаю все, что смогу, – пообещал я.

Он махнул мне и снова начал копать. Удаляясь на машине, я наблюдал за ним в зеркальце заднего обзора. Пока я мог его видеть, он не прекращал своей работы. Без сомнения, это было новое занятие для Блисса. Я имею в виду рытье канав. Он наверняка принадлежал к так называемым "здоровым" в золоченом городе мечты. Но от его тайного договора с Миллетом пахло чем-то нечистым.

Дома я переоделся, некоторое время провел с Салли, в час поехал в свою контору. На короткое время показалось солнце, а потом снова зарядил дождик, очень противный да к тому же с туманом.

Прежде чем распечатать свою корреспонденцию, я для профилактики принял две таблетки против гриппа. Несмотря на бессонную ночь, чувствовал я себя довольно сносно.

Когда я наконец позвонил в полицию, трубку снял Эл Кинли и сказал, что команда специалистов все еще ищет труп девушки в канале Сепульведа, но до сих пор они ничего не нашли.

Перед отъездом из дома Салли наградила меня поцелуем, в котором содержалась ровно та доля страсти, что мне была положена. Я должен был быть довольным и счастливым. Но я не был доволен. В моей голове накопилось слишком много забот.

Пол Глэд вошел в мое бюро как раз в тот момент, когда я снова стал ломать голову над делом Стива Миллета. Он даже не удосужился постучать. Его телохранители следовали за ним по пятам.

Поначалу я просто не обращал внимания на его приход, продолжая рассматривать почту. Глэд кашлянул, а Фрэнк выжидательно заржал. Я скомкал один из рекламных проспектов и бросил его в мусорную корзину в дальнем углу комнаты. В корзину я, естественно, не попал, и проспект упал рядом.

– Подними, малыш, – кивнул я Фрэнку.

Он нагнулся, но потом снова выпрямился.

– Красивый спектакль, Слэгл, – заметил Пол Глэд. – Очень красивый.

– Спасибо, – ответил я. – В три часа у меня генеральная репетиция. Хотите посмотреть?

– Так что от вас хотел Миллет этой ночью? – спросил Пол. – И что вы имели в виду, говоря о его неприятностях, которые не имеют ничего общего с долгами? И потом, куда вы оба ездили?

– Вы имеете в виду сегодняшнее утро?

– О'кей! Пускай будет так.

Вероятно, все-таки было нечто, очень беспокоившее Пола Глэда.

– Вы хотите знать, какого плана у него неприятности?

– Вот именно.

– И куда мы ездили сегодня утром?

– Послушайте, прекратите эту комедию, Слэгл.

Я сделал вид, что задумался.

– А почему вы не спросите самого Миллета? – вдруг удивился я.

Он непроизвольно ухмыльнулся. Без этой гримасы он мне больше нравился.

– Потому что не могу этого сделать. Голос у меня недостаточно громкий для этого. Сегодня утром Стив Миллет улетел в Лас-Вегас. Вместе с этой рыжей потаскушкой, которой он в настоящее время оказывает слишком много внимания.

Я поинтересовался, откуда у него такие новости.

Он сунул руку в карман плаща и вынул оттуда сложенную записку. Разгладив на ладони, протянул ее мне.

Это был листок с монограммой Миллета. Наискосок рукой Миллета было написано: "Шерри и я улетели в Лас-Вегас, чтобы пожениться. Огонь в камине пусть продолжает гореть. Вернусь через два или три дня. Во всяком случае, надеюсь. Стив". Я вернул Глэду письмо.

– Мне очень жаль, Пол, но, честно говоря, брачные грешки Миллета меня не интересуют. Ну совсем ни капельки.

– Меня тоже не интересуют, – сознался он. – Зато меня интересуют мои деньги. Деньги, которые мне задолжали. – Его наманикюренные пальцы забарабанили по поверхности письменного стола. Коренастая горилла глубоко вздохнула. Фрэнк с непонятной надеждой посмотрел в мою сторону. – Я хочу действовать наверняка, – продолжал Глэд. – Я хочу быть уверенным, что студия продлит контракт с Миллетом. – Он рассмеялся. Смех его оказался еще более холодным, чем ухмылка. – Моя мягкость позволила Миллету продолжать игру до пятидесяти тысяч.

Пол был таким же мягким, как железобетон. Он снова кашлянул.

– И я хочу получить свои деньги.

– Если бы мне кто-нибудь задолжал пятьдесят тысяч, я бы тоже хотел получить их обратно. Но почему вы обращаетесь ко мне?

– Потому что это вы на побегушках у "Консолидейтед Пикчерз". И если ваши нерадивые мальчики и девочки испачкают себе штанишки, вы обязаны посоветовать им, как вести себя дальше. – Он сжатым кулаком стукнул по крышке письменного стола. – Итак, выкладывайте! Зачем вам звонил Миллет сегодня ночью?

Я взглянул сперва на Глэда, потом на его обезьян. То, чего он добивается от меня, будет в самом скором времени напечатано в газетах. Правда, у меня всегда аллергия к людям, которые хотят надавить на меня, к чему-нибудь принудить. Тем не менее я ответил:

– Ну, хорошо. Почему бы мне вам этого не сказать. – И рассказал ему всю историю, включая даже залог, выплаченный Миллетом.

У Глэда явно полегчало на сердце.

– Так вот в чем дело! Он задавил женщину в дождь. Но ведь такое может случиться даже с трезвым!

– Однако Стив не был трезвым.

– Ну и что? Судя по вашему рассказу, легавые не смогут этого выяснить. А после всего того, что он сделал для студии, она ему не откажет в продлении контракта из-за такой мелочи.

Я предоставил ему мечтать сколько его душе угодно.

Глэд повторил:

– Так вот, значит, в чем дело... – Он направился к двери, но потом обернулся. – Мне жаль, что все так случилось, Джонни. Я имею в виду утреннюю сцену. Действительно жалею.

Я лишь рассмеялся в ответ. Глэд пожал плечами и открыл дверь. Обе его гориллы последовали за ним. Фрэнк на какое-то мгновение остановился в дверях и посмотрел на меня. Потом сжал руку в кулак и с силой стукнул по косяку двери. Этот выпад не произвел на меня никакого впечатления.

В корреспонденции не было ничего важного. Я лишь отделил рекламные проспекты от счетов. После этого снова позвонил в полицию. Эл Кинли был еще там и сразу начал жаловаться, что я мешаю ему подремать.

– Есть новости? – поинтересовался я.

– Мои люди все еще ищут, но по-прежнему без успеха. В начале я думал, что у Миллета дела плохи, но теперь начинаю думать, что он все это выдумал. Мои люди поищут еще часок, а потом я отправлюсь спать. Сколько Миллет выпил, Джонни?

– Меня рядом с ним не было, – ответил я уклончиво.

Кинли едко высказался по поводу бывших работников полиции, которые продались киностудии.

– Такое может случиться только у вас! – парировал я и повесил трубку.

После этого сделал то, что давно уже должен был сделать. Я позвонил Питу Фланнери, работавшему в отделе по розыску пропавших. Он буквально оглушил меня своим зычным голосом. Я четко представил его себе, словно он сидел по другую сторону моего письменного стола, – коренастый, с непроницаемым лицом, активный, держа в кулаке телефонную трубку, словно это не телефон, а меч. В полиции он работает уже восемнадцать лет.

– Да, да, – пролаял он в трубку. – Вот у меня три заявления о пропавших без вести. И все – женщины.

После этого он дал мне их имена и адреса. Первую звали миссис Грейс, и она жила в Алмеде. Потом шла Бессон Смап с Гарвардского бульвара. Третьей пропавшей была Лаура Джин Джонс. Жила она в Северном Голливуде. Дал мне Фланнери и описания этих женщин.

– Вы не знаете, был ли у кого-нибудь черно-белый терьер? – осведомился я.

– Об этом надо спрашивать в обществе по охране животных. А у нас здесь отдел, занимающийся пропавшими без вести.

Сперва я зашел к миссис Грейс. Дверь открыла брюнетка не первой свежести. У нее был маленький рот и большие синяки под глазами. Халат лишь слегка прикрывал ее округлости.

– Я пришел по поводу миссис Грейс, – сказал я.

Она кивнула.

– Вы из полиции? А я и есть миссис Грейс, и все дело глупо и абсурдно.

Я выжидательно посмотрел на нее и промолчал.

Она открыла дверь пошире.

– Еще никогда ни один человек не делал так много глупостей.

– О ком это вы?

– Разумеется, о своем муже, – Она теребила пояс короткого халатика. – Теперь понимаете?

– Нет, – сознался я.

Французская булавка, на которой держались полы, раскрылась, и миссис Грейс не слишком торопливо старалась снова ее застегнуть.

– Этот глупец подал заявление в полицию только потому, что я из-за дождя не вернулась вечером домой. – В своем возмущении она сделала шаг в мою сторону, обнажив при этом хорошую ногу. Хотя она и заметила это, но ничего не предприняла, чтобы запахнуть халатик.

– Значит, во всем виноват дождь, – догадался я. – Ну, конечно, разумеется!

– Да, дождь, – ответила она. – Я вынуждена была целую ночь провести у подруги. А он сразу помчался в полицию. Но ведь я все время была только у своей подруги. Можете ее спросить.

– Леди, – откровенно ухмыльнулся я. – Меня не нужно в чем-либо убеждать. Я ведь не ваш супруг.

Она хотела было рассердиться, но потом внезапно улыбнулась.

– Да, вы действительно не мой супруг. И у вас такой вид, что, по-моему, вы не откажетесь от чашечки кофе.

– Нет, спасибо. Что бы сказала моя жена, если бы я ей заявил, будто провел целый день у подруги?

Мы оба рассмеялись. Миссис Грейс все еще стояла в дверях, когда я уже садился в машину. Возможно, она рассказала мне чистую правду. Но меня это не интересовало. Я убедился, что она не была той женщиной, которую Стив Миллет катапультировал своей спортивной машиной в канал Сепульведы.

Бесси Смап все еще не нашлась.

– Я – ее мать, – сказала женщина, открывая мне дверь. Волосы у нее были жирные, и грязь налипла на плечах и локтях. Изо рта с гнилыми зубами сильно воняло. – И я даже не хотела бы говорить о ней. – Эти слова оказались предисловием к тому, о чем она якобы не хотела говорить. – Она пропадает не первый раз. Ничего не стоит эта девка. Ведет себя все так же, после того как я поймала ее с одним студентом на куче грязного белья. Но она вернется, и уж тогда я научу ее хорошим манерам.

– У Бесси есть собачка? – прервал я это словоизвержение.

– Нет, – хрюкнула мамаша. – И никогда не имела. Она ненавидит собак. Я, кстати, тоже. Эти животные приводят в беспорядок весь лом. Но я повторяю вам: когда она вернется домой...

Я повернулся и отправился в обратный путь. Вполне возможно, что Бесси Смап уже встал поперек глотки ее отчий дом, и поэтому она редко в нем показывалась. Если она и остаток своей жизни проведет с разными парнями, то, возможно, это будет даже лучше, чем влачить жизнь с такой мамашей.

Оставалась Лаура Джин Джонс. Фланнери дал номер ее телефона, и я позвонил из

ближайшего автомата, но трубку никто не поднял.

Словно повинувшись внезапному озарению, я проехал по бульвару Сансет в сторону Сепульведы и остановился у канала.

Глава 5

У берега стояли три полицейские машины и еще с два десятка автомобилей, принадлежавших любопытным. На некотором отдалении за рулем машины шерифа сидел молодой полицейский, судя по всему, в плохом настроении. Я остановился поблизости и подошел к нему.

У водителя был веснушчатый нос и ясные глаза голубого цвета. Слова из него вылетали с чавканьем, вызванным жевательной резинкой.

– Мы считаем, что тело девушки в канале. Ребята ищут ее с утра. – Он снова зачавкал жвачкой. – Но, возможно, они ее не найдут, пока не спадет вода. А это случится не скоро. Не исключено, что дождь будет опять лить всю ночь. – Шофер подмигнул мне, как бы показывая, что он в курсе всех дел. – А может, никакой девчонки в канале и нет. Ведь эти артисты готовы на все, лишь бы обратить на себя внимание.

Тут я был с ним целиком согласен.

– Разумеется, вы должны со мной согласиться. – Он показал на дневную газету. У меня еще газеты не было, поскольку я в спешке даже не вспомнил, что надо бы купить ее. – И вот это доказывает, что я прав. Старый хрыч Миллет вдруг женится на такой молоденькой.

На первой странице газеты я увидел большую фотографию Стива Мил-лета и рыжеволосой малышки. Как явствовало из текста, звали ее Шерри Гембл, которую – писала газета – ждет впереди блестящая артистическая карьера. Тем не менее не было названо ни одной ленты, где она сыграла хотя бы малюсенькую роль. Мне стало жаль ее.

Фотографию Миллета и Шерри обрамляло нечто вроде венка, в который были вплетены мелкие фотографии бывших жен Стива. Была здесь и Джоан Уорнер. И каждая из них была удивительно хороша.

Я резко свернул газету.

– Эй, эй! – крикнул шофер. – Ведь это моя газета! А вы ее всю смяли.

Я извинился и дал ему пять центов на новую. Деньги он взял, но начал разглаживать старую.

– Нет, взгляните на него. А потом на девчонку. Хорошенькая, правда? И что такая девчушка находит в Миллете? Если бы одна из моих сестер – а у меня их три – привела к нам такую лакированную обезьяну, я бы ее быстро отделал за милую душу.

Я снова попросил у него газету и прочитал текст до конца. Из вежливости по отношению к киностудии, которая анонсировала новый фильм, о несчастном случае было сказано всего несколько строк.

Тем не менее, место происшествия было указано. И сообщалось, что Миллет во время проливного дождя кого-то задавил. Так, во всяком случае, показал сам Миллет. В статье подчеркивалось, что пока его предположения не подтвердились, хотя он и заявил о

случившемся в полицию. О черно-белом терьере не было упомянуто.

Не нашел я и намека на то, где именно фотографировали невесту и откуда репортеры узнали о новом браке Стива Миллета.

Молодой шофер, по-моему, не мог глаз оторвать от фотографии Шерри.

– Вот это девочка! Как раз в моем вкусе. И почему только я не встретил ее?

– Потому что вы еще не завоевали репутации великого любимца и любовника, – объяснил я.

– Потому что Миллет зарабатывает в неделю столько же, сколько вы в год. И потому что вас не зовут Стивом Миллетом.

– Шерри! – вздохнул он. – Одно имя наводит на приятные мысли. Представляете?

– Да, – кивнул я. – Представляю.

Я оставил его сидеть в машине и отправился к ближайшему дому. В добрые старые времена он, должно быть, был белого цвета. Сейчас же это совершенно запущенное строение мрачно стояло среди деревьев, с которых капала вода. Дом был трехэтажным и имел форму квадрата. Четыре изъеденных червями ступени вели на кривую веранду.

Я обернулся и взглянул на канал. Картина действительно полностью соответствовала той, которую живописал репортер: полиция ищет в воде упавшую туда машину или труп, и две маленькие лодочки, словно пробки, танцуют на воде.

Дом стоял на небольшом возвышении. Я поднялся на холм, преодолел ступени рахитичной лестницы и постучал.

Верхняя половина двери была застеклена, но стекло было разбито и заклеено лентами лейкопластыря. С внутренней стороны его висела коричневая занавеска. Когда я постучал второй раз, занавеска отошла в сторону, и дверь открыла женщина лет пятидесяти, седоволосая, с губами тоже какого-то серого цвета.

– Что вы хотите?

Я немного покривил душой, сказав, полиция.

Она позволила мне войти и повторила:

– Итак, что вы хотите?

На ней было домашнее платье, и она носила слуховой аппарат. Белый провод тянулся из уха по шее и исчезал в складках одежды. Батарейку она, видимо, прикрепила к ляжке. Сейчас она усилила звук, чтобы лучше меня слышать.

– Вы из полиции?

Прежде чем я успел солгать вторично, на участок въехал какой-то древний "бьюик", он проехал по газонам и со скрипом остановился перед лестницей.

Из машины вышли двое. Один из них, немного постарше женщины, грубосколоченный, был в чистой хлопчатобумажной рубашке и в голубых рабочих штанах. Другому было не более 22 – 23 лет.

– Что вы собираетесь нам продать? – спросил юноша.

Женщина усилила мощность своего слухового аппарата.

– Этот человек из полиции. Из уголовной полиции. – Она представила мне приехавших. – Мой супруг и мой сын.

Молодой человек внес бумажный пакет с продуктами в дом. Его отец остановился рядом со мной и взглянул в сторону канала.

– Вы уже второй, – наконец сказал он.

– А кто был первый? – спросил я.

– Он не назвал нам своего имени, – ответила женщина. И с готовностью добавила: – Но на нем была форма.

Я заметил, что это несущественные детали.

Слуховой аппарат был уже поставлен на такую мощность, что издавал какой-то свистящий звук.

– Что вы сказали?

– Вы не слышали сегодня утром рано крик? – поинтересовался я.

Она кивнула:

– Слышала. Даже два раза. И я уже сказала об этом первому полицейскому.

– Два раза?

– Да, да. Они последовали с промежутком приблизительно тридцать секунд.

– Прикрой свой аппарат, – сказал ей супруг. – Ты, как всегда, поставила его слишком сильно.

Женщина сунула руку в разрез своего платья, после чего свист прекратился.

– Когда это было?

– Приблизительно без четверти четыре.

– И вы уверены, что слышали два крика?

– Уверена. И это наверняка кричали от страха или от боли.

– Но вы ничего не видели?

– Нет. Шел слишком сильный дождь. Я могла видеть всего на несколько ярдов.

– Эти крики вас разбудили?

Она покачала головой.

– Я готовила ужин.

– Без четверти четыре утра?

– Наш мальчик работает посменно на заводе Дугласа, – объяснил ее супруг. – И прежде чем лечь спать, он всегда хочет что-нибудь перекусить. Вот и мы должны подлаживаться под него.

– Вы тоже слышали крики?

– Нет. Я не слышал. Я заснул у приемника, и Тедди разбудила меня только после того, как услышала крики. Я надел ботинки и плащ, чтобы пойти посмотреть, что произошло. Но я ничего не смог обнаружить.

Я поинтересовался, как их зовут.

– Докерти, – сказал мужчина. – Чарли и Тедди Докерти. А нашего сына зовут Льюис.

Я поблагодарил их за информацию и вернулся к машине. Если я не ошибался, в миле отсюда, на шоссе, находился ресторан, который работал всю ночь.

И не ошибся. Мы с Салли несколько раз обедали здесь. Ресторан назывался "Кукушка", был построен в форме швейцарских часов, и каждый раз, как кельнер проходил к двери, большая стрелка циферблата, расположенного на крыше, продвигалась на пару дюймов.

Перед рестораном стояли три машины: две – на площадке, где ставили свои машины служащие, и одна – в стороне – это был старый "студебеккер".

Я оставил свою машину и вошел в ресторан. От бармена – высокого, розовощекого парня за стойкой, пахло фрикадельками. На брюхе у него был повязан передник, а на лице играла ухмылка. Я спросил его, могу ли поговорить с ночным официантом.

– Нет, – ответил он. – Все работавшие ночную смену уже ушли.

Две девушки сидели на высоких табуретах и помогали друг другу полировать свои ногти. Я поинтересовался, не их ли это "студебеккер".

Бармен покачал головой.

– Нет, они работают здесь. А машина уже находилась там, когда я заступил на смену. А почему вы интересуетесь? Вы что, из полиции? Стибрили какую-нибудь машину?

Я вышел на улицу и осмотрел "студебеккер". Это была коричневая машина в приличном состоянии. Водительские права, опознавательную карточку я, конечно, не обнаружил в ящике водителя. Я нашел пудреницу, пару дамских перчаток, приблизительно пятого размера, несколько заколок для волос, пустую коробочку из-под пралине и темные очки.

Брать эти вещи не было никакого смысла. Какое-то время я еще посидел в машине и поразмышлял. Не успел я все еще раз продумать, как на площадку выскочил желтый кабриолет и круто развернулся, отчего гравий брызнул во все стороны. Он остановился рядом со "студебеккером".

– Хэлло, Джонни!

Я увидел Джоан Уорнер. Ее светлые волосы были растрепаны ветром – она ехала с опущенной крышей. И в такую погоду!

Я вылез из машины и подошел к ней.

– Что ты здесь делаешь?

– Ищу тебя.

– И как же тебе удалось меня разыскать?

Джоан улыбнулась, показав при этом белоснежные зубы.

– Пришлось потрудиться. Но ведь я всегда была хорошим следопытом.

Это мне не понравилось. По непонятной для меня причине Джоан следила за мной. Это на нее не было похоже. За вновь вспыхнувшим интересом к моей персоне скрывалось что-то другое, и никак не секс.

Поверх белой блузки она надела коричневую кожаную куртку. Блузка имела слишком глубокий вырез. Юбка была тоже кожаная – тонкая, узкая, дорогая и короткая, отчего ноги ее высоко обнажались. Есть очень мало женщин, которые даже после поездки под дождем выглядят бодро и привлекательно, и Джоан была одной из них.

Она снова улыбнулась.

– Ну, какой комплимент я могу ожидать?

– Не простуди ноги, – сказал я, опираясь ладонью на дверцу ее машины.

– У меня очень горячая кровь, – нанесла она ответный удар. Ее ладонь тут же легла на мою, но я без всяких комментариев вытянул свою руку.

Джоан хмуро посмотрела на меня.

– Ты на меня сердишься, Джонни, не так ли?

Я сунул руку в карман пальто: мне до сих пор казалось, будто я чувствую ее мягкую нежную кожу. А потом я вдруг вспомнил о фотографии Джоан в газете, рядом со свадебным портретом Стива Миллета. И ее фото тоже красовалось в обрамлении красоток, которые когда-то были настолько глупы, чтобы стать мадам Миллет.

– Скорее удивлен, – ответил я.

– Чем?

– Как ты умудрилась найти меня здесь?

– Просто проезжала мимо и увидела тебя.

Это была ложь, которую я прочел в ее глазах.

– Придумай что-нибудь другое.

Она пожала плечами.

– Ну, хорошо. Я солгала. Я ехала следом за тобой.

– Зачем?

– Мне надо поговорить с тобой, Джонни. По важному делу.

– Что ж, выкладывай. Я слушаю.

Мотор ее машины еще урчал. Джоан выключила его и провела рукой по лбу, убирая мокрые волосы.

– Временами ты бываешь просто невыносимым, Джонни Слэгл!

– Хорошо, начнем сначала. Что тебе нужно от меня?

– Поговорить с тобой, Джонни.

– Ты уже это делаешь.

– Я не такой разговор имею в виду. Я должна поговорить с тобой наедине.

Ее глаза недовольно сверкнули. Обычно ей достаточно щелкнуть пальцами, чтобы ее очередной фаворит прыгал через обруч. Правда, я совсем не был уверен, что в данный момент являюсь ее фаворитом. Разумеется, Джоан и я остались хорошими товарищами, после того как наша связь прекратилась.

– Говори же, наконец, разумно, Джоан, – сказал я. – Что случилось? И что это за важное дело, которое заставило тебя в дождь ехать вслед за мной?

Она смахнула капельку с верхней губы.

– Я тебе когда-нибудь лгала, Джонни?

– Нет, – сознался я, – такого у нас не было.

Она нагнулась вперед, и я смог заглянуть в ее вырез.

– Тогда поверь мне и на этот раз, Джонни. Я знаю кое-что, о чем и тебе полезно знать. Но здесь я тебе не могу этого сказать. А если ты приедешь ко мне домой, то мы с тобой выпьем по рюмочке, и я все тебе расскажу.

– Это действительно важно?

– Очень! – В голосе Джоан появились недовольные нотки. – Неужели так страшно навестить меня?

– Нет, не страшно.

– Тогда сделай это ради меня, Джонни! Хорошо?

Я посмотрел на Джоан. Она все еще была хороша, и казалось даже, что мокрые волосы ее красят. Она была красивее Салли, и это говорило о многом. Видимо, неправы утверждающие, будто образ жизни женщины написан на ее лице. Джоан была свеженькой и выглядела совсем как девочка. Но губы ее частенько складывались, выдавая жестокость, а блеск глаз подтверждал, что ты имеешь дело с опытной женщиной, прожившей достаточное количество лет, в которых уместились и бесчисленные рюмки, и множество мужчин.

– Но ведь это все было так давно, Джонни, – она словно угадала мои мысли.

Если бы я знал, что делать. Действовала ли она по собственному побуждению или по приказу со стороны? Разумеется, я не собирался совать голову в петлю. Или делать то, что могло бы оскорбить Салли. Она уже и без того достаточно натерпелась.

– Почему ты преследуешь меня, Джоан?

Она посмотрела на меня темными терпеливыми глазами. Какое-то время она молчала, а кончики ее пальцев нервно скользили по рулю.

– Спустя такое время, это кажется тебе странным? – наконец сказала она.

– Вот именно.

Ее грудь ритмично вздымалась и опускалась. Видимо, она думала о давно прошедших днях.

– Это выше меня, – тихо сказала она. – Прости.

Она начала волноваться, и мне это не понравилось. Внезапно мне даже захотелось надавать ей пощечин, чтобы узнать правду.

– За что я должен простить?

Мои слова прозвучали громко и менее дружелюбно, чем я бы хотел. Джоан подняла глаза. Губы ее скривились, и мне показалось, что она вот-вот заплачет. Но она неожиданно засмеялась.

– За то, что я уже давно знакома с настоящим мужчиной по имени Джонни Слэгл, и за то, что все могло быть по-другому, если бы я была не такой. Так ты приедешь, Джонни?

Я постарался быть максимально спокойным.

– Послушай, Джоан, ты меня знаешь. То есть я для тебя никаких загадок не представляю. Поэтому давай отбросим игры в тайны. Почему вдруг у тебя вновь проснулся интерес ко мне? Что ты от меня хочешь? Уж не меня ли самого?

– Может быть... Частично... Может быть, я просто беспокоюсь за тебя.

– Почему ты беспокоишься?

– Приезжай ко мне, и я обо всем тебе расскажу.

Сами того не замечая, мы уже разговаривали на высоких тонах, почти кричали.

– А здесь ты не можешь мне этого сказать?

– Я боюсь.

– Ты не боишься, а не хочешь.

– Я не могу! – Она говорила со мной таким тоном, словно я – идиот, не понимающий самых элементарных вещей. Теперь она уже не казалась свежей и моложавой, а выглядела так, как и должна выглядеть женщина в ее возрасте.

– Да перестань же, наконец, вести себя как школьник! Тебя никто не собирается насиловать в моей квартире. Если ты сам этого не захочешь. Но сейчас ты в опасности, Джонни. Поверь мне, тебе грозит опасность. И серьезная. Ну как, приедешь?

Я ударил ладонями по дверце машины. Звук был каким-то глухим и жестким.

– Когда?

– Тогда, когда захочешь.

– Сегодня вечером. Как только освобожусь. Где ты сейчас живешь?

– Энзенейд-драйв, 3316, – ответила она.

Я повернулся и направился к ресторану. Когда я открыл дверь, обе кельнерши с любопытством уставились на меня. А мужчина – с каким-то сомнением.

Еще до того, как я успел закрыть дверь ресторана, послышалось шуршание шин автомобиля.

– Прямо сумасшедшая! – промолвил бармен, широко ухмыляясь.

– Где тут у вас телефон? – спросил я.

Его ухмылка исчезла. Он сунул руку под стойку, вытащил аппарат и со стуком поставил его передо мной.

– Нет, она не сумасшедшая, – объяснил я ему. – Она хотела мне что-то сказать, но не сумела это выразить словами.

На лице бармена снова появилась ухмылка.

– От женщин можно ожидать чего угодно.

Я позвонил в участок, находившийся в долине. На этот раз трубку взял лейтенант Грин. Нам уже приходилось работать вместе, и чаще всего это была игра в "кошки-мышки". Нет, нельзя сказать, что мы ненавидели друг друга – просто у Грина не была такая толстая слоновая шкура, как у Эла Кинли. Мне всегда казалось, будто Грин считал, что я смеюсь над ним. Возможно, в чем-то он был недалек от истины.

– Говорит Джонни Слэгл, – сказал я. – Вас, наверное, заинтересует то, что я вам сейчас скажу. Мне кажется, я нашел машину пропавшей девушки. Она стоит перед рестораном, который находится на шоссе в миле от канала, с южной стороны. – Я покосился на насекомое, стоящее за стойкой. Бармен наострил уши, но постарался придать своему взгляду равнодушный вид. Обе кельнерши застыли в напряженном молчании на своих табуретах. – Ресторан называется "Кукушка".

Грин что-то промычал. Видимо, записывал данные. Я сообщил ему марку машины, цвет, номер.

– В любом случае, мне кажется, следует проверить эту машину. Если Миллет действительно задавил девушку, то ведь девушка эта откуда-то взялась, не с неба же.

– Разумеется, с неба она не упала, – ответил Грин.

– Вот именно! Но я все-таки не могу понять, зачем ей понадобилось идти в дождь целую милю, да еще с собакой на поводке. И тем более – в такое время.

Грин кашлянул.

– Может быть, это и не ее машина. Но как бы то ни было, благодарю за помощь, Слэгл. Мы немедленно все проверим.

Я повесил трубку. Бармен напряженно смотрел в окно. Я заказал себе рюмку бурбона, хотя совсем не хотел пить, и чашку кофе, которую выпил с удовольствием. На этот раз бармен не задавал никаких вопросов. Видимо, он был человеком понятливым.

Глава 7

Дом 41638 на Сартилло-авеню был старомодным и полностью деревянным. Его окружал небольшой неухоженный сад. Напротив же высились вполне современные дома.

Я остановил машину у тротуара и прошел по короткой, заросшей травой дорожке к веранде, у которой громоздились пустые ящики.

Жалюзи на окнах были спущены, и на двери я не нашел таблички с именем хозяина. Правда, из окна верхнего этажа доносилось тонкое повизгивание флейты.

Я нажал на кнопку звонка, а когда убедился, что это не подействовало, забарабанил в дверь кулаком. Единственным ответом было все то же попискивание флейты. Я забарабанил сильнее, и тогда услышал голос, который посоветовал мне, что надо делать:

– Вы должны пройти к черной двери и постучать сильнее. Старый человек не хочет в этом признаваться, но на самом деле он почти глухой. Милый старый господин. Ему следовало бы приобрести слуховой аппарат.

Я отступил немного, чтобы, взглянуть наверх, потом обернулся и увидел в окне дома напротив женщину средних лет, с приветливым видом выглядывающую из окна второго этажа.

– Конечно, если вы пришли к мистеру Джонсу, а не к кому-либо другому, – добавила она.

– У него есть дочь по имени Лаура Джин?

– Да, есть. А что с ней?

Вместо ответа я спросил ее, как она относится к завываниям флейты.

Рот ее от неожиданности принял форму буквы "о", а потом она улыбнулась.

– Представляю, что будет, если мистер Джонс услышит, что его классическую музыку вы называете завываниями. Он ведь считает себя крупным флейтистом.

Я свернул за угол дома и забарабанил в дверь. Завывания флейты умолкли, и через несколько секунд дверь открылась. На пороге появился старый человек. В руке он держал флейту.

– Входите, входите, сын мой! – выкрикнул он громким голосом, прежде чем я успел что-либо сказать. – Если вы пришли к Таддеусу Джонсу.

Я последовал за ним в просторную гостиную, где он тотчас же поднял жалюзи. Мистеру Джонсу было за шестьдесят, и он хорошо сохранился для своего возраста. К тому же он несомненно был джентльменом. Меблировка гостиной оказалась много лучше, чем я ожидал, ориентируясь на внешний вид дома. Вся мебель казалась новой и была в хорошем состоянии.

Джонс предложил мне сесть, и сам уселся напротив, наклонив голову немного вперед, как это произвольно делают глухие люди.

– Я вас слушаю?

Я посмотрел на него: уж не смеется ли он надо мной? Нет, конечно, нет! Просто такова была его манера выражаться. Подобных людей я уже видел, правда, чаще всего в фильмах. Мистер Джонс был, вероятно, одним из немногих, кого мы по праву относим к "джентльменам старой школы".

Он вынул платок, встряхнул его, тщательно вытер себе руки и снова сунул в карман. И все время выжидательно смотрел на меня. Его серые, почти белые волосы оставались еще густыми и пышными, глаза – темные и терпеливые, нос по-орлиному острый. Уголки рта старого джентльмена немного приподнимались, что еще больше подчеркивало спокойное выражение глаз. На хозяине был темный костюм и белоснежная рубашка.

– Вы заявили в полицию, что у вас исчезла дочь по имени Лаура Джин, – сказал я. Он, видимо, не так уж плохо слышал, ведь я сказал эту фразу не повышая голоса.

– Да, – сразу кивнул он. – Вы – из полиции? Да, моя дочь пропала, все верно, сэр.

– Это случилось прошедшей ночью?

– Только сегодня утром... – заговорил старик. – Я забеспокоился только сегодня утром. Вчера вечером Лаура Джин не вернулась домой. Это необычно. Очень необычно.

Он замолчал и уставился на меня.

– Прежде этого никогда не случалось?

– Никогда. Вы... у вас есть для меня какие-нибудь новости?

Как же я мог сказать благородному старому господину, что его дочь скорее всего погибла? Поэтому я ответил, что Лауру Джин пока ищут.

– Кстати, у нее какая машина, мистер Джонс?

Он на мгновение задумался.

– "Студебеккер", мистер... Извините, но я не расслышал вашего имени.

– Меня зовут Слэгл, – сказал я.

– Да, – повторил он неожиданно громким голосом. – Я уверен, что это был "студебеккер", мистер Слэгл. Лаура Джин купила его в Оклахома-сити специально для поездки сюда. А почему это вас интересует?

И опять я не знал, что ответить. Я спросил его, можно ли закурить.

– Ну, конечно, конечно! – воскликнул он и сам взял предложенную сигарету. – Но вы, кажется, хотели мне что-то сообщить, мистер Слэгл?

– Ничего особенного, – ответил я. – Дело в том, что полиция обнаружила на бульваре Сепульведа брошенную машину. На шоссе, возле придорожного ресторана "Кукушка". Коричневый "студебеккер", модель сорокового или сорок первого года. Не скажете, похожа она на машину Лауры Джин?

– Да, – ответил он. Потом выглянул из окна. Женщина из соседнего дома стояла у садовой калитки.

– Входите, входите, миссис Эдвардс! – крикнул он. – Этот человек кое-что знает о Лауре Джин!

Когда вошла соседка, я поднялся и снова сел подле нее.

– Вы не скажете, куда собиралась ваша дочь вчера вечером? – снова обратился я к мистеру Джонсу.

Тот отрицательно покачал головой:

– Понятия не имею.

– Она никогда не упоминала ресторан "Кукушка"?

– Откровенно говоря, не помню.

– Мы однажды были там, с супругом, – вставила миссис Эдвардс. – Он находится за городом, в долине.

Джонс снова вытащил носовой платок и провел им по лицу.

– Но вы сказали, что машина была найдена пустой. А это может означать, что произошел несчастный случай и что Лаура Джин ранена. – Старый джентльмен побледнел.

– Ну, что вы! Зачем сразу думать о худшем, мистер Джонс, – успокоила его соседка. – Мы же еще ничего не знаем.

– У нее есть собака? – спросил я.

– Да, – быстро ответил Джонс. – Ее зовут Скиппи. – Он приподнял свои руки. – Черно-белый терьер. Приблизительно вот такого размера.

Я решил подвести дело к правде.

– Тогда боюсь, что с вашей дочерью действительно что-то случилось. Скорее всего, несчастный случай. И произошел он приблизительно в миле от того места, где был обнаружен "студебеккер".

Не называя имен, я рассказал ему о канале и о маленькой собачонке, которую обнаружил на берегу.

– У нее был плетеный ошейник и зеленый поводок? – спросил Джонс.

Когда я кивнул, он сразу сжался в своем кресле и прижал руки к груди, словно почувствовал сильные боли.

Миссис Эдвардс вскочила и вытащила из кармана его жилета трубочку с белыми таблетками.

– Это – сердце. Мистер Джонс страдает сердечной недостаточностью. Быстро принесите из кухни стакан воды.

Наливая в стакан воду, я быстро осмотрел кухню. На окнах висели белые узорчатые занавески. Все было очень чистеньким.

Миссис Эдвард сунула старому джентльмену в рот две таблетки и поднесла к его губам стакан с водой. Я спросил ее, в каком родстве она состоит с семьей Джонс.

– Ни в каком, – ответила женщина. – Мы только соседи. Но разве соседи не должны помогать друг другу?

Старому джентльмену постепенно становилось лучше, на лице снова заиграл румянец.

– Ему нужно какое-то время отдохнуть, – заметила миссис Эдвардс.

Я предложил прийти попозже.

Она энергично покачала головой.

– Нет. Что бы ни случилось с его дочерью, мистер Джонс захочет узнать всю правду, таков уж он от природы.

Старый джентльмен кивком подтвердил правильность ее слов.

– Прошу вас остаться, мистер Слэгл. А вам большое спасибо, миссис Эдвардс. Спасибо вам обоим. Я очень извиняюсь, что причинил вам хлопоты. – Его голова осталась вполне ясной, когда уже сердце начало отказывать. – Но только не понимаю, зачем Лауре Джин понадобилось разгуливать вместе с собакой по пустынному бульвару? Да еще в четыре часа утра!

Я вспомнил о словах миссис Докерти.

– Для меня это тоже загадка. Вы не знаете, куда собиралась ваша дочь? И вам неизвестно также, не договаривалась ли она с кем-нибудь?

Он по-прежнему четко выговаривал слова, только голос при этом звучал как-то глухо.

– Нет, сэр, не знаю. Лаура Джин достаточно взрослая и умная девушка, чтобы самой решать свои вопросы.

Я переменял тему.

– Вы давно живете в Лос-Анджелесе?

– Нет. Мы приехали сюда не так давно... Около восьми месяцев назад.

– Откуда?

– Из Вевоки.

– Это какой штат?

– Вевока находится в Оклахоме.

– А почему вы переехали в Лос-Анджелес?

– Это было желанием Лауры Джин. Она считала, что может добиться успеха в кино.

– И она действительно имела успех?

– Нет.

– Она хорошенькая?

Мистер Джонс замялся.

– Понимаете, для отца это трудный вопрос. С моей точки зрения, она очень хорошенькая.

Я взглянул на миссис Эдвардс.

– Я бы этого не сказала, мистер Слэгл, – заметила она. – Лаура Джин выглядела миленькой и здоровой, и у нее была хорошая фигурка, но красавицей ее назвать, конечно, нельзя. Тем более – по голливудским понятиям.

– Не произошло ли чего-нибудь странного или необычного с того момента, как вы приехали в Лос-Анджелес, мистер Джонс? Например, не были ли вы сами или ваша дочь свидетелями какого-нибудь нападения или ограбления?

– Нет.

– Но ведь однажды вас чуть было не столкнули в глубокий строительный котлован, –

возразила миссис Эдвардс.

– Ну, это пустяки, – кивнул Джонс. – Все закончилось благополучно.

– И это вы называете пустяками?! – возмутилась соседка. – Если бы вы в последний момент не успели схватиться за доску забора, вы упали бы с большой высоты прямо на груды кирпичей.

Джонс объяснил это дело обычной случайностью.

– А еще были происшествия такого рода? – осведомился я.

И снова ответила миссис Эдвардс:

– Конечно. Немного позднее его чуть не задавила машина, а еще какое-то время спустя его кто-то хотел сбросить с балкона.

– Расскажите мне подробнее о машине.

– Эта машина дважды пыталась сбить мистера Джонса, причем в один и тот же день. И оба раза свидетели записывали номер этой машины.

– И что было предпринято?

– Лаура Джин заявила об этом полиции. Там проверили все показания и установили, что эта машина была украдена. Только на следующий вечер ее нашли брошенной в Ван-Нейсе.

– А что за история с балконом?

Мистер Джонс наморщил лоб.

– Я считаю, что это – простая случайность. Дело в том, что, когда я иду на концерт или в театр, я люблю сидеть на балконе. И, если возможно, беру место в переднем ряду. В том театре, где это случилось, лестницы, ведущие на балкон, довольно крутые. И вот, спускаясь после представления, я споткнулся о чью-то ногу и чуть не упал через перила.

– Вы, случайно, не знаете того человека?

– Нет! Разумеется, нет! С моими знакомыми я всегда жил в мире. И врагов у меня никогда не было.

Тем не менее уж одного-то врага он наверняка имел.

Я спросил у него, нет ли в доме фотокарточки Лауры Джин.

Миссис Эдвардс принесла с камина портрет девушки, вставленный в рамку.

– Вот Лаура Джин.

Фотокарточка была большой и цветной.

Разумеется, девушку нельзя было назвать красивой. Каштановые волосы, слишком узкие нос и губы, взгляд приятный, но спрятанный за очками. И насколько я мог видеть на фото фигуру девушки, и по этой части она не могла бы выступать на конкурсе красоты. Просто миленькая девушка, какие часто поют в церковном хоре. Мне показалось, что где-то я ее уже видел.

– Значит, вы родом из Оклахомы? – спросил я старого джентльмена.

– Совершенно верно, сэр. Там у меня маленькое ранчо, неподалеку от Вевеки. Оно принадлежало моей семье еще тогда, когда Оклахома была индейской территорией, – не без гордости добавил он. – Я там много лет играл в городской капелле.

Я снова взглянул на фото.

– И почему вдруг Лаура Джин решила, что сможет добиться успеха в кино?

Он покачал головой.

– Этого я не знаю. Но Лаура Джин настояла на том, чтобы мы переехали сюда. В первые месяцы она была безмерно счастлива. Зато в последнее время она часто и много плакала. Несомненно, потому что разбились ее мечты стать актрисой.

– А каково ваше финансовое положение?

– Простите, сэр?

– Вы вынуждены работать?

– Нет. У меня достаточно средств к жизни... Но если с Лаурой Джин действительно что-то случилось, то чего же мы сидим тут? Нужно что-то предпринять, – спохватился он.

– Все, что нужно предпринять, будет сделано, – сказал я. – А нам лишь остается надеяться на лучшее. До сих пор мы фактически еще не знаем, случилось ли вообще что-нибудь с вашей дочерью. Ведь не исключено, что она оставила машину, а сама сидит у подружки. А вы не знаете, у нее есть здесь, в Голливуде, приятель?

– Это щекотливый вопрос, – заметила миссис Эдвардс.

– Что вы имеете в виду?

Джонс откашлялся.

– Лаура Джин уже несколько месяцев встречалась с одним человеком. Но это было ее личное дело, и я не вмешивался. Но когда я однажды все-таки выразил желание познакомиться с ним, она сразу рассвирепела. Она заявила, что не может привести своего друга в эту... эту развалюху, как она заявила. Да, она, кажется, употребила именно это слово.

– И вы так и не познакомились с ним?

– Нет, сэр. Но я несколько раз говорил с ним по телефону, когда он хотел назначить свидание Лауре Джин. Один раз я даже видел его издали, когда он заезжал за ней на машине.

– Вы смогли бы описать этого человека?

– Высокий, темноволосый, с тоненькими усиками. На нем было светлое пальто спортивного покроя.

В Голливуде не пройдешь и десятка шагов, чтобы не встретить двадцать мужчин с такой внешностью.

– А какого он приблизительно возраста?

– Этого я сказать не могу, – ответил мистер Джонс. – Дело было вечером. И я смог увидеть его на какое-то мгновение.

Я попросил его одолжить мне фото Лауры Джин. Он не хотел расставаться именно с этой

фотокарточкой и дал мне взамен другую, которая меня вполне устроила.

Сказав, что полиция еще даст знать о себе, я оставил его посреди комнаты – этого милого, беспомощного и старого джентльмена, который все еще продолжал держать в руке свою флейту.

Мне было уже давно пора ехать в контору и заняться своими каждодневными обязанностями. Но я этого не сделал. Мой нос уж слишком завяз в этом деле, от которого я, правда, не ожидал получить ни цента прибыли. Черт возьми, ну что ж, в таком случае я займусь им бесплатно!

Из головы никак не выходили два крика в ночи, которые последовали с промежутком в тридцать секунд. Если Стив Миллет действительно наскочил на нее с бешеной скоростью, то один крик был вполне естественным. Но почему через полминуты она вдруг снова закричала? Ведь полминуты – это очень долго!

Глава 8

За это время, пока я разговаривал со старым джентльменом, уже успело стемнеть. Я постоял у машины, раздумывая, что теперь предпринять. Потом я подъехал к ближайшей аптеке и позвонил Салли.

– К ужину я не вернусь, – сообщил я ей. – И когда вернусь, тоже не знаю, крошка.

– Все еще дело Миллета?

– Да.

Она помолчала. В телефонной трубке я слышал ее дыхание.

– Но у тебя все в порядке, Джонни?

– Конечно.

– И ты знаешь, что я тебя люблю больше всех на свете?

Я послал ей воздушный телефонный поцелуй и повесил трубку. Возвращаясь к машине, я закурил. И перед моими глазами возник канал на бульваре Сепульведа, освещенный ярким прожектором полицейской машины. Затем я услышал отчаянный крик девушки, а через тридцать секунд второй крик.

Я сел в машину и поехал в Сепульведу.

Рядом с каналом теперь стояло уже шесть полицейских машин. И несколько прожекторов освещали место происшествия. Трое полицейских стояли по щиколотку в воде и отгоняли любопытных, проезжавших мимо со скоростью улитки.

Я отыскал место для своей машины между полицейским автобусом и черным "бьюиком". Один из полицейских открыл было рот, чтобы прогнать нахала, но тут же узнал меня.

– Хэлло, Джонни!

На переднее стекло "бьюика" облокотился какой-то обрюзгший человек. В зубах у него была зажата сигара.

– Хэлло, Слэгл! – воскликнул он.

Это был Саул Блисс.

Он подошел ко мне и выпустил дым из уголков рта. Глаза его были ясные, лицо тщательно выбрито. Саул Блисс выглядел сейчас весьма значительно.

– Они с вами уже говорили? – спросил он.

– А кто должен был говорить со мной?

– Киностудия. Они звонили вам в течение часа.

– Меня не было в конторе.

Он посмотрел на свою влажную сигару и выбросил ее. Она описала дугу, брызнув снопом искр.

– Труп найден, – сказал Блисс. – Полиция нашла его.

Я глубоко вздохнул, чтобы освободиться от стеснения в груди. Я понимал, что теперь будет. А Блисс откусил кончик новой сигары.

– На основании ключа от машины, найденного в ее сумочке, полицейские сделали предварительное заключение, что речь идет о некой Лауре Джин Джонс, проживающей в Северном Голливуде на Сартилло-авеню. Отправляйтесь немедленно туда, Джонни, и выясните, как у этой семьи обстоит дело с финансами. Предложите им любую сумму. В разумных пределах. Иначе все может обернуться очень неприятным образом. Лейтенант Кинли добавил к своему заявлению о беспечной езде кое-что еще. А именно: ведение машины в нетрезвом состоянии и бегство с места происшествия после несчастного случая.

– Я только что побывал на Сартилло-авеню, 41638, – ответил я. – Мертвую девушку действительно звали Лаура Джин Джонс. Вся ее семья состоит из одного, достойного уважения старого отца. И хотя он не купается в деньгах, тем не менее я сильно сомневаюсь, что он позволит себя купить.

Блисс крутанул колесико платиновой зажигалки, и из нее выскочило голубое пламя.

– Я только думаю о благополучии всей кинопромышленности.

– Я уверен в этом.

Он остался у машины, а я направился к полицейским, оттесняя любопытных. Среди других зевак я заметил высокого молодого человека с самокруткой в зубах. Он не спускал глаз со спин полицейских. На нем были поношенные голубые джинсы и потертая кожаная куртка. На ногах – высокие сапоги. Эти сапоги, а также шляпа резко отличались от всей остальной одежды – они были дорогими. Подбородок молодого человека имел весьма внушительные размеры. Должно быть, это был самый настоящий ковбой.

Капли падали с его широкополой шляпы и вскоре превратили его сигарету в бурые лохмотья. Я предложил ему свою из пачки.

– Благодарю вас, сэр.

С минуту мы наблюдали за всем, что творилось на канале.

– Вы что-нибудь понимаете в кинобизнесе? – спросил он потом. – Как лучше всего войти в контакт с людьми из кино?

Его слова меня разочаровали. Это кино мне уже поперек глотки встало. Со Стивом Миллетом было покончено – киностудия не продлит с ним контракта. Но из страха перед общественным мнением боссы были готовы нажать на все педали, чтобы оправдать Миллета. Саул Блисс и другие юристы киностудии должны будут доказать, что в этой машине находились двое других, в то время как сам Стив Миллет сидел у себя дома, попивая апельсиновый сок и читая "Хижину дяди Тома". Полиция, со своей стороны, конечно, тоже сделает все, чтобы добиться истины. Но если Блисс и его помощники достаточно хорошо продумают свое дело, то Миллет отделается лишь хлопком по спине. И тогда сможет планировать дальнейшие "несчастные случаи", снова пить виски и совращать следующие поколения хорошеньких, но тщеславных девушек.

– Нет, я работаю в универсальном магазине, – ответил я молодому человеку.

– Да я просто так спросил, – кивнул он.

Полицейские тем временем расступились, предоставляя санитарам забрать жертву. Сейчас трудно было сказать, во что была одета Лаура Джин. Самым подходящим было бы слово "материя", но и ее на теле девушки было совсем немного. Поисковые крюки причинили одежде много ущерба. Ее тело было удивительно тоненьким и белым, левая рука переломана в нескольких местах и странно вывернута. И хотя девушка лежала на животе, глаза ее смотрели прямо в небо. Одной туфельки тоже не хватало, но Лаура Джин умерла, продолжая сжимать в руке свою сумочку. Даже сейчас она была судорожно зажата в ее пальцах.

Моему соседу-ковбою стало плохо.

Я вернулся к машине. Саула Блисса уже не было. Внезапно на канале воцарилась тишина: это отъехала, наконец, санитарная машина.

Возле дома на Сартилло-авеню я увидел полицейскую машину. Значит, меня уже избавили от необходимости сообщать старому джентльмену о горестном событии. На ближайшем углу стоял маленький торговец газетами. Я дал ему четверть доллара за номер. Статья о Стиве Миллете вышла из печати до того, как был обнаружен труп, и до того, как Кинли выписал ордер на арест. Многочисленные браки великой "звезды" все еще оставались главной темой – и на этот раз даже с большими подробностями. Вот и в этом номере бывшие жены, словно венком, обрамляли фотографию его новой жены.

Вообще-то мне нужно было перекусить, но я просто не мог. Вместо этого я выпил в маленьком баре двойную порцию виски. И при этом познакомился с новыми деталями новоиспеченной брачной пары Миллет. Счастливая невеста, как говорилось в статье, участвовала уже в целом ряде фильмов. Этим газета деликатно намекала на то, что она могла пробегать иногда перед камерой в массовых сценах. Гораздо интереснее было узнать, что ее настоящее имя Бесси Чарльз и что родом она из Вевоки, штат Оклахома. В этом городе она и познакомилась со Стивом Миллетом два года назад, когда "Консолидейтед Пикчерз" снимала там большой исторический фильм "Индийская территория". Фильм, который я уже давно забыл.

Я заказал еще порцию виски и удивился, откуда у меня так много мыслей в голове. Салли тоже, видимо, удивлялась, почему меня до сих пор нет дома. И если Шерри Миллет в Лас-Вегасе еще ничему не удивлялась, то она наверняка многому удивится в самое ближайшее время. А уж к тому времени, когда она наскучит Миллету, девочка вообще перестанет чему-то удивляться.

Я вынул из кармана кольцо с ключами и уставился на него.

– Какое оно у вас красивое! – восхитился бармен.

– Вы тоже так находите? – спросил я, пошел к телефону и позвонил Саулу Блисссу.

Дома у него никто не поднял трубку. Тогда позвонил на студию. В трубке зачирикал нежный девичий голос:

– "Консолидейтед Пикчерз", бюро мистера Блисса.

Я попросил позвать Саула. Она узнала меня по голосу.

– О, это мистер Слэгл! Мистера Блисса здесь нет.

– А где я могу его найти?

Она спросила меня, звонил ли я ему на ранчо. Когда я ответил утвердительно, она ответила: "Подождите минутку!" и заговорила с кем-то, кто находился в бюро: "Это Слэгл. Ему нужен мистер Блисс".

"Спросите, важное ли у него дело, – ответил чей-то мужской голос... – Нет, дайте я сам поговорю с ним".

Мужчина подошел к телефону.

– Слэгл? Говорит Харрис. – Это был один из молодых адвокатов, который занимался, главным образом, этическими вопросами. – У вас важное дело?

– Очень, – сказал я.

– Это связано с делом Миллета?

– Это уж мое дело.

– Ну, хорошо, – обиженно ответил он. – Я случайно знаю, что мистер Блисс и большая часть "сильных мира сего" собрались в "Бель-Эре" на обед.

Я повесил трубку, позвонил в отель и, наконец, заполучил Блисса.

– Прежде чем вы сообщите мне, – начал я, – что я вылечу с работы, я хочу сказать вам, что я сам ушел с нее добровольно. Наконец-то Стив Миллет сидит у меня на крючке, на который я пытался его поймать несколько лет. Я сдеру с него шкуру, высушу и прибью к деревянному забору!

Видимо, Блисс чуть не подавился. Во всяком случае, судя по звукам, можно было заключить только это.

– Не предпринимайте никаких необдуманных поступков, – выдавил он наконец.

– Это я могу вам обещать от чистого сердца.

Судя по всему, ему мой тон не понравился. Он заговорил голосом, сладким как патока.

– Но будьте же благоразумны, Джонни! Нет никакого смысла ломиться головой сквозь стену. Студия...

– От вашей студии несет тухлятиной. И от всей вашей компании в "Бель-Эре" тоже несет тухлятиной. Этот запах доносится по телефонному проводу. А тошнотворный запах Стива Миллета я чувствую даже из Лас-Вегаса!

Блисс переменял тон.

– Что ж, поступайте как знаете, Слэгл. И, если вы встанете поперек пути, я позабочусь о том, чтобы вас не приняла на работу ни одна студия во всей Калифорнии. И вы за всю жизнь не заработаете больше ни доллара. Я уничтожу вас, Слэгл! Мы все уничтожим вас! Это так же верно, как то, что меня зовут Саул Блисс!

Он еще продолжал ругаться, но я повесил трубку. Расплатившись, я какое-то время смотрел неподвижным взглядом на батарею бутылок за стойкой. Вспомнил: Джоан хотела мне что-то рассказать. Может быть, все-таки стоит выслушать ее?

Не успел я взяться за ручку своей машины, как кто-то сзади воткнул мне в спину ствол пистолета с такой силой, словно хотел отделить мой двадцать третий позвонок от двадцать четвертого.

– Лучше всего не шуметь, Слэгл!

Это был Фрэнк. На лбу его расплзались крупные пятна, а из глаз сочился кровожадный блеск. Другой гангстер, коренастый, сидел за рулем машины, стоявшей рядом с моим "кадиллаком".

Фрэнк снова ткнул пистолетом в мою спину.

– Можете не волноваться, с вами ничего не случится. – Слова были сказаны так, будто он заучил их наизусть. – Пол хочет поговорить с вами.

– И вы считаете все это любезным приглашением?

– А вдруг вы станете отказываться?

Здесь, на площадке, было уже темно. Светились только окна маленького бара и зеленая неоновая вывеска над входом. Потное лицо Фрэнка показалось мне в этом зеленом освещении какой-то мерцающей маской.

Я осторожно приподнял ногу и изо всех сил ударил каблуком по пальцам его ноги. Фрэнк отбросил назад голову и дико взвыл. Человеческими звуками такой вой никак не назовешь.

Глава 9

Другой гангстер поспешил ему на помощь, держа в руке пистолет. Он был так напуган, что мог и выстрелить.

– Вам не следовало бы этого делать... Если кто-нибудь появится, придержите язык!

Внезапно дверь бара открылась и из нее выглянул бармен.

– Что у вас случилось?

– Мой приятель вывихнул ногу, – сказал я.

Бармен мгновение помедлил и закрыл дверь.

Фрэнк наконец кончил причитать и открыл дверцу моей машины.

– Он вызовет по телефону легавых. Садитесь в машину, быстро! Сами ее поведете! Только держите на руле обе руки.

Если бы я снова выкинул какую-нибудь штучку, он бы выстрелил, я понял это. Поэтому я молча сел за руль. Коренастый отправился к своей машине.

– Я поеду за вами, – бросил он.

– Ну, куда ехать? – спросил я Фрэнка.

– В клуб.

В Лос-Анджелесе была тысяча клубов, но Пол Глэд мог ждать только в одном. И я поехал в долину. "Дворники" пищали, как испуганные мыши. В этот час все горожане уже спешили на своих машинах по домам, но тем не менее, несмотря на интенсивное движение, автомобиль коренастого не отставал от моего "кадиллака". Когда мы проехали Шерман Оакс, я спросил:

– Вы любите девочек, Фрэнк?

Он ударил рукояткой пистолета по моему правому предплечью. Боль пронзила плечо, и на лице сразу выступил пот. Я даже подумал, что он сломал мне руку.

– Вопрос можно поставить и иначе: любят ли вас девочки?

Он снова молча ударил меня пистолетом по руке.

– Нет, наверное, ваше любимое занятие – стоять на углу и бить проходящих молотком по голове.

Он издал какие-то гортанные звуки, но бдительность его от этого не уменьшилась.

– Оставьте меня в покое, Слэгл! – выдавил он наконец. – Я знаю, чего вы добиваетесь, но это вам не поможет. Пол хочет говорить с вами.

Я бросил свои попытки вывести его из равновесия и снова уделил внимание дороге. Клуб Глэда находился среди холмов, по ту сторону Четсворта. Каменистая дорога лентой бежала вдоль глубокого ущелья.

Пол назвал свой игральный притон "Сезам". Название было выбрано неудачно, ибо дверь "Сезама" открывалась только перед богатыми людьми. Этот притон обошелся Полу огромных денег, но зато и приносил огромные доходы.

Здание клуба, встроенное в скалу, было двухэтажным. На первом этаже Пол устроил бар – роскошный и своеобразный: задняя стенка его была из природной скалы. Ниши по обеим сторонам были выполнены соответствующим образом.

На втором этаже находились помещения, где наслаждались женским обществом – разумеется, если не жалко выбросить сотню-другую долларов. У Глэда был свой лозунг, скорее, поговорка: "Если ты в состоянии позволить себе то, чего желаешь, – то здесь ты получишь все!" Сегодня для игр и для выпивки было еще довольно рано. В баре находилось всего несколько человек, среди них режиссер и продюсер, которых я знал. Оба обрадовались, увидев меня, и пригласили выпить с ними. Но в тот же момент за моей спиной кашлянул Фрэнк.

– Позднее, – пообещал я им. – Подождите меня. Я должен кое-что выяснить с Полом.

– Согласен, – кивнул режиссер. – Мы будем ждать. Как поживает Салли?

Я похлопал его по плечу.

– Она хорошеет с каждым днем. Сейчас вернусь и расскажу о ней.

Фрэнк не отставал от меня.

– Что это за человек?

– Из страхового агентства, – ответил я назидательным тоном. – Отличная специальность. Такая же спокойная, как у вдовушки. Вам бы тоже не мешало застраховать свою жизнь.

Он выдавил какое-то ругательство.

Бар, как я уже заметил, представлял собой роскошно убранную пещеру. Рядом со входом находилась касса, на заднем плане – игральные столы. За дверью, обитой медными планками, был ночной ресторан, в котором каждую ночь демонстрировалось какое-либо шоу. К нему примыкали гардеробные для девушек, и там же находилось бюро Пола.

Пол ждал меня, сидя за своим письменным столом. Кабинет казался очень строгим после всей этой роскоши в остальных помещениях. Крупная комната была облицована панелями, большой письменный стол и кожаные кресла стояли в кажущемся беспорядке.

Когда мы вошли, Пол встал. Как и всегда, на нем был синий костюм. Его холодные глаза недоброжелательно посмотрели на меня.

Но он тотчас же перешел к делу.

– Бросьте все это, Джонни! Я знаю, что вы имеете кое-что против Стива. И знаю, почему. Кроме того, я знаю, что вы уже давно ждете случая расправиться с ним. Но я вам повторяю: бросьте все это!

Я посмотрел на свою руку, обработанную Фрэнком. Она была красной и здорово вздулась.

– Какое вам дело до того, что будет с Миллетом? – спросил я.

– Он должен мне пятьдесят тысяч долларов. А если студия не продлит с ним контракта, я не получу ни цента. – Он вышел из-за письменного стола и остановился передо мной. – Вам достаточно такого ответа?

– Нет, – ответил я. – Недостаточно.

– В таком случае, вы малопонятливы.

– Я бы не сказал. Контракт со Стивом Миллетом все равно продлен не будет.

– Вы это точно знаете?

– Точно. И если вы достаточно хорошо интересовались этим вопросом, – а я уверен, что вы им интересовались, – то и вы знаете об этом не хуже меня. В этом деле уже все равно ничего нельзя притормозить или смягчить. Полиция слишком много знает. Она уже разговаривала с женщиной из дома, что стоит близ канала, кстати еще до того, как там появился я.

Судя по всему, Глэд знал, о чем я говорю. Тем не менее реакция его была неожиданной.

– О! – воскликнул он. – Вот как?

Но меня он не обманул.

Секунд пятнадцать он молча стоял передо мной. Меня даже в пот ударило. Я понял, что Глэд, несмотря ни на что, решил не бросать этого дела. Он испробует все средства, чтобы получить свои деньги.

Наконец он вынул из письменного стола чековую книжку и положил ее на подкладку из промокательной бумаги.

– Вы давно были в отпуске последний раз, Слэгл?

– К чему вы клоните? – поинтересовался я.

– Сейчас узнаете. Что вы скажете, если я вам предложу вместе с Салли сесть в машину и отдохнуть три или четыре месяца в Акапулько?

– Боюсь, что нам там покажется чертовски скучно.

– Я говорю совершенно серьезно.

– И когда мы должны уехать?

Глэд придвинул ко мне чековую книжку.

– Немедленно. Здесь десять тысяч на поездку. И такую же сумму я вышлю вам вслед.

Предложение было заманчивым. И в тот же момент перед моими глазами всплыла маленькая рыжеволосая девушка, которая под навесом в проливной дождь ждала своего Бенни. Вспомнил я и о Лауре Джин, и еще кое о чем.

– Очень жаль, но я не смогу принять вашего предложения.

– Что? Вы не хотите уехать?

– Нет.

Должно быть, за всем этим скрывалось гораздо большее, чем я предполагал до сих пор. Наверняка Пол Глэд знал о чем-то, что до сих пор ускользало от моего внимания.

– Что ж, пусть будет так, – сказал он усталым голосом. – Тогда мы поступим иначе. Фрэнк, этот человек принадлежит тебе!

Я сразу отпрыгнул в сторону, но, к сожалению, недостаточно быстро. Рукоятка пистолета Фрэнка просвистела в воздухе и чуть не оборвала мне все ухо. Удар по правому плечу хлестанул словно плеть. В тот же момент в комнату вошел второй гангстер.

Я присел на полу и потряс головой. Коренастый сказал:

– Он встретил в баре двух знакомых и сказал им, что сейчас вернется.

– Спасибо, Элмер, – кивнул Глэд.

Я поднялся на ноги и схватился за спинку стула.

– Моим знакомым не терпится пропустить рюмочку вместе со мной.

– Умный, подлец! – пробурчал Фрэнк.

– Заканчивай с ним! – приказал Пол.

Моя попытка выхватить из кобуры пистолет не удалась. Я не смог поднять правую руку. Но зато мне удалось достать Глэда кулаком левой руки. В тот же момент Фрэнк снова ударил меня пистолетом по плечу. Меня отбросило в сторону Элмера, и тот нанес мне встречный удар в подбородок. Потом схватил меня за обе руки и протащил по помещению.

Я впервые услышал искренний смех Глэда. Он смеялся буквально до колик в животе. Потом сказал:

– Скажите Мэйбл и Гвен, чтобы они занялись его друзьями. Пусть поднимутся с ними наверх, если понадобится. Через полчаса они забудут, что встретили здесь Слэгла.

Элмер оттолкнул меня, и я, спотыкаясь, сделал несколько шагов по кабинету. Я знал, что человек, работавший на Глэда, должен быть очень усердным.

И Фрэнк доказал мне это коротким ударом в челюсть. У меня отрубилось зрение, и я даже не почувствовал, как очутился на полу.

Глава 10

Помещение, где я лежал, было маленьким и скромно обставленным, видимо, спальня какого-то служащего. С трудом поднявшись на ноги, я обследовал зарешеченное окно. С дверью мне тоже не повезло – она была из толстого дерева и заперта на замок. В углу я обнаружил рукомоиник. Пустив горячую воду насколько это возможно, я смыл кровь с лица и волос, после чего снова уселся на кровать.

Судя по всему, Глэд не осмелится меня убить. По таким высоким ставкам он не играл, если дело можно решить другим путем. Ему нужно было выиграть время. Мои расследования испугали лошадь, которую Глэд запряг в коляску Стива Миллета. Пол Глэд был гангстером, и не маленьким, по мелочам не разбрасывался. Значит, в нашем деле речь шла о деньгах, и немалых. Видимо, во второй половине дня Пол звонил Стиву Миллету в Лас-Вегас.

Перед тем как уйти из маленького ресторана, перед которым меня поймали Фрэнк с Элмером, я сунул в карман вечерний выпуск газеты. Он и сейчас был при мне – скомканный, но невредимый. Я вынул его и прочел статью еще раз.

Два года назад, когда Бесси Чарльз было еще пятнадцать лет, Стив Миллет смог обнаружить в ней актерские таланты. И, снимаясь на ее родине в фильме "Индийская территория", он пригласил девушку приехать в Голливуд. Двенадцать месяцев назад она последовала его приглашению. Один из кинососсов изменил ее имя на Шерри Гембл. Кроме маленьких ролей в массовках ей пока что не удалось ничего добиться. Но Шерри Гембл была довольна тем, что может учиться актерскому искусству под крылышком Стива Миллета. Несомненно – так говорилось в статье – в скором времени Стив Миллет настоит, чтобы его молодой жене дали ответственную роль.

Все это было написано одним человеком. На другой странице уже пошли досужие наблюдения, касающиеся последнего брака Стива Миллета. Так Шерри называлась простой искренней малюткой, а также подчеркивалось, что она работала продавщицей на одном из рынков. И вот тогда-то Миллет и обратил внимание на ее красоту.

Я нашел сигарету и закурил. С наслаждением затянулся.

Внезапно в замке повернулся ключ, и вошел Элмер. Я автоматически схватился за кобуру. Пустая. К Элмеру у меня было такое же отношение, как и к Фрэнку, но его все-таки можно было назвать нормальным убийцей.

Гангстер без садистских наклонностей. Он был маленьким и коренастым, а его густые черные волосы блестели от помады.

Элмер закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

– Пол выражает беспокойство по вашему поводу, – сказал он. – Он не хотел вас избивать. Почему бы вам действительно не взять деньги и не исчезнуть на какое-то время?

Я прислушался к ритмам джазовой музыки, доносившимся издалека и доказывавшим, что стенки этого помещения были практически звуконепроницаемыми.

– Пол прислал вас ко мне только за этим?

– Да. Если бы я был здесь хозяином, я бы вас просто-напросто убил. Закопал бы куда-нибудь поглубже – и дело с концом.

– Это решило бы только вашу проблему. Но ведь все равно осталась та женщина, которая слышала в ночи два крика. Когда Стив возвращается?

– Завтра вечером, – быстро ответил Элмер. Он заметил свой промах и кинулся ко мне. Его кулак обошелся со мной очень неделикатно. – Верно сказал Фрэнк: вам палец в рот не клади. Теперь вы узнали, что Пол звонил Миллету.

Он нагнулся надо мной и снова занес кулак, уверенный, что я совсем уже обессилел. Я откатился назад, как бы уклоняясь от удара, и врезал ему обоими кулаками поддых.

Его глаза округлились от боли. Он раскрыл рот и жадно схватил воздух. А потом упал на бок, сильно стукнувшись головой об угол кровати.

В следующий момент я сидел на нем верхом и ребром ладони по шее добил его. Он вытянул все свои конечности и застонал. Я схватил его за отворот куртки и приподнял.

– Ну что, может, потанцуем? – И вонзил свой кулак в его подбородок. Теперь он остался лежать без движения, как пустой мешок.

В правом кармане его куртки торчал револьвер. Мой револьвер, и я сунул его в свою кобуру, потом взял пальто и шляпу.

Комната находилась над рестораном, на длинной галерее. Почти все столики были заняты, должно быть, шел десятый час. Кое-кого из посетителей я знал. Был среди них и Пол Глэд. Он стоял перед столиком кинорепортера Гленды Глорис и учтиво улыбался, слушая ее. Некоторые называют Гленду "Святой королевой Голливуда". Но я-то кое-что о ней знал.

Переложив револьвер в карман пальто, я спустился к подножию лестницы и остановился, чтобы пропустить группу подвыпивших людей, спешивших в игорный зал. После этого я направился к столику Гленды Глорис.

Глэд открыл было рот, но сразу же снова закрыл его.

– Хэлло, Джонни! – с улыбкой приветствовала меня Гленда. – Я тут слышала и читала, что Миллет снова заключил брачный союз.

– Кажется, так оно и есть, – кивнул я.

– Все, что угодно, но только не это, – продолжала Гленда. – Кому-то другому он еще и мог бы что-нибудь дать, но только не этому бедному и глупому ребенку. Сегодня днем я разговаривала с Саулом. Он сказал, что Стив – погибший человек.

– Я тоже это слышал.

Ее умные глаза немножко прищурились.

– Вы, видимо, знаете что-нибудь новенькое об этом несчастном случае, а, Джонни?

Я взглянул на Глэда и ответил:

– Пока нет, Гленда. Но к завтрашнему утру новости, наверное, будут. Я даже уверен, что они будут. Впрочем, когда что-нибудь узнаю, дам вам знать.

Она погладила мою руку.

– Очень мило с вашей стороны, Джонни. Но у вас такой вид, будто вы попали в аварию. Что с вашей рубашкой?

Я взглянул на рубашку: она была в пятнах крови.

– Должно быть, это от знаменитых бифштексов Пола. Мясо брызнуло, когда я хотел его надрезать.

Гленда рассмеялась, а Пол не счел мои слова забавными.

– Я могу с вами минутку поговорить, Джонни? – сухо спросил он.

Я покачал головой.

– Только не сейчас. Нам, конечно, есть что сказать друг другу, но время еще терпит. Я заранее радуюсь нашему разговору.

Его глаза пытались просверлить мне дырки в спине, когда я пересекал ресторан и входил в игорный зал. Ну а там я не задержался. Пройдя бар, вышел на площадку для машин, и меня никто не пытался задержать. Вероятно, дежурные на стоянке не получили еще никаких указаний. Судя по всему, Пол Глэд счел это излишним.

Я сунул юноше, открывшему мне дверцу машины, доллар и покинул "Сезам" с той поспешностью, на которую был сейчас способен. Но тем не менее я не прозевал машину, которая выехала со стоянки секунд десять спустя и так же, как и я, свернула в сторону Каньон-Хайвей. Разумеется, это мог быть кто-то из посетителей. Но не исключались и гангстеры Глэда, которые решили вернуть меня назад.

Дорога была мокрой и скользкой. Я развил предельную скорость, возможную на такой дороге. За обочиной мрачно чернел глубокий каньон. Уж лучше вернуться в объятия Пола, чем угодить в пропасть.

Огни преследовавшей меня машины медленно приближались.

Чтобы удостовериться в погоне, я свернул в маленькую, усыпанную гравием улочку, словно змея извивавшуюся в горах около двух миль. В конце, примерно в миле от Талсола, она снова вливалась в шоссе.

Мокрый гравий с шумом хлестнул из-под колес, когда я свернул на эту дорогу. Машина позади тоже свернула, не снижая скорости. Я нажал на газ, надеясь, что навстречу не попадет ни одна машина. Фары преследовавшей машины не исчезали из зеркальца заднего обзора. И я отвернул дальше. Вот – головокружительный поворот, резкий свет позади меня исчез, но через секунду снова вспыхнул.

Я уже сожалел, что свернул сюда: нельзя было снижать темпа. Следовало вновь вернуться на шоссе, до того как преследователи догонят меня. Я вспомнил слова Элмера о том, что, будь его воля, он просто убил бы меня и закопал где-нибудь поглубже. Поэтому, если они догонят меня на этой горной дороге, Салли никогда не узнает, что со мной стряслось и куда я

исчез.

Следующий поворот я преодолел по большой дуге. Я даже задержал дыхание, когда колеса было забуксовали на гравии. Но нет, все обошлось благополучно, и я мчался к следующему повороту.

Моя машина оказалась ярдах в двадцати от поворота, когда передо мной вспыхнула пара матовых фар, и как раз вовремя, ибо я срезал бы и очередной поворот.

Это был старенький "комби" какого-то фермера. Я промчался стрелой мимо него и стал ждать грохота, который должен последовать, если "комби" столкнется с моими преследователями. Но ждал я напрасно. Кто бы там ни сидел за рулем, но водил он прекрасно.

А я тем временем вновь увидел шоссе. На нем было относительно оживленно. Когда мой "кадиллак", скрипя шинами, вывернул на широкую дорогу, я заметил в сотне ярдов впереди тяжелый грузовик, с грохотом спускавшийся по холму, старательно тормозя двигателем. Я обошел его на бешеной скорости и так близко, что чуть не сорвал лак с крыла. Мне невольно помог водитель, ехавший навстречу: ему пришлось спасаться в кукурузном поле, что тянулось вдоль дороги.

Я выжал акселератор до упора и посмотрел в зеркальце заднего обзора.

Стрелка спидометра добралась до 160, когда рядом с грузовиком появились хорошо знакомые мне огни фар. Но я оторвался уже ярдов на четыреста и передо мной простиралась долина с развилками дорог.

Я выключил фары, снял ногу с акселератора и завел "кадиллак" под крышу бывшей бензоколонки. Машина со скрежетом остановилась в шести ярдах от дороги. Я опустил стекло и вытащил револьвер. Теперь был готов встретить их.

Их машина пролетела мимо бензоколонки, сильно сбавив скорость. Я увидел в салоне трех человек. Одним из них был Фрэнк. Меня они не заметили. Ярдах в пятидесяти, перед развилкой, они остановились.

Я должен был сделать четыре выстрела, прежде чем попал в заднюю покрывку. Пятый выстрел предназначался для бензобака, и я надеялся, что он там и оказался.

Не зажигая фар, я выехал из-под крыши бензоколонки и перед самым носом грузовика промчался мимо замершей машины. Клаксоном я пожелал трем гангстерам спокойной ночи и был рад, что они не ответили мне градом пуль. Впрочем, они практически и не рискнули это сделать, так как моя машина промчалась мимо них почти вровень с грузовиком.

Я задумался. Если навестить лейтенанта Кинли в его участке, расположенном в долине, будет ли это иметь смысл? Я хотел предложить Кинли взять еще один ордер – на арест Миллета.

Полиция, видимо, думала, что здесь имеет место несчастный случай, но Пол Глэд быстрее сообразил, что к чему.

Глэд знал, что на самом деле произошло убийство! И если Миллет не сам сообщил ему об этом – да и зачем ему было сообщать об этом Полу, – то оставался только один источник информации. Кто-то из людей Пола надел форму полицейского и узнал от миссис Докерти, что девушка кричала два раза. С промежутком в полминуты.

Лишь одно теперь не давало мне покоя: деньги! Где они находились? И кто ими владел?

Я думал, что Джоан снимает квартиру, но когда я поехал по данному ей адресу, я увидел

прелестное белое бунгало, стоявшее в тупике, окруженное зеленью. Жалюзи Джоан опустила, но я тем не менее смог увидеть, что в передней и гостиной горел свет.

Я остановился, проехав пару домов, и, выключив огни, проверил револьвер.

Отсюда бунгало было не видно. Тогда я развернулся и со скоростью улитки проехал еще раз мимо, с опущенными стеклами. Ничего подозрительного. Лишь музыка, передаваемая по радио, донеслась до моего слуха. Я снова развернулся и остановился на прежнем месте. После этого вышел под дождь.

Желтый кабриолет Джоан стоял в воротах. Я закурил, осмотрел ее машину и прислушался.

Потом бросил сигарету на газон и позвонил. Не успел я нажать кнопку звонка, как дверь сразу распахнулась. Передо мной стояла Джоан.

– Хэлло, Джонни! Я знала, что ты придешь!

Она была в чулках и без туфель, в платье цвета морской волны, в руке держала бокал, наполненный наполовину. На губах – радостная улыбка.

Она была прекрасна, она была в хорошем настроении и немножко пьяна.

Глава 11

– Мне можно войти? – спросил я. – Или остаться на пороге?

– Ну, конечно, входи, дорогой!

Я протиснулся мимо нее и дверь закрыл ногой.

– Старый бродяга! – ласково пожурила она меня. Ее глаза были затуманены алкоголем, и пухлая нижняя губа выпячивалась больше обычного. Но это делало ее очень привлекательной.

– Ну, – сказал я. – Теперь ты можешь мне рассказать все, что хотела.

Джоан все стояла в дверях и смотрела на меня. Она провела кончиком языка по верхней губе.

– Где ты был?

– В "Сезаме".

– Зачем?

– Пол задолжал мне порцию виски.

Она повернулась и прошла в гостиную. Платье билось у ее стройных ног, и материал не мог скрыть ее красивых бедер. Она шла большими неторопливыми шагами впереди меня, едва заметно покачиваясь. Ее походка была почти эротическим танцем.

Проходя мимо радио, Джоан выключила его. Потом она прошла мимо камина, имитированного под мрамор, и поставила бокал на стол возле белой низкой кушетки. И снова посмотрела на меня. Платье ее поддерживалось лишь единственной пуговицей и

матерчатым кушаком.

Наконец она прошла по всей комнате и выключила все огни. Я не шевелился. Наконец щелкнул последний выключатель, и по комнате разлился слабый, приглушенный свет, исходящий из скрытых ламп.

– Ты сама до этого додумалась? – спросил я.

– Мило, не правда ли? Интересный контраст. Ты, весь мокрый, со шляпой на голове, с выдвинутым вперед подбородком, – и вдруг этот мягкий свет.

– Не мягкий, а греховный, – буркнул я.

– Может, и так. – Она мягко, словно кошка, подкралась ко мне, сняла шляпу и провела рукой по моим волосам, как часто делала когда-то. Потом отбросила шляпу, и та улетела в камин, приземлившись на полене из папье-маше. Джоан улыбнулась. Духи ее были не знакомы, но приятны.

– Послушай, – начал я, – мы же хотели поговорить.

– Давай свое пальто, дорогой! – Она начала стягивать верхнюю одежду, но вместе с пальто стащила мокрую куртку. Посмотрела на кожаную кобуру.

– О, у него даже есть пистолет!

Я решил подчиниться обстоятельствам. Пальто и куртка остались в руках Джоан. Она бросила их к стене, где они и остались лежать печальной и мокрой кучей.

– Вот и отлично! Что будешь пить?

– Виски, – ответил я. – Чистое.

Она прошла к маленькому угловому бару и наполнила рюмку до краев. Довольно большую. Пригубила из нее и сказала:

– Как раз то, что нужно.

После этого она принесла ее мне.

– Так что ты мне хотела сказать, Джоан?

– Сигарету? – Она открыла серебряный портсигар. Сигареты как раз того сорта, какие я курил. Я взял одну, Джоан поднесла мне серебряную зажигалку и щелкнула ею. Выпорхнуло маленькое пламя.

– После того как ты подготовила меня к празднику, что будет дальше?

– Сам праздник, – улыбнулась она. – Садись.

Я уселся в красное пластиковое кресло, напротив белой кушетки. Она снова улыбнулась, и я улыбнулся в ответ. Джоан взяла свою рюмку, прошла к бару и наполнила ее виски. Я знал, что она все время о чем-то напряженно думает. Что же не давало ей покоя?

Повернулась и посмотрела на меня, медленно приблизилась. Платье немного распахнулось. Остановилась передо мной с рюмкой в руке.

– Джоан, – я почти умолял ее, – что ты мне хотела сказать?

Она подошла еще ближе, пока ее ноги не коснулись моих колен. Я поднял глаза, она с улыбкой смотрела мне в лицо. Потом она отпила большой глоток, повернулась и упала на кушетку. Платье распахнулось именно так, как оно обычно распахивается у красивых женщин. Джоан посмотрела на себя и хихикнула.

– Черт тебя подери! – разозлился я. Большой глоток виски, который я вынужден был сделать, заставил меня закашляться. Я сполз с кресла на пол и уставился на Джоан.

– Что с тобой? – спросила она. – У тебя такой вид, словно тебя били.

– Мать била, – ответил я. – Ей не нравятся девушки, с которыми я общаюсь.

– О-о! – она поднялась и запахнула свое платье. – Ах, это проклятое платье! – Она поспешила из комнаты и вскоре появилась в узкой желтой юбке. Вокруг груди был повязан желто-зеленый платок. Снова уселась на кушетке и закинула ногу за ногу.

– Все это очень мило, – мрачно сказал я. – Но ты обещала поговорить со мной по важному делу. Так как же?

Она, прищурившись, посмотрела на меня.

– Разве я обещала? – И осторожно кончиком языка провела по своим красным губам.

– Обещала... – Я не мог оторвать от нее глаз.

– В чем же заключалось мое обещание? Ах, да! Ты должен немедленно исчезнуть из города.

– Это что, шутка? Почему это я вдруг должен исчезнуть?

Джоан попыталась приподняться, но упала на кушетку, снова попробовала и, наконец, покачиваясь, направилась к бару. Налила в рюмку виски и бросила на меня через плечо пьяный взгляд. Потом стала настраивать приемник, до тех пор пока комната не наполнилась приглушенными звуками танцевальной музыки.

Следующую остановку она сделала на подлокотнике моего кресла: села и прислонилась ко мне. Я почувствовал тепло ее тела. Ее виски плеснулось мне на брюки.

– Какая я неловкая! – Она попыталась стереть пятно. Я схватил ее за руку, оттолкнул от себя и пересел на кушетку. Наверное, она что-то знает и должна мне об этом рассказать. Но по всему выходило, что я должен заработать эту информацию.

– Почему же я должен исчезнуть? – спросил я сдавленным голосом.

– Разве я так сказала?

– Да.

– Тогда, значит, должен. – Она закусила нижнюю губу. – И немедленно, Джонни! Не теряй времени! – В ее пьяных глазах появился страх. Она соскользнула в кресло, оставив ноги на подлокотниках. Остатки виски на этот раз поглотил ковер. Она бросила пустую рюмку в камин – осколки разлетелись до середины комнаты.

Она тут же перешла на кушетку и села рядом со мной, горя от желания. Я запустил свои пальцы в ее волосы, и губы наши слились в поцелуе. Ее ногти впились мне в спину, но я оттолкнул ее и поднялся так же, как и она.

Я хотел что-то сказать, но не смог. Прошелся по комнате и остановился перед дверью в спальню.

– Я тебе еще нравлюсь, – простонала Джоан. – Ты ведь всегда доводил меня до исступления.
– Ее глаза блестели. – Ты хочешь меня, Джонни?

Я не ответил. Быстрым движением она рванула молнию на своей юбке, и та с шелестом упала на пол. Джоан перешагнула через нее. Каждое ее движение было рассчитано. А я уставился на нее и не мог оторвать взгляда, думая при этом о Салли.

Джоан была второй струной в скрипке Пола Глэда. Теперь я это знал точно. И она получила четкое задание. Глэд заплатил ей, чтобы она запугала меня, и я убрался из города. Но почему для него было так важно мое отсутствие в Лос-Анджелесе? Джоан вряд ли скажет. Она просто могла этого не знать.

– Нет, ты меня хочешь, Джонни! – Джоан смотрела теперь умоляющими глазами.

– Ты пьяна, Джоан! – сказал я.

– Разве? – Ее веки были тяжелыми и полузакрытыми, но не от усталости.

– Выпьем еще что-нибудь?

– Я не хочу пить, я хочу тебя... – Она подошла ко мне – обнаженная, стройная, благоухающая.

Я отступил на шаг и натолкнулся на кушетку. Джоан кинулась на меня, и я почувствовал у себя на груди ее гибкое тело.

Она запустила пальцы в мои волосы и прижала свои влажные губы к моим. Это было как во сне, как грохот скорого поезда в длинном туннеле. Время потеряло свое значение. Я держал Джоан в своих объятиях и беспрепятственно позволял ей насыщаться...

Потом я почувствовал какое-то дуновение свежего воздуха, словно открылись окно или дверь. В комнате появился еще кто-то.

Я попытался освободиться от Джоан, но ее руки крепко держали мою голову. А лицо было прижато к моему.

Я снова попытался приподняться, но Джоан не отпускала моих волос. На миг мне показалось, что в ее взгляде поверх моего лица мелькнул ужас. В этот момент на нее упал какой-то тяжелый предмет. Джоан сразу выпустила меня. Я, ничего еще не соображая, выбрался из-под нее, тоже получил сильный удар по голове и рухнул в глубокую пропасть.

Глава 12

Когда я пришел в себя, утренний свет рванул в глаза, словно бомба. Было холодно, и я понял, что лежу под дождем. Над собой я увидел крышу бунгало Джоан. Одним глазом я посмотрел на низкий заборчик перед бунгало, а другим – на холодный и твердый предмет.

Какое-то время я пытался привести в порядок свои мысли. Казалось, будто я просыпаюсь после долгого запоя. Должно быть, я действительно долго находился в беспамятстве.

Твердый предмет, лежащий под моей щекой, был револьвер. Мой револьвер. Я хотел было взять его, но раздумал. До тех пор пока я не узнаю, что произошло, лучше не дотрагиваться до оружия.

Я поднялся и прислонился к стене дома. И сразу тысячи иголок впились в мою голову. Вспомнил слова, аромат, страстный напор женского тела... Сколько времени прошло с тех пор?

Этого я не знал. Мои часы показывали половину седьмого. Через несколько минут мокрые от дождя улицы должны проснуться.

Было холодно. Я застегнул рубашку, затянул пояс, чувствуя еще на себе жадные руки Джоан. Все это, конечно, было дешевой игрой: такие сцены разыгрываются в каждом второсортном фильме, разумеется, кроме тех, которые не пропустила цензура. Эта маленькая тварь хотела поймать меня в ловушку. Правда, она отдалась мне, а это уже неплохо.

Появился маленький разносчик газет. Он сунул утренний выпуск в почтовый ящик, который висел на воротах. В доме напротив зазвенел будильник. Где-то заплакал ребенок.

Я сидел на земле и смотрел на револьвер. Прошло достаточно времени, прежде чем я оторвал взгляд от оружия. Сейчас оно выглядело опасным. Наконец я с трудом поднялся и вошел в дом через широко распахнутые двери.

В гостиной царил полный беспорядок. Должно быть, здесь кто-то здорово позабавился. Я достал из бара бутылку виски и наполнил бокал наполовину. Виски быстро согрело меня.

Я немножко выждал, а потом быстро выскочил наружу и забрал свой пистолет. Оказывается, им пользовались – не хватало двух пуль. Вернувшись в гостиную, я бросил револьвер на стул и огляделся в поисках Джоан.

Я увидел ее в спальне. Она лежала на кровати, одеяло и простыни свисали на пол. Постель имела такой вид, будто на ней матадор сражался с быком.

Я налил себе виски в ладонь и вытер затылок. Алкоголь растворил запекшуюся кровь, и шея моя загорелась огнем. Но стало легче.

Джоан лежала на спине. Волосы ее были взлохмачены, а тело – как пишут в газетных отчетах – окоченевшим. Я дотронулся до ее руки: Джоан была мертва и уже остыла. Перед смертью ее жестоко избили. Но умерла она не от побоев – под левой грудью я увидел две маленькие бурые дырочки. Постельное белье было в мокрых пятнах.

Я смотрел, а в голове моей все смешалось. На маленьком столике перед кроватью стояли пустая бутылка и два бокала. Другая, недопитая бутылка, валялась на полу.

Итак, пьяная оргия, закончившаяся убийством. Когда я служил в полиции, мне частенько приходилось расследовать подобные случаи.

Я вернулся в гостиную. Одежда Джоан находилась там же, где она и раздевалась, то есть была разбросана по всей комнате. Приемник был выключен, но мягкий свет все еще горел. Поэтому комната показалась мне декорациями для съемки – прожекторы, звук камеры, первый дубль, второй...

Я снова налил виски и присел на подлокотник кресла, пытаюсь не думать о Салли. Ее это здорово расстроит. Почему же все это произошло? Где мое благоразумие? Ведь предостережений было больше, чем достаточно. Еще в придорожном ресторане я должен был понять, что Джоан выдала первый диалог к драме:

– НУ, КАКОЙ КОМПЛИМЕНТ Я МОГУ ОЖИДАТЬ?

– НЕ ПРОСТУДИ НОГИ.

– У МЕНЯ ОЧЕНЬ ГОРЯЧАЯ КРОВЬ.

Кто был нашим режиссером? Ибо ведь не комедию она разыгрывала передо мной: ее беспокойство было подлинным.

Я вернулся в спальню. Даже мертвая она была красивой. Мне нужно было бы ненавидеть Джоан, но это было выше моих сил. Я жалел ее, рабыню моих чувств. В момент просветления, когда алкоголь еще не одержал верх над ней, она все-таки успела меня предостеречь.

Казалось просто невероятным, что человек, из которого жизнь была через край, может вот так внезапно умереть. Ее белые руки были раскинуты, словно приглашая в объятия, пухлые губы полуоткрыты в страстном ожидании любви. Любви от последнего и самого верного любовника – смерти.

Перед домом затормозила машина, и я сразу запаниковал. Подкравшись к окну, я посмотрел в щелочку сквозь жалюзи. Там стояла патрульная полицейская машина. Из нее вышли двое молодых полицейских, неторопливых, хмурых и недовольных, видимо, из-за дождя.

Насколько я понял, приехали они по обычному вызову. Кто-то из соседей, кому не спится по ночам – а может быть, и молочник, – позвонил в полицию и сообщил, что на их улице валяется пьяный. А молодые полицейские, вероятно, не знали, что Джоан когда-то была замужем за Стивом Миллетом. Да им это и вовсе ни к чему.

Я бросился в гостиную, накинул на себя мокрую куртку и затвердевший от сырости плащ. Шляпу я вытащил из камина, порезавшись при этом о разбитое стекло.

Шаги приблизились. Я поспешил на кухню и облегченно вздохнул, увидев, что дверь черного хода открыта.

– Огонь горит, – раздался голос одного из полицейских. – Но перед домом я не вижу никакого пьяного.

– Позвони, – предложил его коллега.

Я перемахнул через веранду и, лишь когда миновал пять домов, вспомнил о револьвере. Он валялся на стуле и в списках значился за мной. Но даже если бы я не оставил там оружия, все равно был бы подозреваемым номер один. Бунгало сплошь усеяли отпечатки моих пальцев. С таким же успехом я мог бы расписаться на стене кровью.

Наконец я решился выйти на улицу. Один из полицейских как раз садился в патрульную машину, видимо, для того чтобы сообщить о трупе. Через пять или, самое позднее, десять минут сюда примчится с полдюжины машин. Осмотрят револьвер и созвонятся с кем нужно. Группа экспертов тоже примется за отпечатки пальцев, и часа через два начнутся розыски Джонни Слэгла.

Я быстро, но так, чтобы не вызвать подозрений, добрался до своей машины и поехал к себе в контору. В раннем утреннем свете моя контора показалась печальной и заброшенной. В зеркале над умывальником я увидел человека, который срочно нуждался в бритве. Но еще скорее мне следовало найти убежище.

А ведь все это началось со звонка Миллета в четыре часа утра. Миллет! Проклятая собака! Пока он развлекался в теплой постели со своей очередной женой, я доигрался до того, что меня будут разыскивать по подозрению в убийстве!

Необходимо ехать домой и все объяснить Салли. Объяснить все, что касалось женского трупа. Объяснить свое пробуждение перед домом Джоан. И еще очень многое: труп на

кровати, разбросанная одежда, револьвер без двух пуль.

В шкафчике над умывальником я нашел бритву и крем для бритья, быстро вымылся и побрился. Следы губной помады исчезли вместе с моей растительностью. Я все еще оставался Джонни Слэглom, великолепным и жестким Джонни Слэглom, который бросил свою работу в полиции и перешел на работу, связанную с частным расследованием, потому что поддался мечте. Мечте по имени Салли...

Я мог бы уже быть с ней где-нибудь в Сан-Диего. Предложение Пола Глэда ведь было совершенно серьезным. Достаточно только протянуть руку и взять чек – больше ничего не требовалось.

Я вытерся полотенцем и швырнул его в угол. Салли должна узнать обо всем от меня, а не из газет.

Пол хотел, чтобы я исчез из города, и заплатил Джоан, чтобы она уговорила меня сделать это. Но Джоан слишком много выпила, не справилась со своей задачей, и это, должно быть, привело Пола в бешенство. Возможно, также, что Джоан знала еще о чем-то. И могла мне об этом сказать, если бы я был предупредительнее по отношению к ней. Но теперь уже поздно гадать: что было бы, если бы... Джоан мертва, а полиция придет к выводу, что ее убийцей является Джонни Слэгл. Кто-то играл в очень серьезную игру. Чертовски серьезную.

Несмотря на то что дом наш находился высоко на холмах, моя поездка на машине была подобна поездке на корабле по морю. Я проплыл на своем "кадиллаке" через море воды прямо в гараж и остановился рядом с машиной Салли. Ее синий "форд" был на пять лет старше моего "кадиллака", но теперь мне придется воспользоваться им. Как только полиция объявит о моем розыске, каждый постовой будет приглядываться к серым "кадиллакам".

– Джонни!

Это была Салли. Она стояла в дверях гаража по щиколотку в воде. В пижаме и халате она выглядела такой же молодой, как и Шерри Гембл.

Я вылез из своей машины.

– Хэлло, малютка!

– Все закончено? – поинтересовалась она.

– Если бы так... – Я взял ее под руку и пошел в кухню.

– У меня все ноги мокрые, – сказала она.

Салли сбросила туфли и обтерла ноги полотенцем. Ножки ее были как у куколки. Но под глазами я увидел темные круги. Судя по всему, она не спала. Ее густые светлые волосы были стянуты на затылке. Я обнял ее, и мы поцеловались. Я давно ждал этого, сам того не подозревая. Неприятное жжение в желудке исчезло – Салли наверняка поймет меня.

– Я приготовлю завтрак! – сказала она.

– Не надо.

– Ты снова уезжаешь? – В ее голосе промелькнуло беспокойство.

– Так надо, дорогая.

– Что ж, раз ты так говоришь, значит, действительно надо.

– Но сначала я должен тебе кое-что рассказать. А потом ты можешь приготовить кофе.

Она испуганно посмотрела на меня.

– Что случилось, Джонни?

Каким образом можно рассказать женщине о страшных вещах и при этом не испугать ее? Каким образом помочь ей преодолеть страх? Как в спокойных тонах рассказать об убийстве, в котором ты невиновен?

Она пощупала мою куртку.

– Ты же весь мокрый. Все промокло насквозь.

– У меня неприятности, – сказал я.

– Я знаю, – кивнула Салли. – Это сразу видно по твоему лицу. Ты что, убил Стива Миллета?

– Нет.

Она сложила руки на коленях и выжидательно посмотрела на меня.

Я начал рассказывать. Рассказ получился сухой и беспощадный. Я не упустил ни малейшей подробности.

– Поэтому я не могу оставаться здесь. Самое позднее через полчаса они приедут.

– О, боже ты мой! – простонала она и закрыла лицо руками. Потом вдруг подняла голову и сказала сухо: – Ты еще успеешь принять горячий душ и надеть теплую одежду. Или ты собираешься получить воспаление легких?

Она думала только обо мне.

Я положил руку ей на плечо и поцеловал ее.

– Я люблю тебя, Салли.

– Я люблю тебя, Джонни.

Ее тело, которое я так хорошо знал и которое все также волновало меня и всякий раз казалось новым, плотно прижалось к моему мокрому пальто.

– Я понимаю тебя, – прошептала Салли. – Хотя мне все это не нравится. Но я понимаю, что сейчас не найти тех слов, которые могли бы тебя заставить отказаться от задуманного.

– Ты права, – рассеянно кивнул я.

– Ты – твердолобый, и я боюсь за тебя, Джонни. Ты не успокоишься, пока с тобой что-нибудь не случится. Но я люблю тебя, такого твердолобого!

– Спасибо, Салли.

Она поцеловала меня в кончик носа.

– А сейчас ты должен что-нибудь поесть. Или хотя бы выпить чашку кофе. Прими очень горячий душ и надень сухую одежду.

Душ и сухая одежда сделали меня совершенно другим человеком. У меня было только два пальто, но Салли успела высушить и выгладить второе. Я надел его и прошел на кухню.

Салли поставила на стол кофе, яйца всмятку, ветчину и четыре тоста. Я ел, стоя, прислушиваясь к тому, что происходит на улице.

– У тебя есть револьвер?

Я кивнул.

– А сигареты?

Вот в этом я не был уверен. Салли сунула мне в карман пальто три пачки. Когда моя тарелка опустела, зазвонил телефон – громко и настойчиво.

Тарелка упала на стол так неудачно, что разлетелась на кусочки.

– Это уже они. – Я направился к двери черного хода. – Ты знаешь, что им сказать, дорогая?

– Знаю.

– Не забудь запереть дверь гаража.

– Не забуду. – Она с трудом боролась со слезами. Глаза ее были слишком большими, а улыбка – явно искусственной. Мы расстались между домом и гаражом. Звонok телефона проникал даже сюда. Когда я сел в машину, ноги мои опять промокли.

Саул Блисс, должно быть, здорово радовался.

Глава 13

Вскоре я начал сожалеть, что воспользовался машиной Салли. Поскольку я постоянно ездил на "кадиллаке", старый маленький "форд", казалось, имел не мотор, а нечто вроде кофейной мельницы. К тому же по приемнику Салли я не мог слышать полицейского радио.

Я попытался разработать определенный план. При этом думал о Джоан, Лауре Джин и Шерри Гембл. Вспомнил я и о Таддеусе Джонсе, старом джентльмене, самом плохом флейтисте на свете. Если миссис Эдвардс не смогла составить ему сейчас компанию, то он сидит один-одинешенек на Сартилло-авеню, и только воспоминания могут составить ему компанию. Теперь я знал, почему должна была погибнуть Лаура Джин. Но почему пытались убить и старого джентльмена, мне было неясно. Три покушения! Каким же образом мистер Джонс вписывался в эту историю?

Порой голова моя казалась мне совершенно пустой. И я забывал включать сцепление, думая, что сижу в своем "кадиллаке", снабженном автоматикой. Только что я чуть не выключил мотор, когда на перекрестке зажегся зеленый свет. Две патрульные машины проехали мимо меня, но я сидел в стареньком "форде", который ничем не выделялся в потоке других машин. Лос-Анджелес уже проснулся и принимался за трудовую деятельность.

Я заехал в Юниверсэл-сити и остановился на свободном месте перед аптекой, неподалеку от ворот студии. Судя по всему, здесь снимали какой-то вестерн. Стулья в баре были заняты ковбоями и девушками времен Дикого Запада – все они были очень милые и симпатичные. Но никто из них не вызвал во мне настоящую веру в то, что они действительно были с Дикого Запада.

Вот тот ковбой, которого я встретил на канале, – другое дело!

Одна из девушек знала меня.

– Как поживает Салли, Джонни?

Я ответил ей, что Салли поживает хорошо и чувствует себя прекрасно, и прошел в глубину к телефонным будкам. Насильственная смерть Джоан Уорнер и "тяжкие нарушения" против моей личности еще не были известны широкой общественности. Я позвонил домой и спросил Салли:

– Они были?

– Конечно.

– Ну и.?.. Они считают, что я виноват во всем?

– Да.

– Хорошо. Только не беспокойся.

– Стараюсь.

Я повесил трубку. Возможно, мой телефон уже прослушивается. И если дело дойдет до суда, то не надо было подключать сюда и Салли. Я набрал номер телефона Джоан Уорнер.

Ответил женский голос:

– Слушаю!

– Я знаю, что еще очень рано, но, может быть, я тем не менее могу поговорить с мисс Уорнер?

– Это очень важно?

– Очень.

– А кто у телефона?

– Скажите ей, просто Джонни.

– Подождите минуточку, – ответила она. Потом было слышно, как женщина говорит с кем-то в комнате. Значит, это полиция.

"Я думаю, Слэш", – услышал я.

Неясно послышался голос Кинли:

– Что?

Но к телефону подошел лейтенант Грин.

– Слушаю! Это кто говорит?

– А в чем, собственно, дело? – спросил я. – Где Джоан? И кто вы такой?

– Я – лейтенант Грин из уголовной полиции.

Я сделал вид, будто удивлен.

– А что вы делаете у Джоан, лейтенант? С вами говорит Джонни Слэгл. Там что-нибудь

случилось?

– Вы разве не знаете?

– Нет.

– Бросьте комедию, Слэгл, – холодно парировал он. – На этом вы далеко не уедете. Весь этот дом буквально пропах вами. Что вы здесь делали? Намазали пальцы маслом и заляпали ими все стены?

Я закурил. Дым показался мне каким-то едким в тесноте телефонной будки.

– Хорошо, я там был. И я вам сейчас все расскажу до самых мельчайших подробностей. Все, что знаю...

И я действительно рассказал, но не все, а лишь то, что он должен был знать в данный момент. Рассказал о двух криках, которые слышала миссис Доккerti. Лейтенант Грин услышал также о тайном договоре, заключенном между Саулом Блиссом и Стивом Миллетом. Потом о моей встрече с Джоан в "Кукушке" – это тоже легко проверить. Я рассказал, как Джоан умоляла меня уехать из города и, будучи пьяной, все время льнула ко мне, пока кто-то не оглушил меня каким-то твердым предметом.

– И я должен поверить во все эти басни? – спросил Грин.

– Все это – чистая правда.

– Другими словами, вы хотите сказать, что вас заманили в ловушку?

– В детективном фильме это именно так и называется.

Он явно пытался удержать меня у телефона.

– Почему бы вам не приехать сюда, Джонни? Мы бы спокойно все обсудили?

– Обсуждать больше нечего. Я рассказал вам все, что знаю.

– Надеюсь, вам известно, что мы вас разыскиваем?

– Да.

– Бегство не принесет вам ничего, кроме пули.

– Это я знаю.

– Подождите, с вами хочет говорить Эл Кинли.

– Передайте ему от меня привет!

С этими словами я повесил трубку.

Когда сюда прибудет патрульная машина, будет зависеть от того, сколько времени понадобилось Элу Кинли или той женщине, чтобы установить, с какого аппарата я говорил, а также от того, на каком расстоянии находится полицейский участок от данной телефонной будки.

Я прошел через залу и остановился перед девушкой, которая заговорила со мной.

– Не хотите проехаться со мной в Сан-Диего? У меня там дела.

– Это было бы очень мило, Джонни, – ответила она. – Но мы должны повторить еще одну сцену, там, в каньоне. Уже три дня мы сидим здесь и ждем, когда кончится дождь.

Я пожелал ей счастья и хорошей погоды. После этого вышел из заведения. Двадцать голов обернулись мне вслед, и двадцать пар глаз видели меня. Даже выйдя на улицу, я чувствовал на своем затылке их взгляды. И тем не менее я четко знал, что позднее им не удастся хорошо меня описать. Да, странное чувство охватывает человека, когда его разыскивает полиция по обвинению в убийстве.

Двумя кварталами дальше я вернулся по противоположной стороне в бар, находившийся напротив аптеки. Мой телефонный звонок должен был информировать не только лейтенанта Грина. К тому же я хотел знать, насколько глубоко засел я в этом деле. Через пять минут я уже все знал. За короткий промежуток времени сюда примчались полицейские машины. Выхватив револьверы, копы ворвались в аптеку.

– Должно быть, там что-то случилось, – высказал предположение владелец бара.

– Мне тоже так кажется.

– Наверняка грабеж.

Наконец прибыли Кинли и Грин и тоже исчезли в аптеке. Через несколько минут они вышли вместе с девушкой, которую я приглашал проехаться в Сан-Диего. По ее взволнованной жестикуляции я предположил, что именно об этом она им и рассказывает. Ее посадили в одну из полицейских машин, и та уехала.

Хозяин бара подвел итог моим размышлениям.

– Видимо, в деле была замешана девчонка.

– Да, наверное, – согласился я.

Оставалась только одна полицейская машина. Все остальные разъехались по своим делам. Я понадеялся, что будет еще немало ложных тревог, прежде чем они меня схватят. Ни Кинли, ни Грин не могли поверить тому, о чем им рассказывала девушка. Они наверняка поняли, что это был мой трюк.

Я заплатил за пиво и направился к машине Салли. Я медленно нажал на газ, став самым осторожным водителем в мире. Проезжая мимо полицейской машины, стоявшей у аптеки, увидел, как полицейский поднял голову. Он посмотрел на синий "форд" и отвернулся. Значит, Салли проделала работу добросовестно: закрыла гараж и не пустила туда полицейских. Полиция искала серый "кадиллак" с большими золотыми буквами "Д.С." на каждой дверце – фирменный знак Джонни Слэгла.

Я направился вниз по бульвару Вентура, потом свернул на бульвар Топанго-Каньона, который привел меня к морскому побережью. В зоне, запретной для курения, я не рискнул зажечь сигарету. Обычно ведь на таких мелочах и попадаешься. * * *

Синева моря наверняка очаровала бы Пола Глэда. Я медленно вел машину по Приморскому бульвару, двигаясь в бесконечном потоке машин в сторону Санта-Моники.

Я бы с удовольствием поговорил с Саулом Блиссом. Порасспросил бы еще раз и миссис Доккerti. Но если бы я сейчас явился к кому-нибудь из них, то уже через пять минут сидел бы за решеткой по обвинению в убийстве и поверял своему адвокату обо всех неприятностях, свалившихся на меня.

Я остановил машину и уставился на океан. На горизонте курился дымок: наверняка какой-то

пароход шел в Сан-Франциско. Чем больше я раздумывал над случившимся, тем более странным казался мне теперь взгляд Джоан, брошенный ею в последний миг. Если бы она действительно была в заговоре с Полом Глэдом, то нападение на нас не должно было ее удивить. Но она, как я только теперь осознал, мгновенно перешла от состояния пьяной страсти к паническому ужасу. Видимо, она поняла, что собирается делать человек, подошедший к нам. С ней и со мной. За все годы, какие я знал Пола, он никогда не доводил дела до убийства. Во всяком случае, в тех ситуациях, в которых его могли бы уличить. Он не действовал грубо.

Я посмотрел на часы: около часа дня. Дождь уже поутих. Я почувствовал, что проголодался, а ресторан Анджело находился неподалеку отсюда. Меня там могли, конечно, схватить, но с таким же успехом поймали бы и в другом месте.

Я уселся в одной из ниш ресторана и заказал похлебку и курицу с рисом. В ожидании я жевал соленые палочки и рассматривал картины на стене. Этот ресторан был местом встречи людей кино – больших и малых. Я нашел в уголке портрет Салли, она с улыбкой смотрела на меня. Фотография Стива Миллета висела на видном месте, между Глорией Свенсон и Джоном Джильбертом. Фотографии были сделаны в те времена, когда они были молодые.

Портрет Стива снова навел меня на размышления. Сколько же ему сейчас лет? Если верить фактам, то тридцать девять.

Когда я наконец взялся за похлебку, вошел мальчик с газетами и начал обходить посетителей.

– Дневной листок, сэр? – спросил он меня. – Экстренный выпуск.

Я купил у него газету и уставился на свою фотографию. Она была напечатана на первой странице. Что там ни говори, но выглядел я неплохо. Напоминал Стива Миллета, только помужественнее и без его классического профиля.

Дальше шли снова фотографии Стива, Шерри, а также бывших жен Миллета. Только на этот раз фотография Джоан была немного крупнее. Текст под ней гласил: "Кто будет следующей?"

Я прочел статью, и у меня даже захватило дыхание: вот оно влияние Саула Блисса. Он все еще боролся за новый договор для Стива и крупные "чаевые" для себя.

Блисс заявил репортеру, что я, по всей видимости, потерял рассудок. По его мнению, я напал на Джоан и убил ее только по той причине, что она когда-то была женой Миллета. В статье присутствовали и другие высказывания Саула Блисса, естественно, сплошное вранье, но очень подходящее для "уважаемых читателей". Проводились даже мнения известных детективных авторов. Один из них заявил, что убийство, скорее всего, явилось результатом пьяной оргии. Другой же посчитал, что я сказал лейтенанту Грину по телефону полную правду. Ибо ни один убийца, пьяный он или трезвый, не оставил бы после себя столько отпечатков пальцев. А еще двое авторов, кстати заключивших с "Консолидейтед Пикчерз" договоры на сценарии, буквально раздраковали меня. Я, дескать, безответственный субъект с болезненным самомнением, бывший легавый из Лос-Анджелеса, которого привлек Голливуд. Деньги и успех вскружили мне голову. И вообще отныне я представляю опасность для общества. Для большей убедительности в газете была помещена фотография девушки, с которой я разговаривал в аптеке. Я якобы пытался заманить ее в машину под предлогом поездки в Сан-Диего. Если бы девушка оказалась достаточно глупа и приняла мое предложение, полиция вскоре нашла бы еще один женский труп.

Но самым важным для меня было заключение медицинской экспертизы: Джоан была изнасилована.

События же на канале Сепульведы и обвинения против Миллета перекочевали на третью страницу. Была там помещена и маленькая фотография Лауры Джин. И Таддеус Джонс смотрел из газеты на читателей со своей любимой флейтой в руке. В другой руке он держал цветное фото – единственное воспоминание о любимой дочери. Попутно газета упоминала, что полиция ищет свидетеля, мистера Блейка, друга Лауры Джин, с которым она предположительно встречалась вечером незадолго до своей гибели.

Я сложил газету и снова посмотрел на первую страницу. Выходит, Джоан еще изнасиловали, после того как я потерял сознание. А потом пристрелили. Моим револьвером.

И все это придется читать Салли. Возможно, она именно сейчас и читает газету. Как ей воспринять все это?

Видимо, кто-то очень хотел мне удружить.

Официантка принесла курицу и с неодобрением посмотрела на суп, к которому я почти не прикоснулся. Она была пухлой, розовощекой и, видимо, здоровой.

– Вы же почти ничего не поели.

– Прошу меня извинить, – пробормотал я. – Но у меня пропал аппетит.

Положив на стол пятидолларовую банкноту и сунув газету в карман пальто, я вышел под морозящий дождь. У двери остановился и бросил взгляд назад.

Официантка держалась рукой за шею. Другой она вцепилась в спинку стула. Было видно, что сейчас происходило в ее голове: ОН МОГ БЫ УБИТЬ МЕНЯ, – думала она. – ВЕДЬ ЭТО ТОТ ЧЕЛОВЕК ИЗ ГАЗЕТЫ! О, БОЖЕ! ЭТО – ДЖОННИ СЛЭГЛ!

В следующий момент она откинула голову назад и закричала.

Я захлопнул дверь и стремглав бросился прочь.

Вскоре на Океан-авеню завывала полицейская сирена. Ей вторила другая – с бульвара Уилшир. Потом послышалась третья. В этом протяжном вое слышалось что-то жуткое.

Они искали меня.

Глава 14

Целый день я бесцельно проезжал по горным районам. Дождь то затихал, то усиливался. И, наконец, опять полил как из ведра. Земля уже отказывалась принимать влагу. Поля вдоль дороги превратились в большие озера, сверкавшие под лучами фар.

Движения на дорогах практически не было. Я затормозил ярдах в тридцати от ворот Саула Блисса и выключил огни. Когда глаза привыкли к темноте, я обратил внимание, что его машины не было перед дверьми. Вместо нее я заметил "крайслер" бежевого цвета с нью-йоркским номером. Может быть, вернулась домой его дочь?

Я подошел к дому и заглянул в окно. В камине теплился огонек. Высокая блондинка в палантине из куницы не была похожа на дочь Блисса. Это была Кора Хайес. "Консолидейтед Пикчерз" предоставила ей годичный отпуск. За это время она сверкала в одном из шоу на Бродвее, которое финансировалось кем-то из Нью-Йорка. Правда, по последним данным, это

шоу провалилось.

Саула в комнате не было. Может быть, он ее и финансировал? Если да, то это объяснило бы его теперешние затруднения с деньгами.

Деньги, деньги, деньги! У кого они были?

Я выжидал. Дождь скатывался с крыши прямо на мой затылок. Кора Хайес была красивой женщиной. Она мне нравилась. Если между ней и Саулом Блиссом имелось какое-то соглашение, то оно было чисто финансовым. Все-таки Кора – настоящая леди, а Саул Блисс, насколько я знаю, несмотря на вечное брюзжание, никогда не обманывал свою жену. Время от времени Кора бросала взгляд на свои часики, украшенные драгоценными камнями. Она тоже ждала.

Я вернулся к машине. Надо было бороться. А с Саулом Блиссом можно поговорить и попозже, тем более что разговор должен состояться с глазу на глаз. * * *

В воротах ранчо Стива Миллета бушевал настоящий поток. В двадцати ярдах от дома он был заблокирован упавшим эвкалиптом. Я объехал дерево по газону и остановился на теннисной площадке. Дождь теперь был настолько сильным, что уже в тридцати футах ничего нельзя было увидеть.

Дом был темным, только над гаражом, где жил слуга Миллета Ян, светилося одно окно. Дверь в гараж была открыта. Я зашел внутрь и прислушался. У слуги Миллета была гостья: слышался долгий вздох.

Очутившись опять под дождем, я начал искать в карманах мою связку ключей. Один из ключей выглядел так, будто был золотым. Так оно и было. Я долго его хранил. С помощью этого ключа входная дверь открылась без всякого труда.

Откуда-то из темноты голос Пола Глэда произнес:

– Входите, Джонни. Ведь вы совсем промокли, а я уже давно вас жду.

Если я его не видел, то и он не мог видеть меня. Я осторожно шагнул в сторону и ногой защелкнул за собой дверь.

– Откуда вы знаете, что это я?

– Вы только что мне об этом сказали, – ответил Глэд.

Теперь я его разглядел: черная фигура на противоположной стене. Видимо, он сидел за письменным столом Стива Миллета.

– Почему вы уверены, что я должен сюда прийти?

– Я поставил себя на место Джонни Слэгла. Куда бы я пошел, если бы захотел провести несколько часов в сухом месте, согреться и выпить виски? Только сюда. – В голосе Пола Глэда слышалось волнение, которого я раньше за ним не замечал.

– Кто еще с вами?

– Никого.

Я поверил. Но внезапно мне показалось слишком рискованным сделать шаг вперед. Ботинки насквозь промокли и сильно скрипели. Я только крепче сжал в кармане револьвер.

– Зачем вы сыграли со мной эту злую шутку, Пол?

– Нет, вы послушайте его!

– Зачем вы убили Джоан?

Какой-то странный звук донесся из темноты. Я не понял, что это – кряхтение или вздох. Мгновение было совершенно тихо, если не считать шума дождя, бившего в оконные стекла.

– Она была плохой женщиной, Джонни, – внезапно сказал Пол Глэд тихо. – Но я ее любил. Может быть, как раз поэтому. Возможно, как говорится, мы были одного поля ягоды.

Все сказанное Глэдом звучало как-то сбивчиво и непонятно. А я совсем замерз. И был насквозь мокрый. И усталый. Я хотел присесть, пока не отказали ноги.

– Может быть, мы зажжем свет?

– Нет.

– В таком случае хоть говорите понятно.

– Я это и делаю. Знаете, почему я ждал вас здесь? Почти весь день!

– Откуда же мне знать?

– Чтобы убить вас. За все эти годы я не убил ни одного человека. Но вас я убью. Прямо сейчас.

– Подождите, Пол.

– Я ждал четыре часа.

Черная тень пришла в движение.

– У меня пистолет.

– У меня – тоже.

Я отступил в сторону, тень последовала за мной.

– Вы с ума сошли, Пол!

Голос Глэда прозвучал как-то плаксиво:

– Вы правы. Но почему человек не может потерять рассудок, если другой убивает его девушку?

– Вашу девушку?

– Да, мою!

– Я не убивал Джоан, Пол. Я был уверен, что это сделали вы или ваши люди.

Осторожность Пола, тренированная годами, отомстила ему за себя. Даже в своем горе – если он действительно был в горе – Пол все еще думал о собственной безопасности. Вместо того чтобы выстрелить, он направился ко мне. Он хотел расправиться со мной бесшумно, как бесшумно обделывал все свои делишки.

Невидимое дуло пистолета ударило меня по лицу. Почти мгновенно рот наполнился кровью. Он ждал, пока я отступлю и дам ему возможность ударить меня еще раз. И тогда он покончит со мной. Но я выплюнул кровь ему в лицо и шагнул вперед.

По весу и росту мы были примерно одинаковы. Но я – на десять лет моложе. К тому же Пол никогда не тренировался.

Я мог бы его убить, но не стал этого делать. Любой шум был мне также не нужен, как и ему. Я попытался обхватить его руками, но разве можно сжать мокрого угря? Он опять взмахнул пистолетом, но я вырвал его и отшвырнул подальше – что-то со звоном разбилось. Неплохо бы, если бы что-нибудь дорогое.

– Убийца! – выдавил Глэд. – Убийца! – он плакал.

– Будьте же разумны, Пол! – продолжал я трясти его. Но он рванулся и кинулся за дверь, прежде чем я смог остановить его.

– Я стреляю! – крикнул я.

Он знал меня и остановился на газоне.

– Нет, вы не будете стрелять. Хотя мне теперь все равно. Я могу и ошибаться, но, во всяком случае, мы еще поговорим.

– Вы позвоните в полицию?

– Если Пол Глэд позвонит в полицию, то... – Мне показалось, что к нему вернулось душевное равновесие, но он замолчал и исчез в темноте.

Я закрыл дверь. Нет, видимо, он совсем рехнулся.

Тыльной стороной ладони я провел по разбитым губам. Потом я нащупал и опустил жалюзи и зажег настольную лампу. Никаких интересных писем и бумаг не было. Тогда я перешел в спальню и, тоже опустив жалюзи, включил там свет. Мягкое освещение напомнило мне о Джоан.

Я много слышал о зеркальной спальне Миллета. Теперь увидел ее. Кровать была колоссальных размеров, белье – салатного цвета. Кроме кровати и неизбежного в таких случаях шкафчика со спиртными напитками, в спальне находился только стеллаж с книгами и секретер. Я полистал некоторые книги, они оказались как раз того сорта, что я и ожидал.

Потом я исследовал секретер. В нем было много писем, адресованных "Бенни" и подписанных разными ласкательными именами. Но на всех стояла почтовая печать Лос-Анджелеса, хотя ни в одном не содержалось даже намек на Лауру Джин. Городишко Вевока тоже не был упомянут ни разу. Глупо, ведь я не имел и понятия, что собирался найти.

Был восьмой час утра. Если Элмер проболтался искренне, то Стив Миллет и его жена должны были прибыть в аэропорт Лос-Анджелеса через пять часов.

Я выключил свет, прошел в переднюю и положил на бар полдоллара. Попивая виски, который никак не показался бы хорошим, если бы я не заплатил за него, я вспоминал описание человека, которого видел Таддеус Джонс в окне. Высокий, темноволосый, с тоненькими усиками. Броско одет. Возраст непонятный.

Такое описание подходило даже мне. Так же как и Стиву Миллету. Кстати, и Полу Глэду. Следовательно, множеству других людей. Я должен поговорить с Элом Кинли. Но как это сделать? Если я позвоню ему по телефону, он быстро засечет меня.

Я вздрогнул лишь тогда, когда в дверь громко постучали. Мужской голос прорычал:

– Эй, вы там! Я вижу вас отсюда! Живо откройте или я вышибу дверь!

Вначале я подумал, что это вернулся Глэд или послал сюда одного из своих телохранителей. Но потом я сообразил, кто кричал.

Это был ковбой.

Я вынул пистолет и открыл дверь.

– Прошу!

Он захлопнул за собой дверь. Единственным источником света в комнате была спираль электронагревателя. Ковбой вылил воду из своей широкополой шляпы на тысячедолларовую кушетку с подушками из шартреза. Потом он нахлобучил ее на голову и поправил поля.

– Где она?

– Кто она? – поинтересовался я.

Мой вопрос ему не понравился. Его кулак сразу опустился на мой подбородок. Видимо, он хотел снести мою голову с плеч.

– Я, кажется, кое о чем спросил вас, уважаемый?

Его удар отбросил меня футов на шесть, но он быстро подошел ко мне. О своем револьвере я вспомнил слишком поздно. Молодой человек не долго раздумывал: ребром ладони он ударил меня по руке, и револьвер упал на пол.

– Где она? – повторил он, не повышая голоса. – Теперь я понимаю; почему она мне не писала в последнее время. И понимаю причину, по которой она не собирается вернуться в Вевоку! Но она вернется! Понятно?

Да, я начал понимать. Отодвинувшись еще на шаг, я чуть не опрокинул электронагреватель.

– Минутку, сынок! Вы обратились не по тому адресу.

– Но ведь это ранчо Стива Миллета?

– Правильно.

– Значит, адрес правильный.

– Но вы говорите не с тем человеком. Я – не Стив Миллет. Меня зовут Слэгл. Можете мне поверить. А к Стиву Миллету у меня приблизительно такое же отношение, как и у вас.

Но ковбоя мои слова не убедили. Ни на миг не спуская с меня глаз, он поднял мой револьвер.

– Если вы на самом деле Миллет и просто пытаетесь меня обмануть, я выбью вам все зубы, – говорил он все еще спокойно и неторопливо. – Бесси и я хорошо знали друг друга еще со школьной скамьи. И ни один киногерой, ни один любимец дам не отнимет ее у меня!

Мне стало жаль юношу.

– Вы наверняка имеете в виду Бесси Чарльз, которая позднее стала Шерри Гембл, а теперь носит фамилию Миллет?

Лишь теперь он, казалось, поверил, что я не Стив Миллет.

– Мы, кажется, уже где-то встречались, уважаемый? Там, на канале, когда Лауру Джин

вытащили из воды.

– Верно, – ответил я.

Мне показалось, что ему становится плохо. Я взял его под руку, и мы направились к бару, где я и купил ему порцию виски. Монеток на баре стало больше.

– Ну, а теперь расскажите мне все с самого начала. Кто вы? И какое отношение имеете к этому делу?

– Меня зовут Эрнст Гэри, – сказал он. – И к этому делу я имею самое непосредственное отношение.

– Вы из Вевоки?

– Да.

Я спросил его, не хочет ли он еще порцию виски.

– Для осуществления того дела, которое я задумал, мне виски не нужно.

Я поверил ему на слово.

– Ну, а дальше? Как я понял, вы с Бесси любили друг друга, еще когда ходили в школу. И вы никому не собираетесь ее уступить. Но факт остается фактом: вчера утром Бесси вышла замуж за Стива Миллета.

Он схватил своей ручищей толстостенный бокал для виски и раздавил его, словно яйцо.

– Да, я знаю, – сказал он наконец. – Когда я вчера утром приехал в Вевоку, чтобы купить кое-какой инструмент, мне повстречался местный редактор и показал телефонограмму. Согласно ей, Бесси Чарльз стала как раз миссис Миллет, и репортеры из Лос-Анджелеса как раз просили его рассказать о ней.

– А дальше?

Осколки бокала полетели на пол. Но его ладонь даже не кровоточила – была слишком загрубевшей. Он вытащил один из осколков из-под ногтя.

– Я тотчас же отправился в Оклахома-сити и сел на ближайший самолет в Лос-Анджелес. В первой же газете, которая попалась мне на глаза, я увидел большую фотографию Бесси и Миллета, окруженную венком из его бывших жен.

– Эти фото и я видел несколько раз. Но как вы попали на канал?

– Водитель такси, который вез меня на ранчо Миллета, остановился из любопытства. Я тоже вылез и понаблюдал какое-то время. Представляете, как я удивился, когда узнал Лауру Джин!

– Могу себе представить. А вы раньше были здесь? Я имею в виду – на ранчо?

Он покачал головой.

– Нет. Водитель такси точно не знал, где оно расположено. Поэтому я и спросил вас, как мне лучше найти контакт с людьми из кино. Но когда я увидел, что из канала вытащили труп Лауры Джин, то сразу поехал к ее отцу. Адрес у меня был.

– Значит, вы знали Лауру Джин?

– Она же двоюродная сестра Бесси. Года на два или три старше ее, но мы все трое росли вместе. Лаура Джин была отличной девчонкой и товарищем. Ее смерть буквально потрясла старика Джонса.

Вот какова была его история. Я выжидательно молчал.

Он скрутил себе сигарету и продолжал:

– У Джонса я не хотел спрашивать адрес Миллета. Старику и так хватало неприятностей. Кроме того, из газеты я узнал, что Миллет и Бесси улетели в Лас-Вегас.

– Меня удивляет, что вы не последовали за ними туда.

– Я пытался, – сказал Эрнст Гэри. – Но из-за дождя самолеты не летели. Тогда я решил взять напрокат машину, но я ведь так быстро уехал из Вевоки, что забыл шоферские права. Да и наличных денег было маловато. А чек они не хотели принимать.

– Дальше!

– Поэтому я просто снял номер в отеле и просидел большую часть ночи на кровати, размышляя обо всем этом.

– И к какому же выводу вы пришли?

Глаза его в этот момент стали еще холоднее, чем у Пола Глэда.

– Что он, по всей вероятности, уже овладел Бесси. Тут уж теперь ничего не изменишь. Но зато я могу его убить.

– Это слишком громкие слова.

– Я люблю Бесси, – спокойно сказал он. – И если бы я знал, что с этим человеком она будет счастлива, я бы сюда не приехал. Но прошлое этого Миллета говорит само за себя. Два года назад, когда он приезжал на съемки фильма в Оклахому, он гонялся буквально за каждой хорошенькой девушкой. И Бесси его тоже не любит. Она просто позволила ему вскрыжить себе голову.

– Такое случилось не с ней одной, – кивнул я. Для своих лет он говорил вполне разумно. – Но как вы в конечном итоге добрались до ранчо?

– Я отправился в редакцию газеты, которая поместила фото, и там они узнали от меня, кто я и каким образом связан с Бесси. Тогда они сделали кучу снимков моей личности и задали мне много самых диких вопросов. Мне в свою очередь тоже удалось подоить одного парня. Я выяснил у него адрес Миллета и узнал, что Миллет вернется сегодня ночью. Правда, точного времени он сказать не мог. Тогда я взял машину у одного чудака, который оставил в ней ключи от зажигания, и отправился сюда. Через окно я увидел красные отблески в доме и подумал, что вы и есть Миллет.

– Значит, мистер Джонс является дядюшкой Бесси?

Гэри кивнул:

– Он и мать Бесси были братом и сестрой.

– А почему Лаура Джин решила, что она сможет сделать карьеру в кино?

Он затянулся сигаретой.

– Я и сам задавал себе этот вопрос. Но Бесси и Лаура заболели Голливудом в одно и то же время. И ничто не могло заставить их отказаться от мысли поехать сюда.

У меня наконец появились в голове новые мысли.

– У Джонса есть деньги?

Гэри покачал головой:

– Нет. Ровно столько, сколько надо на жизнь. Старик слишком щепетилен к побочным доходам. Сейчас его скотоводческая ферма приносит небольшой доход. Но я не утверждаю, что старик ведет полунцищенское существование.

Прежде чем я успел переспросить его о существовании последних слов, входная дверь распахнулась и появились огни. Вошел Ян, слуга Миллета, в сопровождении двух полицейских.

– Вот видите, – прошипел Ян. – Эти люди не являются друзьями мистера Миллета. Просто вломились сюда и попивают виски.

Я затаил дыхание и посмотрел на полицейских. Те, со своей стороны, тоже холодно посмотрели на меня. Они были мне незнакомы. Они тоже не знали, кто я. К тому же после всех моих путешествий под дождем и по грязи выглядел я, мягко выражаясь, очень невзрачно.

Ян вытянул голову, внимательно разглядывая меня. Его глаза были черными, а лицо бесстрастным.

Я тянул время, чтобы собраться с мыслями.

– Слуга ошибается. Я сюда не вламывался.

– О'кей! – кивнул один из полицейских. – Вы сюда не вламывались. Но как же вы проникли сюда?

Нет, черт возьми, о ключе я им ничего не скажу!

Он смотрел на меня поверх ствола своего служебного пистолета. У меня было два пути: можно попытаться ускользнуть от них или же отправиться в полицейский участок. Бегство было рискованным. Оба они выглядели очень честолюбивыми, и я не хотел украсить их личные дела.

– Ну, хорошо, я проник сюда без разрешения, – согласился я. Оба полицейских по-прежнему не узнавали меня. Видимо, опознание произойдет в полиции. А лучше, конечно, поговорить с Кинли или Грином, чем с этими...

Молодой ковбой искоса взглянул на меня и медленно покачал головой. Губы его совсем утончились.

– Никаких глупостей, – предостерег я его. – Свою историю можете повторить в полицейском участке.

– Ну уж черта лысого! – буркнул он. – Я приехал сюда не для того, чтобы навешивать себе на шею всякие неприятности.

Прежде чем полицейские успели опомниться, в руке Эрнста Гэри появился длинноствольный кольт, и, судя по всему, он умел обращаться с оружием.

– О'кей! – спокойно сказал он. – Теперь мы находимся в одинаковом положении.

Полицейские к тому времени были уже посреди комнаты. Ян стоял между ними. Ковбой внимательно оглядел их, рванулся к двери и в следующее мгновение был уже за порогом.

Те даже не шевельнулись – все-таки не дураки. Последовать за ним было равносильно самоубийству. Кроме того, они из патрульной машины могли передать сообщение и организовать облаву на беглеца. Ну и ко всему прочему, я был в их руках. Значит, конец.

– Как вас зовут? – спросил меня один из полицейских.

Я подумал, что Ян назовет им мое имя, но он только молча вынул из бара бутылку виски. Возможно, он и приходил только за ней, но, увидев свет от электронагревателя, вызвал полицию.

Тот, что повыше, быстро забрал мой револьвер, другой защелкнул наручники на моих запястьях. И лишь после этого они спрятали пистолеты.

– Пойдемте!

Электропечь мне мало помогла. Три шага под дождем – и я снова был такой же мокрый, как и прежде. Да и дело-то все это встало уже мне поперек глотки.

Глава 15

Обстановка в бюро была скудной. Едва стоящий на ногах от старости письменный стол, два деревянных стула, шкаф для бумаг и на стене – календарь полицейского страхования жизни.

Лейтенант Грин очень хорошо вписывался в эту обстановку. Он был сухопар, в костюме, купленном в дешевом магазине готового платья, с серым и нездоровым цветом кожи. Он носил шляпу, чтобы скрыть лысину. Его жесткий рот никогда не улыбался. Как я уже говорил, мы не очень-то ладили друг с другом, но в принципе человек он был неплохой.

– Так, так, – сказал он. – Значит, это вы?

– Да, я.

Молодой полицейский дернул меня за наручники.

– Говорите, пожалуйста, сэр, когда разговариваете с лейтенантом.

– Сэр, – добавил я.

Грин подергал себя за мочку левого уха.

– Сами, конечно, вы не могли явиться в полицию? Не так ли? Обязательно надо было тратить деньги налогоплательщиков?

– Я могу вам все объяснить, – ответил я.

На его столе лежали какие-то бумаги. Он сдвинул их в сторону, оперся на локти и уставился на меня.

– У таких людей, как вы, всегда находятся объяснения.

Я промолчал. Грин посмотрел на обоих полицейских.

– Вы знаете этого человека?

– Нет, сэр, – ответил один из них. – Он не назвал своего имени. Мы взяли его в холле ранчо Стива Миллета. Там был он и еще один ковбой. Они вломились в дом, удобно расположились там и распивали виски хозяина. Ковбою удалось убежать, но розыск его уже начался.

– Это меня радует, – буркнул Грин, не моргнув глазом, и снова взглянул на меня. – А этот человек не причинил вам неприятностей?

– Нет, сэр, он позволил себя увезти, как ягненок.

Грин поднялся из-за письменного стола.

– Это все. А сейчас уходите оба! – Между его тонких бровей появилась жесткая складка. – Исчезните с глаз моих! Ступайте домой и почитайте газеты! Послушайте радио! А потом расскажите своим женам, какие вы герои. Если нет жен, расскажите соседям. – Он ткнул указательным пальцем. – И утром, в девять часов, явитесь в кабинет капитана. Клянусь, я проглочу свою полицейскую бляху, если не отстраню вас от должности на пару месяцев!

Один из полицейских открыл было рот для протеста, но, увидев лицо Грина, решил воздержаться от каких-либо реплик. Оба вышли из кабинета.

Лейтенант бегал взад и вперед за своим письменным столом, как разъяренный лев.

– И вот с такими идиотами я должен работать и защищать законы. Сегодня с раннего утра вас ищут по всему городу, ваше фото красуется во всех газетах, каждый полицейский, выходящий из участка, получает наказ: "Ищите Джонни Слэша!" Нам пришлось сломать дверь вашего гаража, чтобы понять, что вы пользуетесь синим "фордом" выпуска 57 года. Мы не забывали им напоминать номер машины. Каждая свободная патрульная машина была занята поисками Джонни Слэша. И что же получается? Два рьяных следопыта тащат вас в участок за взлом чужого дома. И не имеют даже понятия, кто вы такой!

Он вытащил носовой платок и прочистил себе нос. Я передвинул свою шляпу на краешек стола.

– Уберите ее! – зарычал он. – Шляпу! Уберите с письменного стола!

Я снял шляпу со стола. Сейчас я был полностью в руках у Грина. А он схватил свои бумаги, разложил их в известном ему порядке, а потом сгреб и сдвинул в сторону.

– Я не убивал Джоан Уорнер, Грин, – стараясь успокоить его, сказал я.

– Это я уже слышал сегодня утром по телефону, – кивнул он. – Но вы там были, Слэш. И Джоан убита из вашего револьвера.

– Я знал, что эксперты придут к такому выводу.

Он взглянул мне прямо в лицо.

– Мы нашли отпечатки ваших пальцев в передней, в гостиной, в спальне – повсюду. И следы ясные, четкие – они не заставят суд сомневаться. Все десять пальцев – чистые, как стеклышко. – Он прижал свои пальцы к поверхности письменного стола. Когда поднял, можно было увидеть четкие тоненькие спирали. – Такие вот, как здесь.

– Это я тоже знал. Я действительно был там, как вам известно.

– Это понятно даже школьнику. И любой, самый неопытный прокурор может послать вас на основании этих улики в газовую камеру.

Он вытянул свой острый нос к моему лицу. Я сделал над собой усилие, чтобы не щелкнуть его по кончику.

– Была изнасилована хорошенькая девушка, – продолжал Грин. – Даже можно сказать, красивая девушка. Девушка, ради которой девять из десяти мужчин пошли бы в огонь и в воду. Медэксперт считает, что это произошло или сразу после ее смерти, или незадолго перед ней.

Я больше не смог себя сдерживать: мои руки с грохотом опустились на стол Грина. Взглянув на пальцы, я увидел, что они дрожат.

– Уберите руки, – поморщился лейтенант и стал набивать трубку табаком. – Я знаю о вас все, Слэгл. Постарался разузнать. Мне известно, что сделал вам Миллет. И что вы думаете о нем. Но давайте лучше поговорим о некоем Блейке, ухажере Лауры Джин.

– А что именно вас интересует?

– Не странно ли, что именно вы обнаружили "студебеккер" Лауры Джин?

– Это чистая случайность.

– Неудачное объяснение. Подумайте сами: скромная и простая девушка из Вевеки, певшая в церковном хоре, и вдруг... – Он замолчал и хмуро посмотрел на меня.

– Только не говорите мне, что ее тоже изнасиловали.

– Значит, вы об этом уже знаете...

– Медэксперт это установил?

Грин сунул трубку в рот и кивнул.

– Правда, она пролежала несколько часов в воде. Что же произошло, Джонни?

– Вы же сами не верите ни одному своему слову, – ответил я. – Да, я ненавижу Стива Миллета, но этого недостаточно, чтобы совершить убийство, которое при благоприятных обстоятельствах можно было бы "пришить" ему. И не надо тешить себя надеждами, лейтенант. Я – не Блейк.

– Описание подходит к вам.

– И к Миллету тоже.

– Вот именно! Но ведь мы выяснили, что вы ненавидите Миллета.

У меня начала болеть голова. Стальные наручники врезались мне в запястья.

– Прошу вас, поверьте мне, Грин, – мой умоляющий тон, похоже, на него не действовал. – Я не убивал Джоан. И Лауру Джин видел впервые, когда ее труп выловили в канале.

– Ваши доходы ограничиваются только гонораром, который выплачивает вам студия?

– Нет, не совсем.

Да, он действительно постарался узнать обо мне все. Во всяком случае, более чем

достаточно.

– Говорите!

И я заговорил. Когда я кончил, лицо мое взмокло от пота, а горло пересохло. Теперь я ничего не утаил: рассказал о Поле Глэде, о Фрэнке, об Элмере. Не пощадил Саула Блисса и даже упомянул Кору Хайес. Кое-что он уже знал, кое-что было для него новым.

Грин слушал меня, посасывая свою трубку. В конце кивнул:

– Дикая какая-то история. Значит, по-вашему, неуловимым Блейком является Стив Миллет. И он же убил Лауру Джин по еще непонятной причине. А Пол Глэд или Саул Блисс – а может, возможно, они оба – поддерживают его. Кроме того, кто мог быть заинтересован в смерти Таддеуса Джонса? Кто убил Джоан Уорнер и с какой целью? Вам бы лучше сценарии писать для "Консолидейтед Пикчерз", Слэгл, а не выступать в качестве сторожевой собаки, наблюдая за порочными юношами и девушками студии.

Я снова попробовал прочность моих наручников. Судя по интонации Грина, его уже "навещал" Саул Блисс. Но речь тут не шла о подкупе. Просто у них состоялся конфиденциальный разговор. Помощь крупных кинокомпаний в ряде случаев дает возможность человеку сделать себе карьеру. Но может и навредить. Однако в данном случае речь идет об убийстве. Я не думаю, что Грин позволил себя запугать.

Лейтенант открыл еще какую-то запись в своем блокноте.

– Кстати, мистер Блисс сказал мне, что вы больше не работаете на "Консолидейтед Пикчерз". Что же вам нужно было в доме Миллета?

– То, что мне нужно было давно.

– Точнее.

– Докопаться до сути дела, но так, чтобы поменьше навредить невольным участникам его.

– За исключением Стива Миллета?

– Да, за исключением.

– А ваш партнер? Ковбой?

– Он не мой партнер.

Грин впервые улыбнулся.

– Правильно. Вы говорили, он прилетел сюда из Оклахома-сити, чтобы переговорить с Миллетом относительно одной девушки.

Я промолчал.

Грин снова разжег свою трубку.

– Еще одно, Слэгл.

– Да?

– Я имею в виду женщину, которая слышала два крика в ночи.

– Что с ней? – встревожился я.

- Сразу после вашего телефонного звонка ко мне я поехал к тому дому.
- Ну и что?
- В нем никто не живет, Слэгл. И ошибки тут быть не может. Другого дома там попросту нет.

Глава 16

Если во время утреннего визита Грина в доме у канала никто не жил, то сейчас этого сказать было нельзя. Перед входом стояла большая машина, и дом светился огнями. Грин оставил служебную машину у ворот.

Я потер себе запястья, радуясь избавлению от наручников. Но лейтенант мне еще не совсем доверял. Кроме шофера, нас сопровождали двое полицейских.

– Или я ошибся сегодня утром, – сказал лейтенант, – или эти люди только что приехали. Проверьте номер их машины, Чарли.

Один из полицейских поднял воротник и вылез из машины. Хлюпая по воде, он направился к машине, чтобы записать номер.

Грин грел ладони о свою трубку.

– Черт возьми, я и сам не знаю, почему не засадил вас в следственную камеру! А вы не знаете этого, Джонни?

Он снова начал называть меня Джонни. Путь был трудным и тернистым, но мне все-таки удалось достичь кое-чего.

– Описание мистера Блейка подходит к вашей внешности, – продолжал он. – А ваша злость на Стива Миллета могла бы способствовать тому, чтобы навесить на него убийство.

– Такой шутки я не сыграл еще ни с кем за всю свою жизнь.

– Видимо, такие слова вы говорите всем полицейским?

Им все еще не давали покоя мой "кадиллак" и мои двухсотдолларовые костюмы. И, конечно, Салли. Когда-то давным-давно я знал девушку по имени Салли. Она лежала в моих объятиях и говорила, что любит меня.

– Или вы мне верите, – сказал я Грину, – или не верите. Почему бы нам не поработать над этим делом вместе? До моего звонка Питу Фланнери я никогда ничего не слышал о Лауре Джин.

Вернулся полицейский.

– 6-84-25, – доложил он.

– Узнайте имя владельца, – распорядился Грин.

Приемник шипел и плевался, пока осуществлялась связь с главным полицейским управлением. Шофер включил фары, и только "дворники" монотонно шуршали. Иногда через потоки воды проезжала какая-нибудь машина, раскидывая своими колесами фонтаны брызг.

Полицейский, сидевший у радиоприемника, вытер себе глаза:

– Нужно было бы перекрыть бульвар Сепульведы, а то какой-нибудь идиот потонет вместе с машиной.

Грин вернулся к разговору о Лауре Джин:

– Но ведь вы точно видели, где она оставила свою машину?

– Разумеется! – отозвался я. – А также точно знал, что у Стива Миллета в четыре часа утра кончится виски. И тогда я заманил девушку в этот придорожный ресторан, прогулялся с ней и с ее собачкой мило под дождем, рассчитав, когда Стив Миллет будет проезжать мимо. Незадолго перед этим я изнасиловал девушку прямо в грязи, а потом подбросил тело под колеса машины Миллета. Напоследок пробежал тридцать две мили до дома, улегся в постель и стал ждать его телефонного звонка.

Грин не обозлился, а, наоборот, рассмеялся.

– Если посмотреть под таким углом, то вообще получается ерунда. Кстати, мистер Джонс мог бы взглянуть на этого мистера Блейка. И вас" бы он узнал, когда вы были у него. С другой стороны, лицо Стива ему более знакомо, чем ваше. Уж его-то он наверняка бы узнал... Черт бы побрал такие дела! До убийства Джоан мы имели обычное дело о несчастном случае и бегстве с места происшествия. Миллету оно обошлось бы в два года, а все другие исключались бы из игры. Но теперь это дело коснется многих.

Я замерз. Мокрая одежда прилипла к телу, и к тому же я был голоден. Однако то, что я сейчас сказал Грину, совсем не ускорило мою дорогу к дому:

– Чего вы волнуетесь за всех этих людей? И почему вы так старательно избегаете повышения по службе? Вы могли бы совершить с Блиссом неплохую сделку. Я с ходу назову вам двух инспекторов, которых "Консолидейтед Пикчерз" не оставляет в своих молитвах.

– Попридержите лучше язычок! – буркнул полицейский с переднего сиденья.

– Катитесь вы к чертям собачьим! – фыркнул Грин. – Если бы меня звали Джонни Слэглom, я бы не осмелился на подобные речи, а размышлял бы о том, что я нахожусь под арестом и что пробуду за решеткой довольно долго.

– Я считал, что вы мне поверили.

– Я не начальник полицейского управления, а только лейтенант Грин. Вы забыли об этом?

– У меня есть право взять адвоката.

– Кого именно? Блисса? Да ведь студия бросила вас на растерзание. Вы для них ничто, у вас, Джонни, нет классического профиля.

Радиоприемник в машине зашипел и пошла информация, которую затребовал Грин. Номерной знак был выдан "понтиаку" 1956 года. Владельцем являлся Довальд Рот, и жил он на Лобос-Род, 4260, Вудленд Хиллс.

Грин открыл дверцу со своей стороны.

– Теперь поговорим с мистером Ротом. Не отходите от меня, Джонни. – Он повернулся к шоферу. – Вы тоже пойдете с нами, Джек.

На шофере были высокие сапоги, так же как и на двух других полицейских. Только Грин и я

заляпали себе все ноги по колению, пока добрались до дома.

Я вспомнил о Тедди Докерти, старой женщине со слуховым аппаратом. Ее показания могли бы меня спасти. Показания, заключающиеся в том, что она слышала два крика в ночи с интервалом в тридцать секунд.

Лейтенант Грин послал шофера и одного из полицейских вокруг дома, чтобы его задняя сторона тоже оказалась под наблюдением, и после этого постучал в дверь.

В доме, несомненно, были люди, но на стук никто не отозвался. Может быть, по той причине, что они сами создавали много шума. Кто-то колотил молотком на кухне. В окно я увидел девушку. На ней было синее домашнее платье. Волосы она себе заколола повыше и орудовала метлой, выметая мусор из углов.

Грин нажал на ручку. Дверь оказалась незапертой.

– Мистер Рот, – позвал он.

Девушка в синем платье прервала работу. На кухне кто-то чертыхнулся, и к нам вышел человек маленького роста, полноватый. Лицо у него было грязным, а в руке – молоток.

– Кто вы такие, черт вас возьми? – спросил он. – И что вам нужно?

– Если это Докерти, то пусть поднимутся наверх, Дональд. Я хотела бы им показать матрац в спальне. – Женский голос был таким, словно спазма сдавила горло. – Он же теперь никуда не годится! Никуда не годится!

– Оставь меня в покое со своим матрацем, – крикнул мужчина. – Посмотри лучше на печку: там такой вид, будто они перед ней разжигали костер. Если я еще хоть раз сдам дом подобным хозяевам, можешь спокойно вести меня к психиатру.

Девушка в синем платье забралась на стул, чтобы дотянуться до паутины в углах, и теперь застыла на стуле, разглядывая нас сверху. Полицейский, сопровождавший нас, с отеческим интересом посматривал на ее ножки. Наконец девушка слезла со стула.

Мужчина снова повернулся к Грину.

– Я вас спросил, кто вы такие? Если вы должны получить от Докерти деньги, то обратились не по адресу. Чтобы привести эту развалину в порядок, надо затратить долларов триста. Можно подумать, что здесь жили свиньи.

Грин показал свой полицейский значок и представился. На мужчину это не произвело никакого впечатления.

– А теперь вот вы явились! После того как дом полностью приведен в негодность. Я – честный человек, вы слышите? И чтобы заработать деньги, мне приходится много вкалывать.

Грину оказалось этого достаточно.

– Может быть, вы помолчите немного? В этом доме проживала семья Докерти, не так ли?

Человек посмотрел на него с кислым выражением.

– А вы что, думаете, я говорю о мышах?

– Вас зовут Рот?

– Да, меня зовут Рот.

– И машина перед домом принадлежит вам?

– Да.

– И дом – тоже?

– Да, сэр. – Полицейский значок, который Грин продолжал держать в руке, начал оказывать свое действие.

– И вы сдавали его семье Докерти?

– Совершенно верно.

– У женщины еще был слуховой аппарат?

В разговор вмешалась девушка.

– Да, сэр! – И добавила с надеждой в голосе: – Она что, нарушила закон?

Грин покачал головой.

– Нет. Я просто хотел задать миссис Докерти несколько вопросов в связи со вчерашним происшествием на канале.

Девушка кивнула:

– Правильно, я об этом читала в газетах. Этот киноактер... Как же его фамилия?.. Он задавил девушку.

– Я газет не читаю, – сказал мистер Рот. – В них пишут только об одних неприятностях. И я прошу меня простить, если вел себя не очень вежливо, лейтенант. Но и вы должны понять – взгляните только на мой дом. Поломали все, что только можно было сломать. Моя жена там, наверху, уже выплакала себе все глаза.

– Когда же эти люди выехали?

– Понятия не имею. Два часа назад мы приехали сюда, чтобы получить арендную плату, – а их уже и след простыл.

– Должно быть, уехали вчера, – заметила девушка. – Когда мы появились сегодня вечером, мы еще нашли утреннюю газету и бутылку молока перед дверью.

Грин взглянул на меня.

– Этого, видимо, достаточно. Поскольку ваша история не может быть подтверждена, на сегодняшнюю ночь вы останетесь нашим гостем. Вы все рассказали, что касается Докерти?

– Конечно.

Он пожал плечами.

– О'кей! И поскольку мы уже все равно здесь, надо взглянуть на этот дом. Может быть, они оставили что-нибудь, что поможет понять, куда они уехали. – Он подозвал полицейского. – Возьмите на себя кухню, Мак. Я осмотрю гостиную и второй этаж... – Лишь теперь он взглянул на Рота. – С вашего позволения, сэр?

Грин прошел в гостиную в сопровождении хозяина дома. Полицейский направился на кухню. Я же остался с девушкой в коридоре. Женщина на втором этаже все еще плакала.

Я взглянул на девушку: если она и была хорошенькой, то я на это как-то не обратил внимания. В данный момент мне никто не нравился. Без показаний миссис Докерти я не мог ничего доказать. И, главным образом, то, что Лаура Джин кричала дважды. Поэтому меня ждала тюремная камера. Даже если бы Грин и захотел, он все равно бы не мог отпустить меня под свою ответственность. Он ведь был только лейтенантом.

– В этом происшествии есть какие-нибудь непонятные детали? – поинтересовалась девушка.

Я рассеянно кивнул. Как сказал Грин, от студии мне ждать помощи не придется. Они во мне больше не нуждались. А пока я буду томиться в камере, дело потечет по тому руслу, которое выгодно киностудии. Возможно, Стива и осудят за небрежную езду, а возможно, и нет. А меня вполне могут признать виновным в убийстве Джоан.

Я подошел к двери дома и бросил взгляд на "понтиак". Интересно, оставлен ли в нем ключ от зажигания? Лучшую возможность трудно отыскать.

Я спустился по лестнице и прошел по грязному двору. Через окно видел, как Грин осматривал шкаф.

Ключ был на месте. Я запустил мотор. В этот момент девушка крикнула:

– Лейтенант, человек, который приехал с вами... Он угоняет машину!

Я дал задний ход и развернулся в илистой воде. Колеса буксовали. Но мне все же удалось добраться до дороги. В тот же момент из дома выскочили Грин и его люди с пистолетами в руках.

Сквозь шум мотора я услышал окрик Грина:

– Не стрелять! Я сам...

Он оттолкнул одного из полицейских и поднял пистолет как раз в тот момент, когда я нажал на газ и машина подпрыгнула, словно испуганное кенгуру. Резко прозвучали четыре выстрела подряд. Четыре маленьких отверстия, окруженные сетью мелких трещин, появились в ветровом стекле – но все справа от меня.

Этому имелось только одно объяснение – Грин поверил мне. Еще в бюро он сердился не потому, что молодые полицейские меня не узнали, а потому, что они вообще привели меня к нему. Отпустить меня он не мог, поэтому и надеялся, что я догадаюсь удрать по собственной инициативе. От этого зловонного запаха преступлений и коррупции его воротило так же, как и меня.

Грин наверняка целился в правую сторону машины. Простреленное стекло ясно об этом говорило. Лейтенант Грин был одним из лучших стрелков полиции Лос-Анджелеса.

Я мчался по бульвару Сепульведы, стараясь хоть на сколько-нибудь оторваться от преследования.

Зачем? Ответ на этот вопрос был только один: Салли.

Докерти должны заговорить. И я обязан заставить их. Но куда они уехали? По словам девушки, они выехали вчера, вероятно, поздно вечером. После того как я рассказал о них Полу Глэду.

Но где бы они ни были, они наверняка стали богаче. Когда речь шла о его интересах, Пол денег не жалел. По непонятной мне причине он дал денег и Стиву Миллету.

Шел сильный косой дождь, и порывы ветра даже качали машину. И чем быстрее я ехал, тем больше заносило "пontiак" то в одну, то в другую сторону. У меня появилось ощущение, будто я сижу в снаряде.

Я бы сейчас закурил, но боялся оторвать руки от руля. При такой бешеной скорости лужа могла оказаться смертельной ловушкой. А дорога состояла из сплошной цепи луж.

Я почти ничего не видел. "Дворники" не справлялись с дождем. Встречные огни фар казались каким-то кошмаром.

Я промчался по бульвару Вентура, постоянно нажимая на клаксон. Глаза слепили собственные фары, отражавшиеся в дожде и в полосах тумана. Потом я нашел – скорее везеньем, чем рассудком, – боковую улицу, которая вела на север, к парку Канога.

Сидеть в этом "пontiаке" было все равно, что на раскаленных углях. Любой полицейский пост его сразу бы узнал по номеру. Я заехал в маленький городок и остановился неподалеку от кинотеатра. Перед входом, на стоянке, находилось около двадцати машин. Я медленно проехал вдоль рядов и заметил, что в одном "шевроле" ключ не вынут.

Судя по отсутствию публики, сеанс недавно начался. Так что пропажу обнаружат только часа через три. Поэтому я прошел в маленький бар, находившийся по соседству, и попросил двойную порцию виски.

Человек за стойкой был до приторности любезен.

– Довольно тоскливо сегодня на улице, не так ли?

Я кивнул и спросил его, сможет ли он приготовить мне бифштекс.

Он, все еще продолжая улыбаться, покачал головой.

– Бифштексов у нас не бывает. Может, удовольствуетесь бутербродом с ветчиной?

Я предоставил ему принести то, что он может. Он исчез на кухне, и через пару минут женщина вынесла мне бутерброд с ветчиной. Я быстро с ним расправился. Потом я купил сигарет про запас, сунул одну из них в рот и направился к стоянке, находившейся перед кинотеатром.

Теперь мне нужно было только найти Докерти.

Когда я остановился рядом с "шевроле", наступила реакция. Началось со страха, а потом пришло и все остальное.

Нет более противного чувства, чем какая-то неприятная пустота в желудке. Видимо, нервы мои были в полном беспорядке. Но я сел в машину и нажал на газ.

Вахтер завода Дугласа встретил меня неприветливо. Однако пара долларов, сунутых ему в руку, сразу повысили мой авторитет. Он быстро спрятал их себе в карман и погладил густую

бороду.

– Начальника цеха ночной смены? Ну да, конечно. Но впустить вас я все равно не смогу. Разве что позвонить?

Я стал ждать, изучая огромный комплекс зданий. Концерн Дугласа работал на полную мощность, строя огромных серебряных птиц, даже таких, которые откладывали взрывоопасные яйца.

– Нет, – сказал вахтер в трубку. – Своим именем он не назывался. Он просто интересуется одним человеком, который работает в вашей смене. Льюисом Докерти.

Начальник смены чертыхнулся на другом конце провода. Вахтер передал мне трубку.

– Вот, говорите теперь сами.

Начальника смены звали Коделл, и он, казалось, был разумным человеком. Но о Льюисе Докерти он ничего хорошего не сообщил. Парень появился на заводе пьяный в стельку и в новом "форде". Но не для того, чтобы работать.

Коделл подтвердил мои предположения относительно внезапного обогащения Докерти:

– Он вел себя так, будто его усыновил Рокфеллер. Но свое жалованье он все-таки потребовал.

– И получил?

– Конечно нет. Оно выдается отделом труда и зарплаты. По почте.

– Он оставил свой адрес?

– Да. Теперь он живет в "Вэлли-клабе", апартаменты 3-А. – Начальник смены недовольно хрюкнул. – Никак не могу понять, зачем человеку какое-то жалованье за четыре дня, если он может позволить себе поселиться в "Вэлли-клабе"?

– Может быть, он приехал к вам только для того, чтобы похвастаться новой машиной?

– Может быть. Но ведь и одежда у него была вся новая. А почему вы заинтересовались этим парнем? Он что, ограбил банк или совершил какую-нибудь другую, аналогичную штучку?

– Скажем, какую-нибудь другую, – ответил я.

– Вы из полиции?

– Нет.

В его голосе снова появились нотки заинтересованности.

– А может быть, вы просто ищете работу и можете обслуживать револьверный станок?

– Нет, – сознался я. – Этого я делать не могу, не умею.

– Понятно, – протяжно произнес он. – Что ж, я надеюсь, мои показания помогут вам в дальнейшем. – Раздался щелчок – он повесил трубку.

Было ровно девять. Я прошел к украденному "шевроле" и отправился в нем дальше. Если дождь не сыграет со мной злой шутки, то Стив Миллет и Шерри Гембл скоро должны будут приземлиться в аэропорту Лос-Анджелеса.

Портье "Вэлли-клаба" неодобрительно посмотрел на меня. Было очевидно, что друг мистера Докерти не может быть его другом.

– Да, – сказал он, наморщив лоб. – Семья с такой фамилией живет здесь... Приехали вчера вечером.

Он был слишком хорошим портье, чтобы позволить дать волю своим эмоциям, но лицо его тем не менее говорило, что он послал бы этих Докерти ко всем чертям.

"Вэлли-клуб" был самой дорогой отелью во всем районе. Такой же дорогой, как и "Бель-Эр", с той лишь разницей, что там не останавливались на длительные сроки. Хорошенькие девушки со своими спутниками, удачливые спекулянты и игроки, кинозвезды, которые уже скользили по наклонной плоскости, любопытные туристы, которые потом хотели дома похвастаться, что побывали в "Вэлли-клубе", – вот каковы были посетители этого отеля. И вдруг какие-то Докерти!

Портье посмотрел на свои ухоженные ногти.

– Вы хотите, чтобы я доложил о вас, сэр?

Я положил на стол десятидолларовую банкноту, сложенную до величины почтовой марки. Он оказался не очень гордым и сунул банкноту в карман.

– Нет, не старайтесь. Я сам поднимусь к ним.

– Как вам будет угодно, сэр.

Широкий коридор был устлан коврами. Я подошел к двери апартаментов 3-А. Открыла Тедди Докерти. Она была в ярко-красном одеянии, которое, наверное, стоило целого состояния.

Узнав меня, она попыталась захлопнуть дверь, но моя нога уже стояла на пороге.

– Не надо, миссис Докерти, – пожурил я ее. – Ведь вы не так грубо воспитаны?

Я вошел в комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Ее серые волосы топорщились в беспорядке, а проволочка слухового аппарата была по-прежнему грязной. За исключением одежды, она оставалась той же грязнулей.

Чарли, ее супруг, сидел в глубоком кресле. Новый твидовый костюм выглядел на нем ужасно. В левой руке он держал бутылку виски, в правой – куриную ножку. Стол рядом с ним был забросан обглоданными ножками и заставлен бутылками и стаканами.

Тедди повернула кнопку своего слухового аппарата.

– Кто вы? И что вы хотите?

Ее супруг оказался более благоразумным.

– Ты отлично знаешь, кто это. И я ведь предупреждал тебя и Льюиса, что все пойдет не в ту сторону, в какую вы надеетесь.

Тедди со злостью взглянула на него.

– Придержи язык!

Я огляделся, ища глазами Льюиса. Приблизительно я мог себе представить, что чувствовал мистер Рот. То же самое почувствует вскоре и администрация "Вэлли-клуба". Казалось просто невероятным, что все три человека могут за сутки причинить такие убытки. Из

апартаментов, которые стоили в сутки ни много ни мало сорок долларов, они, не прожив и суток, уже устроили свинарник.

Тедди снова повернулась ко мне.

– Уходите! – Она все еще считала меня полицейским чиновником. – Мы не совершили никакого преступления. А если понадобится, мы покинем эти апартаменты, не так ли?

– Убавьте мощность своего слухового аппарата, – заметил я. – Он свистит.

Она послушалась.

Чарли Докерти сегодня не брился. Глаза его были красные. Он все повторял:

– Я же говорил тебе и Льюису...

И Тедди снова накинулась на него:

– Придержи язык!

– Я пришел по поводу тех криков, – заметил я. – Вы же помните: два крика в ночи, которые последовали друг за другом с интервалом в полминуты.

Она холодно посмотрела на меня.

– О каких криках вы говорите? Я вообще ничего не слышала:

Докерти протянул мне бутылку.

– Отхлебните лучше глоточек, сэр. Это хорошее виски.

– Благодарю, не надо.

Я не вытаскивал своего револьвера и не угрожал им арестом. А Тедди наглекла с каждой минутой.

– Я вообще не слышала никаких криков! Можете спросить моего мужа! – Она показала на миниатюрный аппарат, который находился у нее в ухе. – Без этого я бы вообще была глухая, как фонарный столб, уважаемый. А почему, скажите мне, пожалуйста, я должна носить этот аппарат без четверти четыре ночи?

– В это время вы готовите ужин для Льюиса. Он любит теплую пищу, особенно перед сном.

Она покачала головой.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Льюис уволился со своей работы, – заметил Чарли Докерти. – Ему больше не нужно работать. И никто из нас больше не будет работать. Парочку недель мы проведем здесь, а потом я куплю апельсиновую рощу.

Десять тысяч, которые предлагал мне Пол, нашли хорошего хозяина. Глэд быстро справился со всякими ночными криками. Миссис Докерти наверняка не заговорит. Для нее эти десять тысяч долларов означали все деньги форта Нокс.

На серебряном блюде лежало филе миньон, до которого пока никто не дотрагивался. Чтобы мой желудок вновь не стал подниматься к самому горлу, я начал уплетать его вместе с хлебом. При этом я раздумывал, как мне действовать дальше. Филе миньон оказалось очень

вкусным.

– Угощайтесь! Угощайтесь! – дружески сказал Докерти. – Я никогда не знал, что на свете существуют такие вкусные вещи.

– Надеюсь, вы понимаете, – сказал я наконец, – на что вы идете? Вы покрываете убийцу. А вы знаете, что за содействие убийце полагается тюрьма? Десять лет.

Мои слова произвели большое впечатление на Чарли.

– Я же вам говорил...

Тедди побледнела.

– Я... я...

Но дверь открылась и вошел Льюис. Он был навеселе. Его полосатый костюм стоил по меньшей мере сто пятьдесят долларов.

Льюис какое-то время смотрел на меня. Ни один мускул не шевельнулся на его бледном лице. Почти белые волосы и бледные глаза делали его похожим на кинозвезду из фильма ужасов, но только в негативном варианте.

– Этот чиновник... – начала миссис Докерти.

Льюис ее перебил:

– Никакой это не чиновник! Он – частный детектив. И у него самого неприятностей по самую шею, чтобы он еще смог доставить неприятности нам. – Он кивнул головой в сторону двери. – Убирайтесь! Или я позвоню куда нужно!

– А куда именно? – спросил я. – Полу Глэду или Саулу Блисссу?

Он сунул в рот сигарету.

– Я не имею понятия, о ком вы говорите. И мать моя не слышала никаких криков!

Миссис Докерти скрестила руки на своей груди.

– Мой сын верно говорит. Я ничего не слышала.

– Вообще ничего, – подхватил Чарли. – Ведь Тедди глуха, как фонарный столб, без своего аппарата. А я спал, когда все это случилось.

Я взял свою мокрую шляпу и нахлобучил на голову. Юноша с ухмылкой посмотрел на меня.

– Не огорчайтесь. – Он открыл бутылку виски. – Выпейте лучше рюмочку, прежде чем уйти...

Мой кулак вылетел как катапульта и врезался в его подбородок. Рюмка улетела в потолок. Он был без сознания еще до того, как упал на ковер.

У миссис Докерти округлились глаза от страха.

Чарли хитро подмигнул.

– Хороший удар, сэр. Но это вам не поможет. Мы привыкли получать удары...

Я не нашел ответа на его слова, точнее, убедительного ответа. Только сказал:

– Это вы завязли по самую шею. Позвольте вас предостеречь. Вы не знаете, на что способен Пол Глэд, а я знаю!

С этими словами я перешагнул через Льюиса и открыл дверь. Перед уходом я снова обернулся.

Картина мне показалась совершенно гротесковой. Сын без сознания лежал на полу. Насмешливый и полупьяный отец сидел за столом, загроможденным всякими яствами и напитками. Старая мать стояла с тяжело вздымавшейся грудью, застыв посреди комнаты и пронзая меня своими взглядами.

Я захлопнул дверь с такой силой, что задрожала стена. И поспешил к лифту.

Глава 18

Дождь немного убавил свою силу. Даже луна пыталась выглянуть сквозь тучи. Огромная толпа людей ожидала в холле аэропорта великую "звезду" и его последнюю жену. В основном это были фотографы и репортеры – студия позаботилась. Хотя "Консолидейтед Пикчерз" собиралась выбросить Стива Миллета за борт, в чем, правда, в последнее время я начал сомневаться, они пытались выжать каплю паблисити даже из каменного здания аэропорта.

Миллет мог рассчитывать на хорошую прессу. Девушки-подростки по всей стране расхватывают газеты и журналы с ним и Шерри, будут в мечтах проводить ночь в его постели и с нетерпением ждать его следующий фильм.

Если только он будет.

Блисс должен был – так же, как и Пол Глэд, – защищать свой капитал. Стив обладал тайным контрактом, который имел подпись только Саула Блисса. Влияние Саула на кинокомпанию было огромным. Мне даже казалось, будто я слышу его голос: "Ну, а с другой стороны, джентльмены, видимо, было бы целесообразно проверить еще раз, к каким результатам мы пришли. После этого брака Стива Миллета и принимая во внимание отголоски прессы..." На что только не пойдет человек ради денег!..

Я был хорошо спрятан в толпе. Впереди стоял Саул Блисс и с серьезным видом беседовал с лейтенантом Грином. Последний время от времени покачивал головой. Видимо, он отклонял все, что предлагал ему Блисс. А Блисс мог предлагать только одно: по просьбе студии не трогать Стива Миллета до завтрашнего утра.

Бенни Томас, шеф пресс-центра студии, решил помочь Блиссу. Но, как я смог заметить, он имел не больше успеха, чем его предшественник. У Грина был такой вид, будто у него сильное расстройство желудка.

Наконец огромный самолет легко, словно перышко, приземлился на бетонную полосу и через несколько минут подкатил к зданию аэропорта. Девушки, которых Бенни распределил в толпе, подняли истошные крики приветствия.

Я начал высматривать Эрнста Гэри, но нигде не мог его найти. Или я переоценил его подбородок, или же он оказался настолько хитрым, что сменил привычную одежду.

Зато Пола Глэда и Элмера я увидел. К моему удовлетворению, голова Элмера оказалась перевязанной. Шляпа была надета набок, на повязку. Я гордился преподанным ему уроком, но одновременно и разочарован, поскольку он быстро поднялся на ноги. Немножко больше

перцу, Слэш! Черепа у гангстеров довольно плотные.

Пол казался совершенно несчастным. Впервые, с тех пор как узнал его, я заметил морщины на его лице и темные круги под глазами. Теперь можно поверить, что он любил Джоан. Как же он сказал тогда? Что-то вроде этого: "Она была плохая. Но я ее любил, Джонни. Может быть, как раз потому, что она была плохая. Мы одного поля ягоды".

Нет, Пол не убивал Джоан Уорнер. И не приказывал убить ее. Слава богу, что он этого не сделал.

Сперва из самолета показалась молодая женщина. Девушки из группы Бенни Томаса восторженно ее приветствовали. Действительно златовласая Шерри Гембл, урожденная Бесси Чарльз, а теперешняя миссис Миллет, была прелестна. Она улыбалась поверх букета роз, стебли которых были почти такой же длины, как и она сама, и спускалась по трапу. Ее встретил залп фотовспышек.

За ней шел Миллет. Его белоснежные зубы вызвали бурю восторгов у подростков. Не было никакого сомнения: "Консолидейтед Пикчерз" взвесила все "за" и "против" и пришла к решению, что Стив Миллет еще сможет дать им прибыль. Рев восторженных девушек можно было сравнить с ржанием стада диких лошадей, которые после годовой изоляции внезапно увидели перед собой жеребца.

Я бросил взгляд на Стива. Блестяще выглядит, дьявол! Его пальцы, правда, слегка дрожали, когда он закуривал сигарету и высматривал поверх голов Пола Глэда. От Глэда его взгляд скользнул к Блиссу, а от него – к лейтенанту Грину.

Мои глаза отыскивали Шерри. Она не была похожа на молодую жену в день венчания. Она показалась мне смущенной и удивленной.

Под защитой дико кричащих подростков и более мягко настроенных взрослых я пробрался поближе. Каждую секунду я был готов услышать выстрелы, но их не было. Возможно, юный ковбой из Вевоки действительно не появился на аэродроме.

Миллета уже успела поглотить толпа молодых девушек. Каждая из них получила десять долларов, чтобы обеспечить газетный материал о встрече знаменитой "звезды". Голливуд действовал по старому правилу: если девушки еще сходят по нему с ума, значит, актер на что-то годится. А уж если шоу устраивал Бенни Томас, то оно проходило на высшем уровне.

Операторы окружили Шерри. Они давали ей указания, как она должна улыбаться, как поставить ноги.

Я протиснулся как можно ближе к пункту выдачи багажа, где Стив Миллет о чем-то спорил с лейтенантом Грином. Я услышал, как Стив говорил:

– Посмотрите только на эту встречу! Не прошло ведь и тридцати шести часов, как мы женаты. Неужели вы действительно не можете подождать до утра?

Шестой брак его ничуть не изменил. Стив всегда во всем винил других.

Грин, Блисс и Томас пригнулись поближе друг к другу. Потом Грин предложил компромисс:

– Нет, ждать я не могу. Но при наезде по небрежности и бегстве с места происшествия позволяют залоги. Мистер Блисс сказал мне, что студия готова выплатить любую сумму в качестве залога. Значит, мистер Миллет будет задержан... э-э... ненадолго.

Стив взглянул на Блисса. Тот едва заметно кивнул. Черная овца вернулась в стадо. Контракт Миллета был официально возобновлен. Наверняка его не посадят за случайный наезд.

Значит, им это опять удалось.

Стив поцеловал свою молодую жену. Это предназначалось репортерам. Потом взял ее под руку, и они пошли через холл к лимузину студии, поджидавшему их. Блосс и Грин последовали за ними.

Остался только Томас. Он уговаривал репортера, как можно пышнее расписать свадьбу Миллета и как можно мягче обойтись с этим "несчастливым случаем".

Я все еще двигался вместе с толпой, покидавшей здание аэропорта. Шерри была прелестна, как картинка. В красном прозрачном дождевике, который каким-то образом подходил под цвет ее волос, она показалась мне настоящей Красной Шапочкой. Ее похитил Злой Волк, и, судя по всему, ей это нравилось. Наверняка Шерри не знала, что ее двоюродная сестра погибла. Возможно, она только знала о смерти Джоан Уорнер, но по ее виду этого сказать было нельзя.

Я подождал, пока закончится официальная часть, потом заехал в Ван-Нуйе, дал две телеграммы и помчался на ранчо Миллета, чтобы дожидаться там Стива и Шерри. Украденный "шевроле" я поместил в воротах соседнего участка и прошел оставшуюся часть пути пешком.

Ян к тому времени успел найти помощников и убрал дерево, загромождающее проезд. Все комнаты в доме были ярко освещены, ожидая приезда шестой миссис Миллет. Интересно, возьмет Стив Шерри на руки, чтобы перенести через порог?

Минут сорок спустя появился Миллет со своей новой женой, а с ними Пол Глэд и Блосс. Ян, в черных брюках и белой куртке, поприветствовал супружескую пару, и все прошли в холл.

Шерри больше не улыбалась. Она пыталась улыбнуться, когда Стив, видимо, отпустил какую-то банальную шутку, но глаза ее оставались большими и печальными. Вероятно, в полицейском участке ей сказали, что Лаура Джин погибла.

Я держался в тени дома, отыскав рядом с окном неплохое место для подслушивания. К сожалению, дождь совсем прекратился.

– Не принимай это так близко к сердцу, дорогая, – сказал Миллет. – Я действительно не виноват, ведь произошел несчастный случай. Это признает даже лейтенант Грин. Что тут поделаешь?..

Но Шерри была не из глупых девушек.

– А почему Лауре Джин понадобилось расхаживать по бульвару Сепульведы в три часа ночи?
– задала она вопрос.

– В три сорок пять, – уточнил Глэд.

Миллет сунул руки в карманы брюк.

– Откуда мне знать?

На помощь ему пришел Глэд:

Возможно, она собиралась с кем-нибудь встретиться. Ведь у нее был некто мистер Блейк, о котором упоминал отец. Таинственный Блейк, который так никогда и не зашел к ней в дом... Который всегда встречался с ней за пределами города, где не было любопытных глаз.

Глэд взглянул на Миллета, и тот вздрогнул.

– Да, без сомнения, – с некоторым опозданием отозвался Стив. Он наполнил старомодный бокал виски и протянул его Шерри. – А теперь выпей это и иди в спальню. Я приду буквально через минуту. Только пожелаю спокойной ночи мистеру Блисссу и мистеру Глэду.

Шерри запротестовала:

– Но, Бенни, я же не могу так много пить. Со мной будет то же самое, что и в Лас-Вегасе. Я опьянею.

Миллет улыбнулся ей.

– Не говори глупостей, дорогая. Выпей, и ты почувствуешь себя лучше.

– А в Лас-Вегасе вы опьянели? – поинтересовался Глэд.

– Еще как! – Шерри наморщила носик. И чтобы сделать Стиву приятное, выпила большой глоток. – Бедная Лаура Джин! Она бы так гордилась, если бы узнала, что я – твоя жена, Стив.

Миллет погладил ее по руке.

– Тебе повезло, дорогая. Вспомни хотя бы об этой толпе на аэродроме. Как она приветствовала тебя...

Шерри от гордости сразу стала выше на два дюйма.

Блисс обтер свои пальцы носовым платком, а затем обрюзгшие щеки с таким видом, будто совершенно устал от этого идола.

– Всего хорошего, Стив! Я наконец понял, что больше всех вы любите самого себя. Почему бы вам не жениться на себе, Стив Миллет?

Блисс был в пальто, так как либо не успел, либо не захотел снять его. А теперь он взял шляпу и, не сказав больше ни слова, вышел за дверь, сел в машину и уехал.

Шерри выпила виски.

– Старый доносчик.

Миллет снова погладил ее, на этот раз пониже.

– Ну, а теперь иди, милая девочка!

Она направилась к двери, но обернулась.

– Что, дорогая? – обеспокоенно спросил Стив.

– Может быть, мне не надо было говорить лейтенанту Грину, что мистера Блейка в действительности зовут иначе?

– Откуда ты это знаешь?

– Мне сказала Лаура Джин.

Веко левого глаза Стива ритмично задергалось. Мышцы шеи словно одрябли. Великая "звезда" становилась старой.

Пол Глэд поправил свой галстук.

– А как его зовут на самом деле, Шерри?

Маленькая златоглавка уже опьянела:

– Прошу называть меня миссис Миллет.

Глэд извинился.

– Ну так какое же настоящее имя этого мистера Блейка?

– Не знаю. Лаура только сказала, что он – киноактер. – Она с улыбкой посмотрела на Стива, – Стив ведь тоже не хотел, чтобы я кому-нибудь рассказывала о нашей помолвке. Вот и Лаура Джин не стала мне называть настоящее имя этого человека, пока они не поженятся. Как вы думаете, я должна сказать об этом полиции, мистер Глэд?

– Нет, – ответил Пол и побарабанил пальцами по столу. – Нет, я не думаю, что это нужно делать.

– Только не задерживайся, Бенни, – сказала она на прощанье и вышла.

– Не бойся, не задержусь! – крикнул ей вслед Миллет.

Он плотно закрыл дверь за своей женой. Потом прошел к бару и выпил виски.

Голос Глэда прозвучал резко и холодно:

– Виски тебе сейчас не поможет! Подумай лучше, как выбраться из этой истории.

Миллет увидел монетки на баре. Когда я их, собственно, положил? Вчера? В прошлом году? Вечность тому назад? Он взял одну из монеток и начал играть с ней.

– Я уже из всего выбрался. Джонс видел меня только один раз. Больше никто.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

С Полом Глэдом что-то произошло. Едва он заговорил, лицо его горько сморщилось. Наверняка он последние часы много думал о Джоан. И теперь выглядел так, будто он действительно честный человек. А хотелось ему наверняка сесть и заплакать.

– Ты всегда был хитрым парнем, Стив.

Миллет резко обернулся.

– Перестань объясняться намеками!

– А зачем мне это нужно?

– Я взял тебя в долю, не так ли?

Глэд покачал головой.

– Пока что ты сделал меня своим исповедником.

– Ну и не кричи об этом!

– Тут все равно никто не слышит. – Глэд поправил галстук. – Джоан тоже мертва. А то, что я тебе сейчас скажу, тебя, наверное, рассмешит.

Миллет удивленно посмотрел на него.

– Я ее любил, – продолжал Пол Глэд.

– Ты любил Джоан?

Пол кивнул.

– Да, Стив. Пол Глэд любил милую потаскушку. Хотя и знал, что она его обманывает. Но это не играло никакой роли. Ведь она была Джоан.

Стив выпил свой стакан.

– Какое свинство! Настоящее свинство! И Слэгл ее убил... Ведь это сделал Джонни, не так ли?

– Говорят...

– Я читал об этом в Лас-Вегасе.

Глэд открыл рот, но промолчал, поднялся и взял шляпу со стула.

– Ну, ладно, я исчезаю. Иначе твоя жена тебя не дождется. Спокойной ночи, Стив! И потом...

– Да?

Лицо Глэда стало бесстрастным.

– Помолись за меня, Стив!

– Не понимаю?

– Помолись за то, чтобы я добрался до убийцы Джоан раньше, чем его схватит полиция! И приятных снов, Стив! Спокойной ночи!

В холле было тихо. Стив стоял у бара. На улице тоже все стихло. Я уже настолько сжился с дождем, что мне стало его не хватать.

А Миллет не торопился отправляться в спальню. Он усталел на дно пустой рюмки и, казалось, что-то выискивает там. Я знал, в чем дело. Саул Блисс урегулировал его дело с "несчастливым случаем". Студия заключила с ним новый контракт. И он – Миллет – остался сейчас наедине со своей совестью.

Кто-то шел по дорожке. Я плотнее прижался к стене. Какой-то молодой человек. Он прислонил к перилам свой велосипед, посмотрел сквозь стеклянную дверь холла и осторожно постучал.

– "Вестерн Юнион"! – выкрикнул он. – Телеграмма для мистера Стива Миллета!

Я обошел дом и заглянул в окно спальни.

Шерри уже сняла свою одежду, и на ней сейчас была лишь тонкая ночная рубашка. Ее маленькое красивое тело напомнило мне Салли. Салли в восемнадцать лет.

Ночная рубашка упала на пол, когда Шерри подошла к зеркалу, чтобы подкрасить себе губы. Ей, казалось, было трудно ориентироваться в этом зеркале, так как на нее смотрели сразу пять Шерри.

Она пожала плечами, села на кровать и положила руки на колени.

Мне казалось, что я отгадал ее мысли. Теперь, когда она имела то, что хотела, в ее головке постоянно вертелся вопрос: а хотела ли она именно этого. Имея молодую и красивую жену, муж что-то уж не слишком стремился к ней.

Я подошел поближе к окну и тут же за правым ухом почувствовал холодную сталь кольца. Ковбой сказал в своей протяжной манере:

– Вы обманули меня, уважаемый! Вы хотите Бесси для себя! Что ж, хорошо, ее никто не получит – ни вы, ни Миллет. Я пристрелю его, как только он войдет в дверь. А потом разделаюсь с вами!

Глава 19

Я покосился в сторону спальни. Шерри поднялась и оттянула одеяло на огромной брачной кровати. Но по ее щекам катились слезы.

На каждом курорте бывают дожди, в каждом супе можно найти волос. Волосом в моем супе был Эрнст Гэри. Я уже несколько часов ждал этого момента. А тут вмешался Гэри. Аргументы теперь не помогут, я понял по его взгляду.

– О'кей! – прошипел я. – В таком случае, стреляйте! Вон он как раз входит в дверь!

Кольцо исчез с моего уха. Лицо Гэри повернулось в сторону спальни. А я вложил всю силу в удар. Он лишь вздохнул и упал мне на руки. Я сунул его кольцо за свой пояс и опустил ковбоя на землю.

В руке Миллета была бутылка и два бокала. Он поставил все на столик перед кроватью, снял пальто и расслабил галстук.

– Ну, вот и мы, – сказал он.

Любовь, романтика, страсть. Ответ на мечты бесчисленных девушек. Золотой башмачок Золушки. Где? Вместо всего этого два бокала, бутылка виски и реплика: "Ну, вот и мы!" Шерри осталась сидеть на кровати, держа руки на коленях.

– Да, вот и вы, – прошептала она.

"Казанова" наполнил бокалы.

– Ты еще расстроена?

– Это все из-за Лауры Джин, – ответила Шерри. – Мне так жалко ее.

– Мне – тоже, – кивнул Стив. Сейчас он казался старым. Старее, чем когда-либо раньше.

Он протянул ей бокал.

– Но, Бенни...

– Выпей! – Она повиновалась, и он сразу же наполнил ей еще. – Еще немного, чтобы немножко закружилась голова. – Он погладил ее по руке. – Мне нравится, когда ты немножко пьяная, дорогая.

Шерри выпила и этот бокал маленькими глотками.

– Я не привыкла пить, Бенни. Пока еще не привыкла. То, что было вчера, не должно повториться сегодня. Иначе я снова засну, и мне будет очень жалко...

Стив улыбнулся той улыбкой, которая в течение многих лет ссорила многих жен со своими супругами.

– Я не позволю тебе заснуть, дорогая!

Он поцеловал ее в губы. Это был долгий поцелуй.

– Ты так добр ко мне, Бенни, – наконец прошептала девушка. Голос ее заплетался, глаза закрывались сами собой.

Стив поцеловал ее еще раз. В конце концов тело девушки окончательно расслабилось в его объятиях. И в тот же момент его интерес к ней пропал. Он положил ее на кровать, словно куклу, и укрыл до подбородка одеялом. Из своей рюмки он не выпил ни глотка.

Действия его нельзя было назвать неумными. Тот, кто бросил бы хоть один взгляд на Шерри, ни за что не поверил бы, что кому-то придет в голову бросить ее и заняться другими делами.

А Стив вылил остатки из обоих бокалов в раковину и туда же вылил все, что осталось в бутылке. Потом поправил галстук и взял пальто, достал из ящика стола перчатки из необработанной кожи и медленно натянул их. Миллет был подготовлен и, как мне показалось, знал, что ждет его впереди. Его самоуверенность по отношению к Полу Глэду была полностью наигранной. Уверенным нельзя быть никогда, даже при убийстве.

Из того же ящика стола Миллет вынул дешевый никелированный револьвер и проверил его. Потом погасил свет и вышел из спальни. Он немного волочил ноги.

В этот момент ковбой пришел в себя и схватил меня за ноги. Я оттолкнул его.

– Да прекратите же наконец, вы, болван! Я же на вашей стороне. Чтобы доказать это, я помог ему подняться на ноги. Луна светила ярче. Он мог удостовериться, что Шерри – или Бесси – была одна и спала.

– Я просто не знаю... – Он покачал головой. – Вы все такие странные.

– Поверьте мне, молодой человек, вы тоже не без странностей, – успокоил я его.

К другой стороне дома подъехала машина. Я вместе с ковбоем быстро прошел вперед. Спортивная машина Стива Миллета все еще стояла, но черный "плимут" Яна исчез.

У меня не было времени бежать четверть мили до моего ворованного "шевроле". Поэтому мы уселись в спортивную машину. Выезжая из ворот, я вернул Эрнсту Гэри его кольт.

– Поясните ваши слова, – попросил я. – Вы говорили, что Таддеус Джонс не так уж плохо живет. Что вы имели в виду?

Глава 20

Сартилло-авеню словно вымерло. Перед домом номер 41638 черного "плимута" не было.

Я свернул за угол и остановился на параллельной улице. Вместе с Гэри мы перелезли через деревянный забор и подошли к дому с задней стороны.

Внезапно ковбой схватил меня за руку.

– Послушайте, мистер! Если вы меня тут...

– Подождите! – перебил я его. – Скоро все кончится.

Он уставился на меня, но не сказал ни слова.

Рядом с верандой разросся большой куст. И пахло как в кладбищенской часовне. Я взглянул на верхний этаж. Жалюзи были опущены, но за одним из окон мерцал желтоватый свет. Обе двери были заперты, но окно кухни было открыто. Я перерезал ножом проволочную сетку от мух и повернулся к ковбою.

– Ну как, мы – партнеры?

– Партнеры.

– Хорошо. Тогда оставайтесь здесь, Эрнст. Держитесь в тени дома. Нельзя, чтобы вас увидели. Если кто-нибудь появится, закричите как козодой. Ведь такие птицы водятся у вас в Оклахоме?

– Конечно, – подтвердил он. – Но только не в больших городах.

– В этом Миллет не разбирается, – успокоил я его. – Есть очень много вещей, в которых он ни черта не смыслит. И я издам те же звуки, если буду нуждаться в вас.

Он прижался к стене дома, в нескольких метрах от веранды. Я пролез в окно кухни и чуть было не опрокинул таз с грязной посудой. Потом какое-то время постоял, не шевелясь, пока глаза не привыкли к темноте. Хотя Лаура Джин все еще лежала в морге, тем не менее в доме чувствовался запах смерти. Может быть, все дело было в цветах, которые росли во дворе?

Я снял ботинки и осторожно поднялся на второй этаж. Здесь ночные шумы города были почти не слышны. Я осторожно двигался вдоль коридора, а потом мне пришло в голову одно мое упущение. Я быстро спустился в кухню и приоткрыл заднюю дверь, чтобы не создавать Стиву Миллету дополнительных трудностей.

Поднявшись снова на второй этаж, я проскользнул к освещенной двери и заглянул туда.

Комната была похожа на спальню, но заваленная трофеями старого джентльмена. В одном углу висели подержанные седла и свернутое лассо. На деревянной подставке стояло несколько кубков. Слева я увидел музыкальный ящичек-шкафчик, рядом – груды пластинок.

Таддеус Джонс сидел в кресле, элегантно одетый, держа в руке свою любимую флейту. Глаза его смотрели в пустоту, и он покачивался всем телом, как это делают люди, когда горе их достигло той стадии, которую уже трудно вынести.

Я снова отступил в коридор и отыскал другое помещение. Тут я мог спрятаться. В тот же миг в нос мне ударил запах виски. Теперь лишь три фута отделяли меня от дула никелированного револьвера. Стив Миллет уставился на меня.

В рассеянном свете, падавшем из стеклянной двери, я увидел, что черты его лица искажены – это было само воплощение зла. И в то же время он напомнил мне одно видение: тот же влажный блеск в глазах и мягкость губ. И все недостающие части шарады внезапно очутились в моих руках. Теперь я знал, кто убил Джоан Уорнер. Лицо Стива Миллета напомнило мне сейчас лицо Фрэнка.

– Вот ты и здесь, Джонни, – сказал он. – Как все порой неожиданно оборачивается, не так ли?

Ты думал, что сможешь послать меня в газовую камеру. От ненависти ко мне ты даже порвал контракт со студией, чтобы уничтожить меня. – Влажный блеск в его глазах усилился. – Но ты меня не уничтожишь. Я покончу сперва с одним делом, а потом с тобой.

Я спросил, как ему удалось проникнуть в дом.

– В переднюю дверь, – ответил Стив. – Стоял поблизости от дома, пока не заметил, как мимо проехала моя спортивная машина. К счастью, я успел взять ключ в сумочке Лауры Джин. Уже тогда я предчувствовал, что он мне пригодится.

Палец его лежал на курке. Теперь смерть была в дюйме от меня.

– Тебе будет трудно объяснить полиции, откуда взялся мой труп, – сказал я.

В губах его торчала сигарета, и красный огонек немного вспыхивал, когда он затягивался. В кожаных перчатках и с никелированным револьвером он чувствовал себя уверенно.

Миллет одарил меня своей знаменитой улыбкой.

– А зачем мне все это объяснять? Какое отношение я имею к двум трупам, найденным на Сартилло-авеню? Я сейчас дома, в своей постели, вместе с женой. Вчера я в шестой раз женился. И моя женушка очень миленькая.

– Но ты же ее не любишь, Стив.

Он провел кончиком языка по губам. Потом чертыхнулся.

– Моя частная жизнь тебя не касается! Ну ладно, топай к своему старику в комнату. Пора покончить со всеми вами.

Глуховатому Джонсу все-таки наш разговор был слышен. И когда мы вошли в комнату, он с возмущением поднялся. Я шел первым, за мной – Миллет, тыча мне пистолетом в спину. Я понадеялся, что сердце старика выдержит и у него не случится сердечного приступа.

– Что это все значит! – воскликнул старый джентльмен. – Что вам нужно? Могу я узнать, кто вы такой, сэр?

Я прислонился к стене и заметил, как побледнел Миллет. Еще никогда в жизни я не видел зрелища, доставившего мне большее удовольствие. Влажный блеск в глазах стерся, и на его месте остался неприкрытый страх, вернее, трусость. Возможно, он хотел бы выглядеть решительнее, но не мог.

– Как, что это значит? Зачем вы начали меня шантажировать? Я получил от вас телеграмму.

Джонс придерживал ухо рукой, чтобы лучше слышать.

– Какую телеграмму? Но я же вас не знаю, сэр.

Стив бросил на меня злобный взгляд.

– Проклятая собака! Значит, это твои штучки?

– Кто этот человек? – повторил старик, глядя на меня.

– Иногда он себя называет мистером Блейком, – ответил я.

Краска вновь вернулась на лицо старого джентльмена. Он ткнул флейтой в Миллета.

– А-а, теперь-то я вас узнал. Что вы сделали с Лаурой Джин? Почему вы оставили мою дочь одну в этом пустынном месте? – Он помолчал, сделал шаг вперед. – Лаура умерла. Я опознал ее труп.

Стив хрипло выдавил:

– Да, я это знаю.

– Он наверняка это знает, – вставил я. – Ведь он ее и убил!

Старый джентльмен не расслышал меня, но прочитал сказанное по губам.

– Он убил Лауру Джин? Мистер Блейк? Который стоит сейчас передо мной? Но ведь полиция говорила о несчастном случае. И Лауру случайно задавил актер по имени Миллет.

– Машина способна задавить девушку, но уж никак не изнасиловать, – объяснил я ему. – А мистер Блейк на это способен. Должен уточнить, что мистер Блейк больше известен под именем Стива Миллета.

Пот блестел на лице Стива. Он то и дело проводил языком по губам.

– И много ты разослал телеграмм, Джонни? – наконец спросил он.

Я закурил, избегая любого подозрительного движения. А потом просвистел первые такты увертюры.

– Что это значит? – Миллет поднял револьвер.

– Начало этой мелодии очень похоже на крик козодоя, – сказал я. – Ну, так что же ты собираешься делать, Стив? Сперва убить меня, а потом – мистера Джонса? А потом, наверное, прижмешь мои пальцы к револьверу? Ведь точно так же было в фильме "Преступление в полдень". А ты помнишь, что произошло с убийцей? Полиция отвезла его в Сан-Квентин, и ему позволили услышать, как пилюля упала в кислоту. И ты тоже туда попадешь. Глубоко вздохнешь, сосчитаешь до трех... А потом сможешь поздороваться с Лаурой Джин и с Джоан.

В убийствах Миллет был не силен. Во всяком случае, в убийствах мужчин. Он знал, что убить меня будет трудно, а мне это придавало силы.

– Заткнись! – прорычал он. – Иначе я прямо сейчас пристрелю тебя, Слэгл!

– Вряд ли у вас это получится! – раздался голос Эрнста Гэри со стороны двери. Он вошел в комнату и ткнул Стива Миллета в спину своим кольцом. – Но вот вас-то я пристрелю, это точно! Для этого я пролетел тысячу миль. А мой отец всегда был бережливым человеком. Он совсем не хотел, чтобы я понапрасну тратил такие деньги.

– Эрнст! – воскликнул старый джентльмен. – Эрнст Гэри!

Ковбой сильнее ткнул Миллета в спину.

– Брось револьвер, убийца!

Лицо Миллета побелело. Никелированный револьвер стукнулся об пол.

– Кто?.. Кто вы?.. – выдавил он.

– Человек, который хотел жениться на Бесси, – сказал парень из Оклахомы. – Человек, который бы и женился на ней, если бы вы не задурили ей голову.

Он хотел еще что-то сказать, но его опередила миссис Эдвардс. Из своего окна в соседнем доме она крикнула:

– Заприте спальню, мистер Джонс! – Голос ее был подобен сирене. Даже туговатый на ухо Джонс услышал. – К вам в дом только что проскользнули четыре человека. Но меня кое-кто предупредил насчет их. Полиция уже находится в пути.

Гэри и я – это два человека, Миллет – третий. А четвертый входил сейчас в комнату с лицом, искаженным ненавистью. Это был Пол Глэд. В руке он держал черный автоматический пистолет. Теперь уже ребрам ковбоя пришлось ощутить твердость стали. Пол явился один, без телохранителей, и это меня удивило.

– Я наконец хочу знать, что за комедия здесь разыгрывается? – рявкнул Глэд.

– Девушек убил Стив Миллет, – ответил я ему. – Как вы знаете, он убил Лауру Джин, а позднее прилетел из Лас-Вегаса и убил Джоан.

– Ложь! – вскричал Миллет. Он быстро нагнулся, чтобы поднять револьвер, валявшийся у его ног, но в этот момент послышалась сирена полицейской машины. Правда, еще далеко.

Парень из Оклахомы быстро обернулся к Глэду, но ни тот, ни другой не стали стрелять: они ничего не имели друг против друга.

В руке Стива оказался револьвер, и он сразу же выстрелил в меня. В плечо словно ударили паровым молотом.

В тот же момент Джонс со всего размаха ударил его флейтой по руке.

– Вы убили мою Лауру Джин! У вас на совести моя дочь!

Сильный удар флейтой пришелся Стиву по запястью, и второго выстрела он сделать не успел. Револьвер полетел на кровать. Миллет хотел броситься за ним, но я схватил его за руку и прижал к стене. И вовремя – иначе Джонс разбил бы ему всю голову своей флейтой.

Бодаясь, словно испуганная овца, киноидол вырвался из моих объятий. Тогда я изо всех сил ударил его ребром ладони по классическому носу – это было давнишним моим желанием.

– За Салли! – проинформировал я его.

Откуда-то издали донесся до меня голос Пола Глэда, почти неслышный из-за воя сирены:

– Тысяча благодарностей, Джонни!

А потом пол закружился у меня под ногами, и все вокруг потемнело.

В бюро лейтенанта Грина за прошедшее время ничего не изменилось. Массивный стол стоял на своем месте, а также стулья, шкаф для бумаг, календарь.

Я сидел на одном стуле, Стив Миллет – на другом, Таддеус Джонс, Пол Глэд, Саул Блисс, миссис Эдвардс, Эрнст Гэри и четыре полицейских стояли, прислонившись к стене.

Грин устроился за письменным столом и постукивал шариковой ручкой по промокательной подложке. Он даже не счел нужным осведомиться, как я себя чувствую.

– Ну, рассказывайте, Слэгл!

Миллет меня опередил:

– Все это ложь, лейтенант! Вы же знаете, это он сам убил Джоан Уорнер. Да и события сегодняшнего вечера я могу объяснить. Меня просто привело в дом к старому Джонсу сострадание. Я хотел предложить ему финансовую поддержку. А Слэгл, этот сумасшедший, напал на меня.

Лейтенант Грин изучал свою шариковую ручку.

– С чем он напал на вас? У Слэгла мы не нашли никакого оружия. Но под кроватью лежал ваш револьвер. С вашими отпечатками пальцев...

Стив сразу попал в ловушку.

– Этого не может быть! На мне были перчатки.

Саул Блисс закурил сигарету:

– Да! Плакали мои денежки! А мне они теперь такгодились бы!

– Больше повезет в следующий раз, Саул, – высказал я ему свое мнение.

Грин посмотрел на меня.

– Блисс имеет какое-нибудь отношение к этому делу, Джонни?

Мой ответ наверняка был бальзамом на язву Саула:

– Нет. Саул только в финансовом отношении был заинтересован в Миллете. И в отношении моего аннулированного контракта, – добавил я. – Саул убежден, что Миллет еще принесет студии прибыль. Поэтому он и старался сделать так, чтобы случай на канале привлек как можно меньше внимания. Но, насколько я его знаю, он никогда бы не пошел на сокрытие убийства.

Блисс бросил на меня взгляд, полный благодарности.

– Все это – дьявольское недоразумение! – взвыл Стив. Его перебитый нос, должно быть, здорово болел. – Я никого не убивал, лейтенант!

– Ты это уже говорил, – вставил я.

Грин взглянул на Глэда.

– А Пол Глэд?

Теперь я взглянул на содержателя игорного дома. Его ботинки были все в грязи, пальто превратилось в лохмотья. Из двух платиновых цепочек, которые поддерживали изумруд на галстук, одна была порвана. У него было такое поганое лицо и настроение, что оно его, наверное, угнетало больше, чем наручники на руках.

– Он знал некоторые обстоятельства дела, – ответил я. – Пол или кто-то из его людей тоже говорил с миссис Докерти. И сразу поняли, что означали эти два крика. Он выяснил, что Стив был с девушкой у канала, там убил и сбросил ее в канал. Но Пол почувствовал, что здесь пахло деньгами, позвонил Стиву в Лас-Вегас и тем самым сел в поезд, который и так довольно быстро катился под гору. Наверняка он сейчас был бы рад не влипнуть в это дело.

Глэд бросил на Миллета взгляд, полный ненависти.

– Все верно, – сказал он.

– А изнасилование Лауры Джин? – спросил лейтенант.

В помещении стало совсем тихо.

– Стив уже пресытился любовью, – объяснил я. – Только насилие может его еще возбуждать. Убийство Лауры Джин и дало ему этот стимулятор. Так же, как и убийство Джоан Уорнер.

– Как же он мог убить Джоан, находясь в Лас-Вегасе?

– Могу объяснить.

– И зачем надо было ее убивать?

– Потому что Джоан грозила разрушить все его планы. Все его бывшие жены шли на развод со Стивом сами. И только в одном случае он сам подал на развод. Когда речь шла о Джоан. А она хотела оставаться миссис Миллет, так как это давало ей и положение в обществе, и уважение. Я думаю, что Джоан позвонила Стиву в Лас-Вегас. Она тоже разобралась, что происходит на самом деле, и надеялась извлечь из этого прибыль. А Стив увидел шанс избавиться от меня. Он уже давно знал, что я лишь жду случая, чтобы уличить его и расправиться с ним. И на этот раз я был очень близок к этому. Не так ли, Стив?

Неожиданно Миллет расплакался. Зрелище оказалось не из приятных.

– Возможно, он пообещал Джоан деньги, – продолжал я. – А может быть, пообещал вторично жениться на ней. Джоан получила от него такие же указания, что и Пол: "Выгони Слэгла из Лос-Анджелеса! Выгони Слэгла вообще из Калифорнии, прежде чем ему удастся выяснить связь между двумя женщинами, которых я – Стив Миллет – одновременно вожу за нос!" Но в то же время Стив не доверял Джоан. Он знал, что она пила. И он знал, что она любила меня. Сегодня, например, Стив усыпил свою новую жену хлоралом. Малышка потеряла сознание буквально посреди поцелуя. Это дало ему алиби на то время, которое он собирался потратить на убийство Джонса. Подобное же произошло в Лас-Вегасе. Стив усыпил Шерри в их первую брачную ночь и прилетел сюда, чтобы расправиться с Джоан.

– Но ведь самолеты не летали из-за плохой погоды, – сказал Грин.

– Были отменены регулярные рейсы, – уточнил я. – А вы проверьте частные аэродромы. Я могу назвать вам десяток пилотов, которые за пятьдесят долларов полетят в любую погоду. Оглушив меня и убив Джоан, он пришел в такое сексуальное возбуждение, что ухитрился обвинить меня еще и в сексуальном преступлении!

– Нет, нет, нет! – запричитал Стив. – Я не делал этого.

Все, находившиеся в кабинете, посмотрели на него. Кроме миссис Эдвардс, в кабинете находились одни мужчины. А завывания Миллета сейчас были похожи на звуки флейты мистера Джонса. Только звучали они совсем не мелодично.

Глэд плюнул ему в лицо.

– Свинья!

Он даже бросился на Миллета, но двое полицейских удержали его.

Грин сунул – наконец-то! – свою шариковую ручку в карман.

– Но ради чего все это было сделано, Джонни?

– Ради денег, – лаконично ответил я.

– Ради денег?

– Как я уже говорил, Миллет боялся, что студия не возобновит с ним контракта. И если бы не Блисс, то так оно бы и было. Но Миллет был прожженным негодяем и два года назад увидел возможность заблаговременно застраховать себя от этого. Даже в двойном отношении. Эти возможности были: Лаура Джин и Бесси Гембл. – Я повернулся к старому джентльмену. – У вас большое ранчо в Вевоке, мистер Джонс?

Старый джентльмен никак не мог оторвать глаз от Стива Миллета.

– Нет, небольшое.

– Но на вашей земле имеются нефтяные источники?

Джонс покачал головой.

– Нет, сэр. Я не хотел иметь эту грязь на своей ферме. Я – скотовод, сэр, так же, как отец мой был скотоводом и дедушка...

– Но вокруг вашего ранчо имеются нефтяные источники?

– Сколько угодно, – согласился он.

Я посмотрел на Эрнста Гэри.

– Вы тоже родом из Вевоки. Расскажите-ка лейтенанту Грину то, что вы рассказали мне.

– Всем известно, – начал ковбой, – что на территории ранчо мистера Джонса находится одно из богатейших месторождений нефти во всем штате. Но до сих пор ни одному человеку не удалось переубедить старика. Даже Лауре Джин. Он говорил всем, что он – скотовод и умрет скотоводом.

– Во сколько оценивается земля?

– Я даже приблизительно не могу назвать вам ее стоимости.

Грин кивнул.

– Мне все ясно. – Должно быть, он тоже проделал большую работу. – Настоящая миссис Миллет является после смерти Лауры Джин единственной наследницей мистера Джонса. Теперь понятны и причины покушения на самого мистера Джонса. Но почему вы не женились на Лауре Джин, Миллет?

– Она не хотела выходить за меня замуж, – кислым голосом ответил тот. А начав говорить, уже не мог остановиться. Жалость к самому себе буквально перла изо всех его пор. – Я хотел на ней жениться, но Лаура Джин знала, что она некрасива, и боялась, что я гонюсь за ее деньгами, которые она рано или поздно унаследует. Три покушения на ее отца сделали ее еще более недоверчивой. Потом она увидела, что я начал ухаживать за Шерри. И тогда я понял, что для меня все закончится, если девушки разговорятся друг с другом и... и...

– И тогда вы убили Лауру Джин? – спросил Грин.

– Да, тогда я убил ее... Я думал, что это никогда не вскроется.

– План был здорово продуман, – сказал я. – И если бы не два крика, которые слышала миссис Докерти, все могло бы сойти как нельзя лучше.

Остальное было известно. Стив сразу же женился на Шерри, ибо боялся, что ее любовь

могла поостыть, едва она узнает о смерти сестры. А Пол Глэд, беспокоясь за свои пятьдесят тысяч, тоже поехал на бульвар Сепульведы и узнал все, что ему надо было. И тоже понял, что означали эти два крика. Он почувствовал запах денег и сообразил, что шантажом может получить с Миллета гораздо больше. Поэтому позвонил в Лас-Вегас и потребовал пай с этого прибыльного дела. Косвенно Пол был виновен в смерти Джоан. В интимный час с нею он похвастал, что имеет власть над Стивом. Джоан позвонила Миллету и по его требованию заманила меня в свой дом. Меня, великого и жестокого, суперхитрого Джонни Слэгла.

"У МЕНЯ ОЧЕНЬ ГОРЯЧАЯ КРОВЬ", – сказала она мне тогда.

Когда Миллет закончил и снова стал плакать, Грин недовольно поморщился.

– Уведите его! – приказал он.

Мне не было жалко Стива. И к Полу Глэду я не чувствовал жалости. Эта крыса заслужила тот срок, который будет ей назначен судом. Оба избегали смотреть на меня, когда их уводили полицейские.

Я взглянул на Грина.

– У вас есть еще ко мне претензии, лейтенант?

Он угостил меня сигаретой – впервые за все время нашего знакомства.

– Кое-какие имеются, Слэгл, – ответил он. – Я имею в виду двойной угон машин, бегство из полиции и дезинформацию. Но, я думаю, что мы сможем забыть об этом, если вы дадите мне еще одну справку.

– Я вас слушаю!

– Каким образом – черт бы вас побрал! – вам удалось побудить Стива убить старика Джонса?

– Я послал Миллету телеграмму. Вот она: "ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, ЧТО ВЫ – БЛЕЙК. ЕСЛИ ДО УТРА НЕ СМОЖЕТЕ ОПРОВЕРГНУТЬ ЭТО, Я ПОЙДУ В ПОЛИЦИЮ". И подписал: "ТАДДЕУС ДЖОНС".

Миссис Эдвардс впервые за все это время раскрыла рот:

– А телеграмма, которую вы послали мне и которая была подписана вашим собственным именем? Вы же сообщали, что таинственный мистер Блейк сегодня посетит мистера Джонса!

Я с улыбкой посмотрел на нее.

– Это было нечто вроде страховки. Я ведь знал, что вы – добрая соседка.

После этого я вышел из кабинета Грина. Ковбой топал за мной по пятам. Один из полицейских пригнал спортивную машину Стива к участку. Чтобы сэкономить деньги на такси, я поехал на ней на ранчо Миллета, где все еще стоял мой, а точнее, Салли, "форд". Дождя не было уже несколько часов, над горами занимался кроваво-красный рассвет.

Ковбой нарушил молчание, лишь когда я остановился перед машиной Салли.

– Вы знаете, мистер Слэгл, я и Бесси...

Я вышел из машины, захлопнул дверцу и прислонился к ней.

– Что – вы и Бесси?

– Я люблю ее, – тихо сказал он.

– В таком случае идите к ней. Выбейте окно или взломайте дверь... Нет, подождите, – я отделил от связки ключей золотой ключ и вложил его в мощную ладонь ковбоя. – Вот, возьмите! Он подходит к двери.

– И что мне ей сказать?

– Правду. И не приукрашивайте ничего.

Он поблагодарил за ключ, но продолжал стоять. Видимо, что-то не давало ему покоя.

– Вы думаете, Бесси со временем все забудет? И у нее появится опять какое-то чувство ко мне?

Я слишком хорошо его понимал.

– Конечно! И я вам скажу, почему. Точно такая же история произошла с одним человеком восемь лет тому назад. Только для него это было гораздо хуже, ибо он был женат на этой женщине. Два года он должен был ждать, когда она поймет свою ошибку и вернется к нему. Но даже и тогда Миллет довольно часто вставал между ними. Теперь этого уже больше нет. Все забыто. И этот ключ, который я вам сейчас отдал, был ЕЕ ключом. Им пользовалась моя жена Салли.

Гэри схватил меня за руку.

– Спасибо вам, мистер Слэгл!

– Не за что, – ответил я. – Хорошо, что я наконец развязался с этим делом.

Я сел в синий "форд" Салли. Машина шла плохо. Судя по всему, в правой крышке не хватало воздуха. У большой бензоколонки я остановился и попросил привести машину в порядок. Я ждал, поигрывая серебряным долларом, а потом подбросил его вверх, хотя знал, что я все равно позвоню ей. Доллар подсказал: "Звони немедленно!"

– Я возвращаюсь домой, – сказал я Салли в трубку. – Понимаешь, домой!

– Дорогой! – прошептала Салли. – А я так боялась... – Она не плакала, но голос ее предательски дрожал. Такой голос доходит у мужчин до самого сердца.

Я сказал без обиняков:

– Стиву придется расплачиваться. Я имею в виду самую большую расплату.

Она мгновение помедлила с ответом, а потом сказала жестко:

– Я рада этому.

Теперь я знал, что мне больше никогда не придется испытывать страх за нее.

– Поставь на плитку воду для кофе, дорогая, – сказал я и повесил трубку.